

ISSN 0130-3600

ქართული
ლიბრარი

А

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

10.335/
1993/2

1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Новый год. Стихи.
Перевод Владимира Саришвили 3
Новогоднее обращение г-на Эдуарда Шевард-
надзе к грузинской нации и народам
Грузии 4
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Путь на Голгофу.
Перевод Лианы Татишвили . . . 11
ИРИНА ЗУРАБАШВИЛИ. Рассказы . . . 71

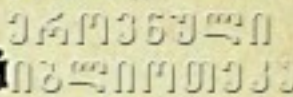
ПОЛИТИКА

- УСТАНОВИМ МИР В АБХАЗИИ, ДЕМО-
КРАТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ПО ВСЕЙ
ГРУЗИИ (Выступление Э. Шеварднадзе
на сессии парламента Грузии) . . . 86

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ

- ЛЕВАН СУЛАКВЕЛИДЗЕ. Нам нужна дело-
вая Грузия 148
ГИА НАХУЦРИШВИЛИ. Большая редкость 158

1

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВИАЦИИ
АРСЕН ЕРЕМЯН. Мученик с Вознесенской
улицы 164

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

Все, кроме лжи. (С писателем и историком ТА-
МАЗОМ НАТРОШВИЛИ беседует критик
РОСТОМ ЧХЕИДЗЕ) 171

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Письма Вильгельма фон Гумбольдта Вольф-
гангу Гёте 193

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РЭМОН ДЮГЕ. Москва и страстотерпство Гру-
зини 206

НЕОБЫЧНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Жизнь — Божий дар. (Беседа с Тамазом Чей-
швили) 222

Дипломатическая хроника 170

НОВЫЙ ГОД

Все в дар тебе — пиалы с медом,
Вино, приятное устам,
И хлеб, добытый честным потом,
Всем яствам яство — плоть Христа.

Вот госпожа, вот королева,
Господь ее благослови,
Как чайка, в мыслях имя — Ева,
А в сердце — молния любви.

Что Бог послал — единым духом
На счастье выпьем и споем,
Звенят бокалы. Все «под мухой»
В моем дому, в дому твоём.

Снег сыплет, лебединой стаей
Кружат снежинки под окном.
О Боже! Нас от зла избави,
Да минет горе каждый дом.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

143.868

საქართველოს
ლიტერატურის
ინსტიტუტი

Новогоднее обращение г-на Эдуарда Шеварднадзе к грузинской нации и народам Грузии

Дорогие друзья! Соотечественники! Завершился год 1992 — год весьма значительный, этапный в жизни современной Грузии. Наступает Новый, 1993 год.

Сегодня мы стоим на стыке не только двух годов, но на рубеже двух веков и двух тысячелетий: двадцатого и двадцать первого веков и — второго и третьего тысячелетий. Это очень ответственный период в истории грузинской нации, всех проживающих в Грузии народов и в истории человечества.

Как гласит Библия, настало время жить и время умирать, но надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес, — говорил великий Шота Руставели, и наш народ верен этой мудрости.

Говорят, душа грузина поет на регистр выше природы, вероятно, это так, но сегодня даже Новому году душа грузинская не радуется, как прежде, как издревле повелось у наших предков: война идет в Грузии, льется кровь на благословенной грузинской земле. Во многие семьи вместо новогодних поздравлений пришли траурные извещения...

Потому позвольте мне вместо традиционного новогоднего поздравления поделиться с вами новогодними моими надеждами, раздумьями, переживаниями и болями.

Оценивать минувший год и намечать перспективы года грядущего — древняя добрая традиция грузинского народа и всего человечества.

Я глубоко уверен, что Новый, 1993 год будет годом достойного завершения войны и установления стабильного мира.

На чем основывается эта моя уверенность?

На тех положительных общественно-политических, социально-экономических преобразованиях исторического значения, которые имели место в 1992 году.

1992 год — тяжелейший, но и год важнейших исторических перемен в строительстве демократической, суверенной, независимой Грузии.

Я назову здесь лишь несколько фактов и тенденций.

Первое: в 1992 году грузинский народ освободился от диктаторского режима, начался новый этап в истории Грузии.

Военный совет выполнил свою миссию и уступил место гражданской власти.

Второе: был создан Государственный Совет Грузии, который заложил прочные основы для формирования демократического, независимого Грузинского государства, были восстановлены основные принципы Конституции Грузии 1921 года.

Третье: были проведены демократические выборы и сформирована парламентская республика нового типа. Приступил к работе демократический парламент — высший законодательный и представительный орган республики. Мы приняли конституционный закон о власти, который сделал реальностью нормальное функционирование законодательной, исполнительной и судебной властей нового государства Грузии. В новое качество возвели мы демократическое законотворчество Грузии.

Четвертое: практически идет становление нового демократического государства Грузия, его исполнительной власти, был избран Глава государства и сформировано новое правительство, которые взяли твердый курс на поднятие качества жизни Грузии до уровня современных достижений в политике, экономике, социальной и культурной сферах. На днях был опубликован состав Совета Главы государства.

Пятое: заложена твердая основа перехода к рыночной экономике, интегрирования народного хозяйства в мировую экономику, взаимоотношения с валютным фондом, мировым банком, с европейским банком и другими экономическими и финансовыми организациями.

Шестое: усилилась работа по защите прав человека и национальных меньшинств. Началось мирное урегулирование в зоне Цхинвали и предприняты определенные положительные шаги для преодоления этноконфликтов в этом регионе.

Седьмое: проводится серьезная работа по созданию единой национальной демократической армии и флота Грузии, по укреплению обороны и национальной безопасности. Создан Государственный совет национальной безопасности и обороны. Крепнут связи с НАТО, с армиями многих зарубежных демократических и миролюбивых государств.

Восьмое: В 1992 году Грузия стала членом ООН, ЮНЕСКО, СБСЕ и многих международных политических и экономических организаций.

Государственную независимость Грузии признали Соединенные Штаты Америки, Англия, Германия, Франция, Испания, Турция, Россия, Китай, Иран — почти все государства всех пяти континентов мира. Это был большой внешнеполитический и дипломатический триумф нового Грузинского государства.

Короче говоря, минувший год явился достопамятной вехой в истории Грузии.

В 1992 году курс Грузии на независимость и демократическое развитие окончательно обрел исторически необратимый характер.

Это великое историческое завоевание грузинской нации и всех народов, проживающих в Грузии.

На всем этом основывается мой оптимизм, мой вывод о том, что в 1993 году в Абхазии установится мир, а во всей Грузии — подлинно демократический порядок. Я сделал такое заявление в парламенте и подтверждаю это сегодня всенародно!

В 1993 году это — главная задача парламента Грузии, правительства, Главы государства, вооруженных сил, грузинского и абхазского народов и каждого из вас.

В 1992 году наряду со значительными положительными сдвигами имелись и значительные негативные явления.

Первое и главное такое явление — конфликт в Абхазии, который приобрел одновременно существенные черты этноконфликта и гражданской войны в этом регионе, иностранной интервенции и отечественной войны. Войны не хотели ни грузинский народ, ни абхазский. Эту войну навязали нам абхазские сепаратисты и экстремисты, за спиной которых стоят империалистические и фундаменталистские силы. Ими движут далеко идущие замыслы: посягательство на территориальную целостность Грузии, отторжение от нее Абхазии.

Мы уважаем все нации и религии, но никому не разрешим нарушить территориальную и государственную целостность Грузии.

Я как Председатель парламента, Глава государства и Главнокомандующий Вооруженными силами Грузии заявляю перед лицом грузинской нации и всех народов, населяющих Грузию, что этот замысел врагов обречен на провал. Наше дело справедливое и правое, с нами весь цивилизованный мир. Нерушимость наших границ подтверждается не только конституционными нормами, но фундаментальными документами ООН и СБСЕ, актами международного права. Границы Грузии нерушимы, Абхазия — это Грузия и навсегда останется Грузией.

Об этом мы заявили с трибуны ООН. Такова наша стратегическая позиция.

Мы постоянно должны заботиться об обороноспособности страны. Сердечное спасибо всем, кто принимает участие в этом великом деле, особенно хочу выделить граждан, которые в Фонд обороны Грузии внесли свои собственные сбережения, и вновь призываю соотечественников — позаботимся об укреплении Фонда обороны.

Вторая большая проблема, которая стоит сегодня перед нами, это экономический кризис, инфляция, спад производства, безработица, голод, дефицит, рост цен, спекуляция, низкий уровень социальной защищенности населения, а вернее — его незащищенность.

Сегодня в Грузии, к сожалению, свирепствует энергетический кризис, налицо развал промышленности, сельского хозяйства, строительства, воздушного, морского, железнодорожного, автомобильного, городского транспорта, торговли, бытового обслуживания, нет у нас нормального освещения, отопления, многим городам и селам не хватает хлеба, население испытывает беспрецедентный бытовой дискомфорт и экономические трудности, катастрофически растут цены, из-за инфляции так же катастрофически падают реальные доходы населения.

Фактически развалена экономика, вся ее инфраструктура.

В особенно тяжелом положении находятся сравнительно малообеспеченные социальные слои населения: пенсионеры, студенты, беженцы, безработные, социальные массы, находящиеся за чертой бедности.

Пропорционально росту цен должны расти зарплата, стипендия, пенсии, должны объединиться усилия международных, государственных и частных благотворительных организаций для оказания помощи беженцам и социальным слоям, находящимся за чертой бедности. К решению проблем беженцев в Грузии надо подключить соответствующие службы ООН и другие международные организации.

Правда, тяжелый кризис царит не только в Грузии. Развал экономики и катастрофическое падение уровня жизни наблюдается во всех независимых государствах, возникших в результате распада бывшей советской империи и социалистических стран Восточной Европы.

Объективно это так, однако утешительного тут мало. Это скорее оправдание действительности, но не попытка ее преобразования. Нам необходимо выработать другую стратегию и тактику.

Задача в том, чтобы выйти из кризиса и путем радикальных экономических и политических реформ создать нормальную жизнь.

Это и есть сегодня главный объективный критерий политической зрелости всякой власти.

Парламент Грузии, правительство, Глава государства, соответствующие министерства, департаменты, ведомства, органы местного управления сделают все, чтобы в грядущем 1993 году государственный бюджет был оптимально сбалансированным, чтобы уменьшился дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости, повысились доходы граждан, сбалансировались семейные бюджеты и хотя бы отчасти улучшилась жизнь.

Третья большая задача, стоящая перед нами, — это борьба с угрожающей криминогенной ситуацией.

Исторически в Грузии, вероятно, редко наблюдалась такая страшная эпидемия бандитизма, террора, убийств, взятия заложников, воровства, мародерства, разбоя, грабежей, хищения государственной и частной собственности, взяточничества, взрывания мостов, тоннелей, железных дорог, такой разгул рэкета, мафии и прочих преступлений, — всего того, что происходит у нас сегодня. Это порождено многими причинами, но главная из них все же в том, что, с одной стороны, в Грузии идет война, с другой стороны — пока еще сравнительно слаба деятельность нового государства в этом направлении и его правоохранительных структур.

С каждым днем должна меняться к лучшему криминогенная ситуация. Законодательная, исполнительная, судебная власти, полиция, прокуратура, соответствующие министерства, департаменты, ведомства, органы местного управления должны сделать все для искоренения преступности и создания нормальных условий жизни граждан.

Верховенство закона должно подавить преступный мир. Мы должны показать народу блага демократического порядка. Для установления порядка необходимо больше твердости и строгости закона.

Мы возлагаем большие надежды на успехи во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в 1993 году.

Мы хотим добрососедских, мирных, конструктивных взаимоотношений с Россией, Турцией, Ираном, Азербайджаном, Арменией, с народами Северного Кавказа, Украиной, со всеми странами Черноморского бассейна.

В 1992 году мы подписали договор о дружбе и сотруд-

ничестве с Турцией. Мы приветствуем то, что Турция называет Грузию не только ближайшим соседом, но и братской страной. Это великий перелом в истории взаимоотношений двух соседних государств. Нужно беречь это достижение.

В нынешнюю новогоднюю ночь мы особенно задумываемся о дружеских и конструктивных взаимоотношениях с Соединенными Штатами Америки и со странами Европы.

В начале 1993 года состоится визит Главы Грузинского государства в Иран. Мы возлагаем большие надежды на этот визит. Мы хотим открыть совершенно новую эру в истории взаимоотношений Грузии и Ирана.

1992 год был сложным и тяжелым для взаимоотношений Грузии и России. Мы хотим в Новом году установить между этими двумя независимыми государствами добрососедские и дружеские, конструктивные отношения. Это отвечает насущным интересам обеих стран.

Мы готовы урегулировать все вопросы путем политического диалога и подписать большой договор о дружбе и сотрудничестве Грузии и России.

Мы желаем братства и дружбы со всеми странами мира.

Мы надеемся, что в грядущем 1993 году ООН, ЮНЕСКО, Совещание по Безопасности и сотрудничеству в Европе, Всемирный валютный фонд и Банк реконструкции и развития, Европейский банк, другие международные политические, экономические, финансовые организации сделают все для того, чтобы завтрашний день Грузии был лучше сегодняшнего.

Союз времен и народов не разорван, и я верю, что наше настоящее, рожденное прошлым, является родителем лучшего будущего.

Новый, 1993 год должен быть годом спасения культуры.

Я приветствую деятелей науки, литературы, искусства, культуры, образования Грузии, желаю им новых творческих успехов.

Я всегда и всюду с вами, моя страна и мой народ! Я с вами и за праздничным столом, и за скорбной тризной, я ваш надежный вестник радости в новогоднюю ночь, и скорбящий родитель каждого погибшего на войне отважного героя. Я вместе с вами качаю колыбели ваших детей и вместе с вами, с обнаженной головой и со слезами на глазах, иду за гробом каждого погибшего в бою.

Я и сейчас, в эту новогоднюю ночь, вместе с вами, лучшие из лучших сыновей Грузии, я с вами в тех окопах, которые обстреливает враг.

Я хочу осушить слезы вдов и сирот, хочу дать хлеб и кров всем беженцам. Я думаю о вас, дети моего народа, особенно о тех, кому сейчас тяжелее всех. Но кому сегодня не тяжело?!

Страждет вся Грузия, страждет каждый из нас, но ведь все-таки сегодня входит к нам Новый год.

Потому давайте на одну минуту осушим слезы, утишим боли и поздравим друг друга с Новым годом!

Я хочу поздравить с Новым годом каждого воина, каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого интеллигента, каждого юношу и девушку, каждую мать, пожелать процветания нашей матери-родине, родному языку...

У Гоглы Леонидзе был один замечательный тост — «гоглаура»: благословим того, кто рождается в эту минуту, — а рождается новая Грузия, рождается новый грузин! Будьте благословенны, мравалжамизэр! Будьте счастливы ныне и во веки!

Я поздравляю с Новым годом все живущие в Грузии народы и народности!

Мы живем в очень необычное время, и это мое новогоднее обращение тоже необычно. В Грузии льется кровь, потому мое обращение — не традиционное новогоднее поздравление, как я уже говорил, это скорее размышления, боли, переживания, сомнения и надежды, поведенные родному народу, такой вот новогодний монолог Главы государства.

Не с мечом пришел я, но с миром, — сказано в Евангелии. Воистину! Сегодня сколь ни одолевало бы в борьбе с добром зло, сколь ни головокружительна была бы изменчивость судьбы, я все-таки верю, что вовек будет несокрушима, как сталь, воля грузина, его человеколюбивым сердцем никогда не завладеет человеконенавистничество, всегда будет чистой его душа, претерпевающая катарсис, неисчерпаемой его национальная энергия, направленная на благодатные преобразования действительности, неизменными — его мудрость и дальновидность.

Я поздравляю с Новым годом каждого истинного сына отчизны, грузинский народ, соседние братские народы, все народы мира! Пусть Новый, 1993 год будет годом мира, демократии, гуманизма, годом новых побед, годом счастья и прогресса!

С Новым годом, дорогие друзья!

1992 год, 31 декабря, Тбилиси.

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

Глава первая

Между Авраамом, прародителем евреев, и израильским царем Давидом, оставившим нам блестящее собрание псалмов, как рассказывает евангелист Матфей и подтверждают знатоки еврейских книг, — четырнадцать поколений. Четырнадцать же поколений отделяют Давида от Вавилонского пленения сынов израилевых грозным самодержцем Востока Навуходоносором. И от этого вечно памятного события до Христа, по еврейской традиции считающегося потомком царя Давида, — также четырнадцать поколений.

В течение веков потомки Давида утратили силу, обеднели, полностью отошли от управления страной, предали забвению былое величие и растворились в недрах родного народа, как растворяется рожденная землей

ОТ АВТОРА*

Возможно, это небольшое разъяснение лучше было бы поместить в конце публикации, чтобы не помешать эмоциональному ее восприятию, но опыт подсказывает — для устранения различного рода недоразумений кое-что все же следует сказать заранее, до знакомства с произведением.

Из всех жанров прозы «Путь на Голгофу» по своему художественному построению ближе всего к роману, но ввиду специфичности содержания автор предпочел отнести его к жанру повести и, думаю, дела этим не испортил.

Главная специфика данного произведения состоит в том, что оно полностью опирается на уже известные и в течение двух ты-

* Предисловие к грузинскому изданию.

жизнь в исходном своем материале, вновь превращаясь в землю.

Ветвь Давидова осела в Вифлееме, городе, откуда вышел царь Давид, и несмотря на блестящее свое происхождение, занималась простыми ремеслами.

Иаков, один из дальних потомков венценосца, избравший местом жительства вместо родового Вифлеема маленький городок Назарет, был плотником. Отцовским ремеслом занялся и его единственный сын Иосиф. Волею небес он рано осиротел, во младенческие годы лишился отца и матери, и ему самому пришлось прокладывать себе дорогу в этом неприятном мире.

Соседи оказывали помощь трудолюбивому, благоправному, в высшей степени скромному молодому человеку — он вел аскетический образ жизни, бежал богатства и наслаждений, довольствуясь тем, что воздавал ему Бог за его неустанный труд.

Несмотря на постоянную занятость, набожный Иосиф регулярно посещал синагогу, строго следуя заповедям иудейской веры, которые оставил еврейскому народу выведший его из Египта Моисей, и на участие и доброту соседей отвечал участием же и добротой.

Кроме помощника, сподручника, который в поисках постоянной работы пришел в Назарет с восточного побережья Геннисаретского озера, того же Галилейского или Тивериадского моря, и очень привязался к

сяч лет существующие творения — они принадлежат перу евангелистов и, несмотря на их евангелистский характер, не лишены определенной художественности.

Постольку «Путь на Голгофу», если можно так выразиться, вторичное произведение, художественное отражение уже существующего и узаконенного.

Автор попытался перенести на язык художественной прозы то, что евангелисты — Матфей, Марк, Лука и Иоанн — поведали как историю Христа и его учение.

Цель была одна: читателю, в основном молодому, активно приобщающемуся сейчас к христианскому учению, чтобы проникнуться его животворными идеями и стать полноправным членом гуманного сообщества, подать библейскую историю в более доступном, более понятном виде.

Известно, что по своей архитектонике и объему информации

своему молодому мастеру, у Иосифа была еще тетушка-вековуха, заменившая ему мать.

— Иосиф, сынок, — дня не проходило, чтобы тетушка не подседа к племяннику и не завела свою шарманку, — доколе ты будешь жить бобылем, так и состаришься у меня на руках. Неужели во всем Назарете не нашлось девушки, которая приглянулась бы тебе? Вот помру, что тогда будешь делать? Стара я, сынок, прежних сил уже нет. Тебе и постирать нужно, и пошить, и обед приготовить. Ты же мужчина, наконец, вот-вот тридцать стукнет. Человеку в твоём возрасте оставаться бобылем никак нельзя, голубчик, да и неловко как-то.

— Потерпи немного, тетушка, вот дострою человеку дом, не бросать же на полдороге, и, клянусь тобой, осенью что-нибудь придумаю.

— Это которая по счету осень или который по счету дом, сынок, а ты все одно и то же твердишь. Покупщик, он не переведется, а упущенное время не вернешь. Бог дал тебе золотые руки, без дела тебя никто не оставит, но и о себе надо подумать — пора обзаводиться семьей! Не то ни Бог не простит тебе, ни человек!

«Сказать или не сказать?!» — думал между тем Иосиф, не решаясь доверить свою печаль любимой тетушке, которая, не задумываясь, отдала бы жизнь за

тексты Евангелий не совпадают. Более того, в ряде случаев они противоречат друг другу. Здесь общим канонем является учение Христа, дух, которым пронизаны все четыре сочинения.

Поэтому нельзя считать легким путь, успешно ли, безуспешно проделанный автором. Ему надо было возвести поначалу каркас художественного творения, материалом для которого служили все четыре Евангелия, расположить эпизоды из жизни Христа по законам нарастающего драматизма и в отличие от обычной для прозаика работы только после этого приступить к художественной трансформации, художественному преобразению образов и коллизий.

В книге нередки прямые цитации из текстов Евангелия. Это именно те места, которые автор не стал подвергать «художественному преобразению», из опасения исказить мысль и, если не принимать во внимание определенную языково-стилистическую

него — ведь он был возвращенным в сиротстве сыном ее ненаглядного брата.

Дело в том, что Иосифу давно уже понравилась молоденькая Мария, дочь почтенных граждан Назарета Иоакима и Анны, живших неподалеку от него, и он решил, что женится только на ней.

Сокровенное чувство к Марии усиливало и то, что отец ее, Иоаким, был, как и Иосиф, дальним потомком великого Давида. Эти дальние узы по крови и плоти, исчисляемые веками, преисполняли сердце Иосифа надеждой, и безудержное чувство близости к девушке владело всем его существом. Бессонными ночами он постоянно думал о ней, но ни разу не позволил себе под каким-нибудь предлогом остаться с Марией наедине и признаться ей в сокровенных своих чувствах. Увы, он не был так решителен, но Мария безошибочным женским чутьем догадывалась, какой пожар пылал у него в груди, и озорная детская мысль, которая, впрочем, была не такой уж детской, с каждым днем все сильнее захватывала ее.

Если бы провидению было угодно и Иосиф узнал о настроении Марии, разве бы он мучился так, прежде чем сделать решительный шаг и послать к Иоакиму сватов, но он ни о чем не подозревал и все откладывал и откладывал осуществление лелеемой мечты.

А Мария между тем подросла. Детская застенчи-

редакцию, прямо переносил в свой текст.

Автор ни в коей мере не хочет, чтобы кто-нибудь подумал, что цитированные места и общеизвестные факты, рассказываемые в книге, он выдает за свои, считает своими; в его задачу входила лишь художественная переработка этой истории, что он и сделал, а как сделал — судить читателю.

Автор посчитал невозможным использование кавычек во время цитирования и ссылки на источник, поскольку это лишило бы художественное произведение, каковым является «Путь на Голгофу», его непосредственного назначения, исполнило бы роль своего рода прокрустова ложа и помешало бы достигнуть поставленной цели.

В процессе работы автор пользовался переводом Евангелий, изданным патриаршеством Грузии под общим заголовком «Библия» по благословению католикоса-патриарха Всея Грузии Святей-

вость, которая так красила девочку-подростка и делала ее прелестной, сменилась женской стыдливостью. Лучистые, сияющие, как родниковая вода, добрые глаза, мягкие блестящие волосы, волнами ниспадавшие на плечи, крепкая грудь, высокая точеная шея никого не оставляли равнодушным, а лицо, озаренное небесным светом, поневоле вызывало глубокую почтительность и благоговение.

«Нет, никто мне ее не отдаст, — думал в отчаянии Иосиф, и сердце его преисполнялось жгучей тоской. — Оставим все прочее, она ведь на пятнадцать лет моложе меня. Обзаведись я вовремя семьей, я имел бы уже такую дочь. Кто позволит мне сорвать этот цветок! Нет, лучше вырвать ее из сердца и найти себе жену под пару. Кто решится сказать Иоакиму или Анне, что бедный плотник Иосиф, сын столь же бедного Иакова, чьи задубелые ладони похожи на молотильные доски, ибо от зари до зари он работает до седьмого пота, влюблен в их дочь Марию и хочет просить ее руки?!»

Решение Иосифа могло стать окончательным, и он никогда не связал бы свою судьбу с судьбой Марии, если бы одним прекрасным днем тетушка, улучив момент, не сказала ему:

— Сегодня к Иоакиму снова приходили сваты, просили руки Марии.

Иосиф опустил глаза и ничего не ответил, при этом

шего и Блаженнейшего Илии Второго. Естественно, пользовался и старыми переводами, в частности, опубликованным в 1963 году Патриаршим советом сборником «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа», а также еще одним новым переводом, сделанным в Институте перевода Библии, увидевшим свет в 1980 году в Стокгольме; трехтомником «Толковая Библия», изданным тем же институтом на русском языке. Третий том этого огромного труда целиком посвящен сочинениям евангелистов и апостолов и их толкованиям.

Первое издание «Толковой Библии» было осуществлено в Петербурге в 1904—1913 гг. под редакцией А. П. Лопухина и его наследников. Автор воспользовался этим трудом для уточнения некоторых исторических, географических, этнографических и другого характера сведений, а также для расшифровки смысла отдельных мест Евангелий.

что-то оборвалось у него в груди — вдруг тетушка замолчит и ничего больше не скажет. А тетушка, как будто читая у него в сердце, как бы между прочим добавила:

— Но и на этот раз их проводили с отказом.

— Почему же? — с трудом выговорил Иосиф, чувствуя, как заливается краской.

— А разве узнаешь! — продолжала тетушка. — Иоаким и Анна на сей раз как будто были согласны. Жених молодой, из состоятельной семьи. В Хоразине у них огромный дом для сыновей. Владеют большими стадами. Ежегодно продают до двадцати коров, а овец и ягнят вовсе не считают.

«Ну где мне тягаться с ними», — в тоске подумал Иосиф.

— Почему же отказали, более богатого ищут?

— Мария ни в какую не согласна.

— Мария? — Иосиф невольно выдал себя — в глазах зажглись огоньки, а сердце затрепетало так, что у него перехватило дыхание. И это не ускользнуло от внимания тетушки, которая завела разговор в надежде вызвать Иосифа на откровенность, и теперь вздохнула с облегчением, убедившись, что не ошиблась в своих догадках, и Иосиф действительно равнодушен к Марии.

— Ну да, Мария! — ответила она сконфуженному,

«Путь на Голгофу» — не единственное произведение, посвященное земной жизни и деятельности Иисуса Христа. Свой вклад в это дело внесли общепризнанные мастера мировой литературы. Некоторые из них в последнее время переведены и на грузинский язык, и наш читатель, изголодавшийся по духовной пище, с жадностью набросился на них.

Отдельного упоминания достоин один из соратников Ильи Чавчавадзе блаженной памяти Якоб Гогешашвили, истинный патриот, посвятивший не один вдохновенный рассказ Иисусу Христу и проторивший тем самым путь грузинской учащейся молодежи к осознанной, а не плакатной вере.

Если эта книга хотя бы в самой малой степени будет способствовать духовному совершенствованию соотечественников, автор посчитает свою задачу выполненной.

8 апреля 1991 года. Тбилиси

словно его поймали на месте преступления, племяннику. — Об этом весь город говорит, а ты впервые слышишь?

— Откуда ж мне было знать, тетушка, и потом какое мне до этого дело!

— А ну посмотри мне в глаза! — тетушка взяла в свою костлявую руку короткую бородку Иосифа и заставила его поднять голову. — Значит, никакого дела тебе до этого нет? Абсолютно никакого?! Ответь, как на духу, если бы Мария дала согласие, ты очень расстроился бы?

— Да нет, но и радости, пожалуй, тоже не испытал бы.

— Лжешь! Тебя бы это очень расстроило! Меня не проведешь! Ты давно уже на нее засматриваешься. Признайся, я права?

— Оставь меня, тетушка, некогда мне, помощник ждет — надо балку поднять на крышу.

— погоди! Балки и подобное у тебя не переведутся. Отвечай мне!

— Что отвечать?! Ладно, нравится она мне. Ну и что? Да, я думаю о ней, но ведь этим делу не поможешь!

— Ты позволишь мне зайти к Иоакиму и Анне и закинуть словечко?

— Что ты, тетушка, хочешь, чтобы я навсегда покинул эти места?

— Бог с тобой, сынок, зачем же покидать?

— Что подумает Мария, когда об этом узнает? Она может обидеться и перестанет кланяться со мной!

— Нет, вы взгляните на него, вот, оказывается, что его беспокоит! Как бы не так — обидится и перестанет кланяться, а я вот думаю, что она завтра же сбежит из дому и придет к тебе! Ты не знаешь женщин!

— Грех так говорить, тетушка. Мария не такая.

— Знаю, знаю какая, потому и хочу, чтобы она стала твоей женой!

— Слишком велика между нами разница в годах, она мне в дочери годится.

— Когда вы станете мужем и женой, это не будет иметь значения.

— Я не хочу, чтобы они подумали, будто это я тебя послал...

С того дня в течение целой недели тетушка то и дело куда-то пропадала. Иосиф делал вид, что не замечает этого, как будто не было между ними того памятного разговора. После работы поздно приходил домой, ужинал и ложился спать. Но разве мог он заснуть — всю ночь боролся с бессонницей и только на рассвете удавалось вздремнуть на часок.

Однажды вечером, когда Иосиф отужинал, а тетушка, убрав со стола и вымыв посуду, поставила ее в стенной шкаф, между ними состоялся разговор. Иосиф как обычно удалился в свою комнату; но на этот раз тетушка последовала за ним и, пододвинув к его кровати стул, села рядом.

— Что-нибудь случилось, тетушка? — спросил Иосиф.

На увядшем лице старушки промелькнула лукавая улыбка.

— А ты ничего не хочешь услышать? Почему, сынок, ты такой нелюдимый? Из тебя слово клещами не вытянешь. В кого ты такой уродился? Ни отец у тебя не был таким, ни дед. Не заговори с тобой человек, ты же сам, хоть целый год, рта не откроешь!

— А что мне сказать?!

— Мы должны послать к Иоакиму сватов — просить руки Марии.

От волнения у Иосифа задрожали губы, кровь бросилась к лицу.

— Что ты молчишь?

— А если откажут? Куда мне потом деваться?

— Это мое дело!

— Что он сказал?

— Кто?

— Иоаким.

— Что ты трудолюбивый и вполне надежный человек, да и корни у нас общие. Спросим, говорит, у Марии, и, если она согласна, такова, значит, судьба. Я и моя жена Анна ничего против иметь не будем.

— Значит, все дело в Марии?

— Кабы они не знали, что лежит на душе у Марии, не стали бы со мной так долго разговаривать.

— Тетушка, я буду молиться на тебя, не знаю, как и отблагодарить за твою заботу обо мне!

— Не гневи Бога, сынок! Что значит «молиться»? Я старая, забытая Богом и людьми женщина, а ты туда же — «молиться». Теперь тебе пора браться за дело, я сделала все, что могла.

Глава вторая

Придирчиво отобранные Иосифом сваты, назаретские умельцы, которые благодаря своей честности и надежности пользовались уважением всего города, с честью справились с порученным делом и радостно-возбужденные, что свидетельствовало о положительном его исходе, возвратились в дом жениха, где их ждал щедро накрытый стол.

Замкнутый, почти смирившийся со своей безрадостной судьбой Иосиф в мгновение ока преобразился — стал оживлен, весел, многоречив.

Поскольку дело было сделано, родители невесты решили поторопить события. Помолвка состоялась через неделю, а свадьбу назначили на осень, по окончании празднеств.

Дня не проходило, чтобы Иосиф не заглянул в дом будущего тестя, не навестил своей нареченной, с утра до вечера поджидавшей его, не преподнес ей гостинца. Только после этого, преисполнившись радости и бодрости, он принимался за дело. Иосиф считал дни, оставшиеся до свадьбы, хотя внешне старался казаться невозмутимым, не желая выдавать своего нетерпения.

Все шло своим чередом, но однажды тетушка занемогла и, вчера еще полная сил и здоровья, неожиданно слегла. Пока сознание не покинуло несчастную, она молила Господа не забирать ее сейчас, чтобы смерть ее не помешала счастью племянника, а там она была согласна и на муки ада, но Всевышний не услышал мольбы умирающей.

Иосиф готов был на все — продать дом, остаться голым под открытым небом, лишь бы спасти любимую тетушку. Откуда только не приводил он лекарей и заклинателей, что только не предпринимал, но надежная опора его сирого дома рухнула, тетушка испустила дух так, что не успела благословить свою кровинушку.

Отдать последний долг усопшей пришли близкие и

дальние родственники из Вифлеема, Вифсаиды, Каны, Десятиградия, самого Иерусалима и, бросив по горсти земли в могилу, сказали: — Дай-то Бог нам и нашим детям дожить до столь преклонных лет.

Пришел месяц нисана, а с ним и самый великий праздник сынов израилевых — Пасха, когда весь Израиль с обоих берегов Иордана собирается в столице Давида и Соломона, священном Иерусалиме, приносит жертвы Богу и возносит ему молитвы.

«Вот кончится праздник, и я займусь своими делами, — думал Иосиф. — Кончено, ждать больше не могу. Да простит меня тетушкина душа за спешку. И она ведь того же хотела!»

Не меньшее, если не большее, нетерпение владело и Марией. Она не находила себе места. Убивала время за домашней работой — то пряла, то шила, а чаще читала священные книги. Однажды она вычитала у пророка Исаии: «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: «с нами Бог!» Мария опустила голову на подушку и задумалась. Удивительные вещи писал пророк Исаия! Как могла дева принять во чреве и родить сына? Это ведь противно природе! Откуда ей было знать, что пророк говорил о ней? Это ведь она, Мария должна была принять во чреве и родить Сына! Мария не заметила, как дремота одолела ее, и она уснула.

— Мария! — вдруг услышала она и, вздрогнув, почувствовала, как учащенно забилось сердце. — Ты слышишь меня, Мария!

— Слышу... — безотчетно ответила Мария на голос, который должен был принадлежать мужчине, но был покойный и мелодичный, как пение, неоднократно слышанное ею в Иерусалимском храме.

— Открой глаза, взгляни на меня!

— Сейчас... — Мария чувствовала, что должна подчиниться. Спала ли она? Был ли то сон? Она четко помнила, что, войдя в свою комнату, как обычно заперла дверь на засов. Закрыто было и окно, которое выходило во внутренний дворик, обнесенный высоким кирпичным забором. Так кто же это был и как он проник сюда?

Мария медленно открыла глаза и увидела прекрасного ликом мужа в ослепительно белой одежде, сидя-

щего у нее в ногах. Над головой его сверкал нимб, и этот нимб, как и лик мужа, освещал комнату дивным светом.

«О, Боже, это ангел!» — осенило Марию, она села в кровати, прикрыла грудь одеялом.

Ангел держал в руке длинное копье, острым концом почти упирающееся в потолок, и смотрел на обмершую Марию непроницаемым взглядом.

— Радуйся, благодатная! — сказал ей небесный гость. — Господь с тобою! Благословенна ты между женами. Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога. И вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его. И будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца!

— Как же будет это, когда я не замужем? — вырвалось у Марии, глаза у нее наполнились слезами.

— Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя, посему и Святое дитя наречется Сыном Божиим, царем Иудейским, Мессией человечества, который возьмет на себя грехи мира. Вот и Елизавета, родственница твоя, жена священника Захарии, зачала сына в старости своей. Для Бога нет невозможного.

Мария знала, что Елизавета и Захария были бездетны. Бог не дал Елизавете счастья материнства, а сейчас она была в возрасте, когда детей уже не заводят. Только волею Провидения могла зачать Елизавета, и неужели это случилось?

— Я раба Господня, — покорно произнесла Мария, — да будет мне по слову твоему!

И в этот миг дивный свет, озарявший комнату, погас, и все вокруг погрузилось во мрак. В окне возникло темное небо, усеянное звездами. Мария была в комнате одна. Ничто не указывало на то, что, кроме нее, здесь только что кто-то находился.

«Боже мой, какой странный сон привиделся мне! — думала Мария, дрожа от ночной прохлады и кутаясь в пуховое одеяло. — А может быть, это был вовсе не сон, может быть, меня действительно посетил архангел и принес ранее неслыханную весть?!»

Кому ей было рассказать, с кем поделиться, кому доверить свою тайну?

Марию охватил страх. Вдруг ее откровенность принесет несчастье ее близким и Иосифу в том числе?

Анна удивилась, когда ее дочь вышла из спальни позже обычного. Легла Мария рано, собираясь на завтра встать ни свет ни заря — дела. Но Анна ничем не выдала своего удивления, захочет — сама скажет, если что беспокоит.

Семья готовилась к отъезду в Иерусалим на праздник Пасхи. Иоаким велел запрячь в повозку с навесом три пары отменных быков, чтобы ничто не задержало их в пути. Жертвенный бычок был отделен от стада, его кормили отдельно. День отъезда приближался, и сердца домашних наполнились нетерпеливым радостным ожиданием.

Иоаким раньше Анны заметил, что дочь не в духе. Кольнула неприятная мысль: уж не жених ли чем-нибудь обидел; он послал Анну узнать, в чем дело.

Встревоженная не менее мужа Анна надолго задержалась в комнате дочери, а когда вышла оттуда, на ней не было лица.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Иоаким.

— Она отказывается ехать в Иерусалим. Поезжайте, говорит, без меня... — глотая слезы, выдавила Анна.

— Как это без нее? Ты в своем уме, Анна?

— Она собирается к Елизавете в Хоразин. Говорит, что видела какой-то сон и непременно должна повидать ее.

— А что ты ей сказала?

— Не убивать же ее! Она нам никогда не перечила, значит, ей действительно надо свидеться с Елизаветой.

— Все же что случилось? — вскипел было Иоаким, но голос его неожиданно дрогнул, а суровые глаза наполнились слезами.

— Она не говорит, Иоаким! Заклинаю тебя, не приставай к ней с вопросами, пусть едет, раз хочет. Благодарение Господу, не маленькая, невеста уже, не сегодня-завтра своим домом заживет.

Глава третья

Иосиф потерял голову, когда, по обыкновению заглянув в дом тестя, застал там опечаленных Иоакима и Анну. Они сообщили ему о внезапном отъезде Марии из Назарета. Мария уехала на неопределенное время, даже не сказала матери, когда вернется, и не оставила весточки для Иосифа, а он уже приготовился к свадьбе и ждал лишь последнего слова ее родителей.

Хоразин, маленький галилейский городок, находился в противоположной от Иерусалима стороне. Мария и две ее служанки, глотая пыль, верхом на ослах медленно продвигались вперед. Стояла жгучая жара, по ночам сменявшаяся не менее жгучим холодом. Им пришлось останавливаться в придорожных селах, чтобы напоить и дать отдых измученным жарой животным. В селах стояли римские легионеры, огнем и мечом покорившие этот непокорный край и теперь утверждавшие в нем мир и порядок. К счастью, Мария со служанками ничем не привлекли внимания легионеров, шаставших по улочкам, и таким образом избежали вполне возможных осложнений. Ночевали они в пустыне, под открытым небом. Пополночи, когда взошла утренняя звезда, они окоченели от холода и, прижавшись друг к другу, пытались согреть друг друга теплом своих тел.

На следующий день после полудня показались кровля Хоразинской синагоги, возвышавшаяся над всеми близлежащими строениями, и внешняя стена города с башнями, на которых стояли римские копьеносцы, несусыпно следившие за тем, чем дышит окружающий мир. Но до города было еще далеко. Ослы находились при последнем издыхании. С утра путницы не встретили ни одного колодца, жаркое солнце пустыни вымотало животных, силы их были на исходе. Мария первая сошла с осла, взяла повод в руки и пошла впереди него. За ней спешили служанки. Ослы, почувствовав облегчение, перевели дух и зашагали бодрее. Горячий песок жег ступни, и путницы вынуждены были идти быстрым шагом. Они спешили поскорее добраться до города и укрыться где-нибудь в тени.

Елизавета несказанно обрадовалась Марии, такой повзрослевшей и похорошевшей. Она велела слугам по-

заботиться о животных, сама же, раскрыв объятия, устремилась ей навстречу.

Мария увидела, что Елизавета на сносях. Сердце у нее застучало, ноги стали подкашиваться. Она окончательно убедилась, что сон ее вещий, и все, что сообщил ей ангел, сбудется.

А Елизавета, подойдя к Марии, опустилась на колени, чего она прежде никогда не делала, прильнула к ее ногам, поцеловала сперва одну руку, потом другую и со слезами радости на глазах воскликнула:

— Благословенна ты между женами, и благословен плод чрева твоего!

Пораженная и в какой-то степени напуганная подобным приемом, Мария наклонилась, обняла Елизавету, попыталась поднять ее.

— Встань, что ты делаешь, опомнись!

Но Елизавета, как если бы она молилась перед иконой, в экстазе продолжала:

— И за что это мне? Мать Господа моего пришла ко мне! Только мне сказали, что прибыла Мария и вот-вот войдет в дом мой, как выиграл младенец радостно во чреве моем. Благословенна уверовавшая, что свершится сказанное ей Господом!

Потом они вошли в дом и, не дожидаясь расспросов гости, Елизавета принялась рассказывать:

— Вот выпало мне счастье! На старости лет, слышно ли такое?! Но, благодарение Господу, все мы исполнители Его верховной воли! Все так странно получилось, моя милая. Захария служил в храме. Народ ходил вокруг и молился. Затем он вошел в святилище, чтобы покадить. Молящиеся стояли и ждали его. Он вышел без кадила, хотел благословить их, но язык не послушался его. Тогда все поняли, что в святилище ему явился ангел. Но что он сказал ему такого? Почему Захария лишился дара речи? Что я пережила. Каково отравить мужа целого и невредимого, а получить обратно онемелого? Он что-то пытался сказать мне, мучился, руками что-то показывал, но как эта каменная стена тебе ничего не скажет, так и от него ничего нельзя было добиться. Ну я, конечно, в слезы. И его до смерти жаль, как могу утешаю. Наступила ночь, мы легли, я уж и не помню, когда мы в последний раз рядом лежали. Вообрази, среди ночи он вдруг вспомнил, что он

мужчина, ну я противиться не стала. Хотя в душе, честно говоря, подивилась: откуда такая прыть! Недели через две я ему говорю: Захария, чтобы у меня язык отсох, но по-моему я беременна! Он радостно закивал головой и стал целовать мне руки, как будто заранее знал, что такое случится и каждый день ждал, когда же я его обрадую. Теперь я на седьмом месяце. Со стыда носу высунуть не могу, неудобно перед соседями. Старуха и с таким пузом!

— А как Захария? — обмирая от непонятного страха, спросила Мария Елизавету, которой, похоже, доставляло удовольствие плакаться.

— Молчит, как эта стена. В храм почти не ходит, кому нужен немой священнослужитель. Впрочем, народ не отступает от него, дома навещает. А он дрожит надо мной, все из рук выхватывает, ничего не дает делать, боится, как бы выкидыша не случилось.

Настал и черед Марии исповедаться. Елизавета без утайки все о себе рассказала, и ей следовало ответить откровенностью на откровенность, но и на этот раз она предпочла молчание все из того же страха навредить своим близким или существу, которое, по словам ангела, было зачато в ней.

Елизавета окружила Марию заботой и вниманием. Не знала, как развлечь, чем потешить. По ее настоятельным просьбам Мария несколько раз откладывала свой отъезд. Лето набирало силу. Стояла изнуряющая жара, даже дышать было трудно. Все живое искало тень. В полуденный зной Мария выходила в сад, маленький Эдем, который Захария разбил перед домом своими благословенными руками. Сад орошался водой из ближней реки, к которой была прорыта канавка. Горячий воздух налетал порывами. Он нес с собой песок пустыни, которым покрывал улочки, плоские кровли и даже ветви деревьев.

По вечерам, с наступлением прохлады, Елизавета и Мария в сопровождении служанок выходили из дому и шли до самых городских ворот, находившихся в пятистах шагах от их дома, затем возвращались назад и, минуя свой дом, направлялись к центру города, где стоял храм, в котором до того, как потерять дар речи, служил Захария.

Елизавета не расставалась с Марией даже ночью.

Она уложила ее в своей комнате, и они допоздна вели задушевные беседы.

Боли у Елизаветы начались на рассвете. Мария, как если бы ее предупредили заранее, была уже на ногах. Проснулся весь дом. Тут же послали за повивальной бабкой, с которой заблаговременно договорились. Елизавету смущало присутствие Марии. Сдерживая нечеловеческую боль, она искусала себе губы, так и не дав животному крику, сопровождающему роды, вырваться наружу.

Ребенок родился к семи часам утра, и этот мир показался ему таким чужим, что он оглушил всех своим надрывным плачем. Не чуя себя от счастья, Захария принимал в передней комнате поздравления. Искренне радуясь его счастью, Мария поздравила Захарию и тут же вернулась в комнату Елизаветы. Новорожденного уже омыли и заворачивали в чистую ткань, чтобы поднести к материнской груди.

На восьмой день, согласно моисеевой вере, приглашенный из синагоги раввин совершил над младенцем обрезание и, раскрыв книгу для записей, обратился к матери, ибо отец был нем:

— Как назовете?

Елизавета взглянула на мужа.

— Иоанн! — отчетливо произнес Захария, и никого не удивило, что он заговорил. Никого, даже Елизавету, которая так переживала немоту мужа. Она только сказала:

... Но ведь в нашем роду нет такого имени!

— Иоанн имя ему! — неожиданно вскипел Захария, никто до того не видел его разгневанным. — Так сказал ангел, явившийся мне во храме: — Услышана твоя мольба, Елизавета родит тебе сына, которого ты наречешь Иоанном. Будешь радоваться и веселиться, и многие возрадуются его рождению, ибо будет он лучшим среди лучших, не будет пить вина, еще во чреве матери исполнится духа святого и многих сынов израилевых обратит к Господу Богу. Я же, несчастный, услышав эти слова, глупо спросил ангела, как я узнаю это, ведь я стар и жена моя стара. Ангел разгневался и ответил: я, Гавриил, стоящий перед Богом, послан ска-

зять тебе эту радостную весть. А за то, что ты не поверил мне, будешь нем, не будешь говорить, пока не сбудется то, что я сказал тебе от имени Бога.

Глава четвертая

На девятый день после разрешения Елизаветы от бремени Мария и ее служанки оседлали своих ослов и пустились в обратный путь. Прошло три месяца и одиннадцать дней со времени их отъезда — целая вечность. Мария еще могла оправдаться перед родителями и сестрами, без нее отпраздновавшими Пасху в Иерусалиме, объяснить им, почему так задержалась у Елизаветы, но что ей было сказать жениху, с которым даже не попрощалась и который, вероятно, ждал ее возвращения с замиранием сердца. А вдруг не ждал, вдруг, несмотря на свой мягкий характер, оскорбленный странной выходкой невесты, охладел к ней, все предал забвению и объявил ее родителям о расторжении помолвки?! Разве мало было таких случаев?! Боже, какой позор, все, кому не лень, будут перемывать ей косточки, отвергнутой невесте лучше носа не показывать!

Но более всего Марию заботило другое — она чувствовала во всем теле неведомые прежде усталость и слабость. Ее часто бросало в холодный пот, перехватывало дыхание, кружилась голова, казалось, вот-вот она лишится чувств. Но в следующее же мгновение сознание прояснялось, и все повторялось сначала. Лицо Марии покрылось бледностью, вокруг глаз легли темные круги. В сердце поселилась печаль, полностью вытеснив из него чувство радости, переполнявшее ее в пору ее девичества.

«Боже мой, — холодея, думала она о завтрашнем дне, — неужели я, как и Елизавета, стану матерью? Но разве можно меня сравнивать с нею? У Елизаветы есть законный муж! А у меня? Что я скажу жениху, отцу, матери, сестрам, соседям? Кто поверит в случившееся, или кому я могу рассказать об этом?»

Назарет встретил Марию таким, каким она его оставила. Первое, что сообщили сестры, выбежавшие ей навстречу, это то, что жених каждый день приходил и справлялся о ней.

Мария почувствовала облегчение, но главное испытание ждало ее впереди, и ничто не могло избавить от него.

— С ней что-то творится, — озабоченно сказал Иоаким Анне, когда Мария, не стряхнув с себя дорожной пыли, сослалась на усталость и скрылась в своей комнате.

— Просто утомилась она. Шутка ли, какой путь проделан!

— Ты присмотри за ней, она же, как смерть, бледная.

— Все тебе кажется, Иоаким, вот увидишь, отдохнет и будет прежней Марией!

Однако Анна сама не верила в то, что говорила. Она сразу заметила перемену в дочери. «Что же случилось?» — думала она. Непонятная печаль тяжким грузом давила на сердце, но Анна прятала ее, никому не поверяла.

На другой день вечером пожаловал жених. Анна устремилась ему навстречу в надежде, что сидевшая заперти Мария хотя бы сейчас выйдет из своей комнаты. Она ввела Иосифа в гостиную. Он только сегодня узнал о прибытии Марии и, полный нетерпения, оставив все дела, бросился к ней.

— Кто пришел, мама? — спросила Мария, когда Анна приоткрыла дверь в ее комнату.

— Иосиф, доченька. Ты выйдешь?

Мария считала минуты до прихода Иосифа и была сильно огорчена, что он не появился в первый же день ее приезда. Но теперь, когда мать сообщила о его приходе, когда настал момент их встречи после затянувшейся разлуки, Мария вдруг заколебалась — выйти к жениху или отложить встречу на другое время.

— Встань, чего же ты ждешь, — мягко упрекнула ее Анна.

— Мама...

— Что, родная?

— Я не могу... Сегодня я никого не хочу видеть... Скажи, пусть придет завтра...

— Как это завтра, доченька, что ты говоришь?! Не чужой ведь — жених!

Мария, ничего не ответив, повернулась к стене и зажала голову в ладонях.

Иосиф обмер, когда Анна вернулась одна и, извинившись, сказала, что Мария чувствует себя неважно, выйти не может и потому просит прощения. Он безропотно выслушал будущую тещу — слова застряли у него в горле — и молча последовал за Иоакимом во внутренний дворик, где вызванные им мастера из Капернаума рыли колодец.

— Как дела, вода еще не появилась? — заинтересованно спросил Иосиф, как будто большей заботы у него не было, и заглянул в колодец. Он был глубок — Иосиф дна не увидел.

— Один песок, — Иоаким взглядом указал на кучи песка во дворе. — Посмотрим, что под ним, вообще-то меня очень обнадежили — это, де, такое место, обязательно вода будет.

Мужчины долго еще говорили о колодце и связанных с ним проблемах, но мысли обоих вертелись вокруг Марии, которая лежала вот за этим окошком в своей крошечной комнатке и, может быть, даже слышала их разговор.

На другой день, когда они остались одни, Иоаким спросил Анну:

— Ну, выяснила, что с ней?

— Что я должна была выяснить?

— Ты меня об этом спрашиваешь? Может, стоит позвать гадалку или заклинательницу, или будем сидеть и ждать, пока не потеряем ее?

— Боже мой! — простонала Анна. Она единственная своим материнским чутьем догадывалась, а теперь уже не сомневалась, какие муки терзают ее старшую дочь. Неужели Бог оставил Иосифа, и он не удержался и преступил завет, положенный верой? Но ведь он, казалось, человек благоразумный, здравомыслящий! О другом мужчине, кроме жениха, который со дня на день должен был стать мужем Марии, Анна и помыслить не могла. Завет, положенный пророком Моисеем, был суров: ежели женщина, тем более девица, вступала в незаконные сношения с мужчиной, ее сперва отлучали от синагоги, а затем забивали камнями. Анна содрогнулась, представив себе эту картину, и с трудом сдержала готовый вырваться наружу крик. Ее доченьку, которую она девять месяцев носила под сердцем, ее богобоязненную покорную Марию ждала геенна огненная?

Ее должны были публично, на площади забить камнями, а затем выбросить бездыханный труп на съедение воронам? Нет, она не могла сказать мужу о дочернем позоре. Лучше умереть. Иоаким, ревностно следовавший всем канонам веры, никогда не смирился бы с поруганием чести семьи — он убьет или Марию, или себя, только бы не быть свидетелем праведного суда благочестивого народа. — Подождем денька два, гляди, она и сама оправится.

Иоаким ничего не ответил, тяжело поднялся и вышел во двор, откуда доносились стук кирки и лома.

Вечером снова пожаловал Иосиф и, чтобы не повторилось вчерашнее, напрямик направился к комнате невесты. У двери задержал дыхание и постучал. Увидев на пороге жениха, Мария вскрикнула от неожиданности, отпрянула назад и спряталась за дверь.

А Иосиф застыл на месте. Он хотел было спросить Марию, почему она прячется от него, лица не кажет, может, остыла к нему, но слова застряли в горле: Мария была беременна! Его невеста, к которой он не прикасался, была в положении! Иосиф зажмурился, открыл глаза, ущипнул себя — не сон ли это, но нет, это был не сон! Мария беременна! Теперь понятно, почему она избегала его. Иосифа шатнуло, и он схватился за косяк. Как он повернулся спиной к своей любимой, как вышел из дому, чтобы никогда туда не возвращаться, Иосиф не помнит.

К счастью, Иоакима не было дома, а Анна, увидев, как Иосиф молча покидает их дом, похолодела.

«Он знает, все знает! До каких пор можно было скрываться! Рано или поздно это должно было случиться! — думала она в смятении. — Горе мне, какой позор на нашу голову! Кто погубил нас, кто обесчестил!»

Три дня Иосифа не было видно. Он заперся дома, в отчаянии предаваясь невеселым думам: чем он прогневал Отца Небесного, за какие грехи он обрушил на него свой гнев? Ведь Иосиф любил Марию чистой любовью, любил до самозабвения. А она оказалась коварной изменницей! Хитрила с ним, растоптала свою невинность. Он представил, как соберется весь Назарет, как предадут ее проклятью, ее, олицетворение чистоты и невинности, изгонят из синагоги и на городской площади, перед синагогой, безжалостно забьют камнями,

чтобы пример ее послужил уроком для остальных. Иосиф схватился руками за голову и глухо застонал. Поздно ночью, не раздеваясь, он лег на тахту и заснул только тогда, когда стала заниматься заря.

Ему приснился ангел.

«Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в ней — от Духа Святого. Родит же она сына, и ты назовешь его Иисусом, ибо он спасет народ свой от грехов его. Береги, почитай Марию...»

Иосиф проснулся, открыл глаза и вскочил с тахты.

Глава пятая

Они сыграли свадьбу в месяц элюль, т. е. в августе по римскому календарю, в третий день недели — йом шлиши, который соответствует римской среде. Иоаким открыл огромные кувшины со старым вином. Закололи двух петелей, пригласили почти весь город и всех родственников, кому смогли сообщить и кто успел прибыть к этому дню.

Иоаким был на седьмом небе — его любимая дочь светилась от счастья. А вот Анна, мать невесты, была неразговорчива, выглядела грустной и время от времени так тяжело вздыхала, как будто сердце ее было сдавлено непонятной другим тоской.

Утром с восходом солнца Иосиф увел Марию, и свадьба переместилась в его обновленный дом.

«Бедная тетушка, — думал радостно возбужденный Иосиф. — Почему Богу не угодно было, чтобы она дожидка до этого счастливого дня?!»

До поздней ночи не смолкали в доме Иосифа песни и звуки музыки.

— Веселитесь, друзья! — взывал Иосиф к сотрапезникам, которых всех без исключения любил сегодня особенной любовью. — Ешьте, пейте и веселитесь так, как вам того хочется!

Далеко за полночь, когда прокричали вторые петухи и отяжелевшие от вина последние гости покинули дом, новобрачные наконец остались одни.

Иосиф ввел свою законную супругу в небольшую комнату, где многоопытные соседки уже подготовили

свадебное ложе, нежно прикоснулся губами к ее лбу и, пожелав спокойной ночи, удалился. Он выполнил наказ ангела. Пока Мария не родит сына, зачатого Святым Духом, она не должна познать своего мужа.

Напрасны оказались страхи Анны. То, чего она более всего боялась, должно было обнаружиться в первую же брачную ночь в том случае, если ее дочь прогневила Бога и отдалась не жениху, а другому мужчине.

Между молодоженами царило согласие, и Анна постепенно успокоилась. Дни напролет она молилась и благодарила Господа за то, что он сжалился над ней, услышал ее мольбу и спас семью от позора. Теперь ее тревожило то, что младенец Марии родится раньше положенного срока. Этого уж никак не скроешь, и Марии все же придется держать ответ перед учителями закона, что, конечно, не сулило ничего хорошего.

Потерявшая покой Анна не могла знать (разве что по внушению свыше!), что те же мысли терзали Иосифа, который ломал голову над тем, как защитить любимую жену от грозящей опасности и спасти свою праведную семью от незаслуженного проклятия.

Бог был милостив, и вскоре нашелся выход. Именно в это время обнародовали указ римского императора Августа о переписи населения всей империи. Это была первая перепись в правление проконсула или прокуратора Квириния. По римскому закону каждый гражданин должен был записаться в городе, откуда был родом.

Иосиф, безусловно, мог остаться в Назарете, ибо не только он, но и отец его, и отец его отца считались коренными назаретянами, что было записано в соответствующих актах, но, воспользовавшись тем, что его предки пришли сюда из Вифлеема, Иосиф объявил отцам города, что для участия в переписи вместе с семьей отправится в родной город.

Как только завершились празднества, связанные с Новым годом, который иудеи отмечают в месяц тишрей, т. е. сентябре по римскому календарю, Иосиф оседлал двух ослов, на одного посадил Марию, на другого повесил сумки с съестными припасами и отправился в город предков Вифлеем. Иосиф не хотел привлекать к себе внимания, и потому по прибытии в Вифлеем, а это произошло на шестой день пути, не пошел к своим даль-

ним родственникам, а обосновался тут же за городом, на берегу реки в одной из скальных пещер. Эти пещеры, большие и малые, иудейские пастухи использовали под овчарни и коровники. На ночь загоняли в них свои стада, и сами устраивались тут же, так что до самого утра им не о чем было беспокоиться.

Кроме пастухов и скотины, в пещерах ночевал пестрый люд — кочующие по стране в поисках счастья нищие бродяги. Они торговали здесь, меняли все, что можно было поменять, воровали, играли в азартные игры, блудили и нередко убивали, если несчастная жертва упиралась, и, желая спасти свое добро, оказывала сопротивление.

— Что поделаешь, Мария, — озабоченно заметил жене оценивший ситуацию Иосиф, — будет нелегко, но мы должны это вынести. Увы, эта обстановка не для тебя. Ты, наверное, недовольна, что я заставил тебя поменять теплый очаг в Назарете на эту мрачную пещеру.

— Обо мне не беспокойся, Иосиф, — искренне утешала мужа Мария, — я прекрасно себя чувствую и во все не жалею, что приехала сюда, — сколько всего повидала! Не бойся, я за тобой даже в преисподнюю пойду! Лучше скажи, куда мы денем наших ослов?

— Они будут с нами, Мария. Ты же видишь, страна пришла в движение, сколько подозрительных людей шастает вокруг, хватают все, что плохо лежит. Если у нас украдут ослов, нам не позавидуешь. Поэтому мы не должны спускать с них глаз. Они будут все время подле нас.

Сгустились сумерки, и берег реки, утопающий в зелени, с нависшей над ней изрытой пещерами скалой, стал походить на военный лагерь, освещенный пламенем костров. Оглушительно лаяли собаки, мычали быки и коровы, блеяли овцы, ревели ослы, и взгрустнувшие было ослы Иосифа немедленно взревели в ответ, что вызвало недовольство расположившихся по соседству нищих женщин и детей.

Мария спокойно спала, опустив голову на седло и подложив под щеку ладонь. В пещере было сыро. По бугристым стенам и потолку, темным от копоти, сочилась ледяная вода. Пламя свечи, укрепленной на краю огромного камня, едва рассеивало мрак пещеры. Ио-

сиф несколько раз поднялся, взглянул на Марию, укрыл ее своим плащом — чтобы не озябла.

— Иосиф! — Мария либо не спала, либо только что проснулась.

— Что, дорогая?

— Это ты?

— Я, родная, тебе что-нибудь нужно?

— Почему ты не спишь?

— Я встал, чтобы посмотреть, не холодно ли тебе.

— Холодно.

— Я укрыл тебя.

— А как же ты?

— Не беспокойся, я тепло одет.

— Интересно, сколько сейчас времени?

— Рассветает уже. Еще час, и будет совсем светло.

После завтрака Иосиф, оставив жену в пещере, выгнал ослов на берег реки. Оба порядком изголодались, да и напоить их не мешало. На обратном пути он нарвал большую охапку зеленой травы и, водворив ослов на место, положил перед ними корм. Мария сидела в окружении женщин, обитавших в пещере, и беседовала с ними. Женщины не сразу заметили присутствие Иосифа, а заметив, переглянулись — муж, мол, явился — и, сложив руки на груди, удалились в свой угол.

На обед почти ничего не оказалось. Как выяснилось, Мария открыла все сумки с провизией и накормила голодных детей, которых не менее голодные матери подослали к ней — «видать, они не такие шщне, как мы, может, чем-нибудь поживитесь».

— Эй, сестрица, — сверлили они ее глазами после того, как она накормила их детей, — у тебя столько еды, а мы, что, кушать не хотим? Чем мы хуже тебя?!

— Подойдите, и я вам дам, что имею, а потом все вместе будем голодать!

Отдаст, что имеет?! Женщины бросились к Марии и чуть не разорвали бедняжку, которая, пожалуй, впервые столкнулась с голодными людьми.

Иосиф не высказал ни слова упрека. Они сели и удовлетворились тем малым, что осталось после набега голодной орды.

«В другом месте будет не лучше, — уговаривал себя Иосиф, что-то подталкивало его сняться с места

и отправиться на поиски нового пристанища. — Нищих полно везде, нищета и рождает всякое зло, которым полнится мир».

В месяц кислев, т. е. в ноябре появились переписчики населения, гражданские чиновники римского прокуратора в сопровождении единственного военного — центуриона и записали всех до единого: большого и малого, молодого и старого.

— Кроме вас здесь никого? — на ломаном арамейском осведомился центурион, который не мог оторвать взгляда от Марии.

— Нет, нас двое, — вежливо, почти заискивающе отвечал Иосиф, — «еще придерется и вышвырнет нас в этот холод отсюда».

— Откуда ты?

— Из Назарета, что в Галилее.

— Почему?

— Приказано записываться каждому в своем городе.

— А ты что, вифлеемский?

— Да, господин. Я родом из Вифлеема, здесь родились мои предки.

— Он родом! Твоя жена ждет ребенка?

— Да, господин.

— Разве такой красивой женщине место в пещере? Эх, ты...

— Ничего не поделаешь, мой господин.

— Чертовски красивы эти иудейки! — центурион пожирал Марию глазами. Она сидела молча, уставившись в землю.

Глава шестая

Закончился дождливый кислев и наступил тевет, первый месяц зимы — декабрь. Израиль — южная страна, и зимы здесь обычно теплые и недолгие. Но иногда, правда, очень редко, ничем не уступают северной зиме. Иосиф, готовясь к холодам, притащил щепы из речного наноса, разложил ее перед входом в пещеру на солнышке сушиться. Первой же ночью ее украли, хотя, казалось бы, чего-чего, а этого добра на реке навалом. Снова седлать ослов и поднимать намыв не име-

ло смысла — все равно украдут! Иосиф задумался: как утеплить пещеру, когда Марии придет время рожать. Однажды, набросив на себя новую накидку, он верхом на осле отправился в город на поиски повивальной бабки, которой намеревался оставить задаток, дабы она по первому зову явилась на помощь роженице. Закончив дела, он тут же, не теряя времени, отправился обратно — мысль о Марии тревожила его, и как оказалось, не напрасно. Мария лежала на охалке сена, уставясь в потолок широко раскрытыми, невидящими от боли глазами. Будучи неопытен в таких вопросах, Иосиф тем не менее сразу смекнул в чем дело. Он бросился к жене, опустился на колени и бережно, как ребенка, взял на руки.

— Помоги, Иосиф! — простонала Мария.

— Привести ее, уже пора?

— Нет, уложи меня, не оставляй одну.

— Что, соседка, живот разболелся?

Иосиф оглянулся и увидел перед собой согнутую годами старуху, завернутую в неопределенного цвета ткань. Она жила поблизости с несовершеннолетней внучкой и изредка подкармливала бездомных нищих женщин, ютящихся в пещерах.

— Чего уставился, что, боли начались? — уже обращаясь к Иосифу, старуха приблизилась к Марии, провела своей морщинистой, давно не видевшей воды рукой по взмокшему от холодного пота лбу и приказала: — Принеси мне дров и разогрей воду, я о ней позабочусь.

Иосиф готов был расплакаться от жалости к Марии, от благодарности к старухе, хотел расцеловать грязные руки своей благодетельницы.

— Иосиф, — простонала Мария, почувствовав, что ее уложили обратно на сено.

— Да, да, — опередила его старуха, — никуда не денется твой Иосиф, — и, обернувшись к нему, заметила: — А ты иди, делай что велено.

Она позвала и других женщин, каждой нашла дело, прогнала таращившуюся от любопытства ребятню: «Вас никто не звал!» — и потребовала теплой воды для рук.

Женщины захлопотали. Вечно глазевшие в чужую миску, злые и ненасытные, они стали на удивление доб-

рыми и мягкосердечными. Откуда ни возмись появились дрова, посуда, у края стены, покрытой копотью, разгорелся огонь, на который поставили черный с отломанным горлом горшок с водой.

Когда Иосиф с огромной охапкой сухих дров за спиной, которые он в спешке собрал на берегу реки, появился в пещере, она была уже освещена светом лучин, торчавших в расщелинах стен.

А из того угла, где он оставил Марию с искаженным от боли лицом на еле дышащую повивальную бабку и женщин-обитательниц пещеры, доносился плач новорожденного. После материнского тепла малышу, видно, не понравился холод, которым встретил его мир, и свой протест он выражал отчаянным плачем.

Иосиф свалил дрова у огня, опустился на колени и воздел руки:

— Благодарю тебя, Господи! Да славится имя твое во веки веков.

— Вот, явился твой Иосиф, — прошамкала старуха, отходя от роженицы. На просветленном лице Марии не было и следа от перенесенных страданий, оно светилось счастьем материнства. — Поди сюда, Иосиф, — позвала старуха. — Вот твоя жена Мария, а это твой сын, которого она тебе родила. Дай Бог ему здоровья! Вообще-то с тебя причитается!

Мария не могла нарадоваться на своего первенца. Малыш жадно, без передышки, сосал грудь, ухватившись за нее пухлыми ручонками.

Иосиф робко, на цыпочках приблизился к матери и ребенку. Он смотрел на удивительно спокойное, умиротворенное лицо Марии, как смотрят на божество. Не стесняясь посторонних женщин, со сдержанной завистью наблюдавших за ним и глотавших невольные слезы, он нагнулся, поцеловал в лоб Марию, потом младенца, прильнувшего к телу матери, которого по наказу ангела он должен был назвать Иисусом, и вышел вон, чтобы дать волю нахлынувшим чувствам и вновь воздать горячую молитву Всевышнему, искреннюю благодарность за благополучный исход родов.

Стояла холодная ночь. Луна уже зашла. Чистое небо сверкало мириадами звезд. Был тот миг, когда все живое замирает, даже вода как бы приостанавливает свой бег. Поэтому Иосиф очень удивился, услы-

шав звуки шагов и негромкий разговор. Хотел бы он знать, кто они, эти запозднившиеся путники. Каково же было его удивление, когда звуки шагов и разговор слышались совсем рядом — как видно путники увидели свет, выходящий из пещеры, и направились напрямиком к ней.

«Боже, дай нам покой!» — подумал Иосиф и пошел им навстречу.

Оказалось, это были вифлеемские пастухи. На той стороне реки в котловине они пасут свои стада, а по ночам стерегут их.

— Какие-нибудь трудности? — спросил Иосиф. — Иначе зачем проделывать такой путь, да еще ни свет, ни заря.

— Храни нас Бог от трудностей, — ответил один из пастухов и, убрав с плеча дубину, поставил ее перед собой. — Нам ангел явился!

— Ангел? — вздрогнул Иосиф.

— Чуть не ослепил нас величием Господа и, чего уж скрывать, порядком напугал. Потом сказал: не бойтесь, я, говорит, возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям...

«Боже, дай нам покой!» — как заклинание повторил про себя Иосиф.

А пастух продолжал:

— Сегодня, говорит, в городе Давидовом родился Спаситель, Христос Господь. И знак нам дал: найдете, мол, в яслях спеленутого младенца. Только сказал это, как вокруг него появилось множество ангелов. Они восхваляли Бога и пели: слава Господу, мир земле и милосердие людям! Когда ангелы отошли на небо и к нам, несчастным, вернулась способность соображать, мы решили, что бы там ни случилось, пойти и посмотреть то, о чем возвестил нам Бог устами ангела.

Иосиф все понял. Стало быть, исполнилось! Все, что сказал ему во сне ангел, оказалось правдой и начало уже сбываться!

— Пожалуйте, — Иосиф пригласил пастухов в пещеру, — роженица с младенцем здесь.

Пастухи сняли шапки из овечьей шкуры, заткнули их за пояса и, оставив дубинки снаружи, последовали за хозяином в пещеру.

Мария при виде посторонних мужчин произволь-

но потянулась к младенцу, который сладко спал в яслях.

А пастухи упали на колени и, низко опустив головы в знак уважения к матери и младенцу, славословили Господа, затем благословили всех, кто был свидетелем случившегося в пещере, пожелали им счастья и с чувством исполненного долга перед Всевышним поднялись и вышли из пещеры.

Мария слушала их, стараясь запомнить каждое слово. Нашедшие приют в пещере бездомные женщины изумленно наблюдали за происходящим, не в силах понять, что совершалось на их глазах.

Глава седьмая

На восьмой день Рождества Иосиф и Мария отвезли младенца в вифлеемскую синагогу, где над младенцем совершили обрезание и дали имя Иисус, которым нарек его ангел еще во чреве матери.

Радости Иосифа не было границ — все складывалось так, как предсказывал ангел, и несмотря на небезобеспеченную жизнь, которую они вынужденно вели со дня приезда в Иудею, Мария чувствовала себя превосходно и была преисполнена благодарности к любящему мужу.

Миновало положенное обычаем время очищения. Пришла пора собирать пожитки и отправляться в священный город Иерусалим для представления младенца Господу. Назначили день, сгребли в копну сено для ослов и приготовились к отъезду.

Но прежде надо было заглянуть на вифлеемский рынок и приобрести там двух горлиц или двух голубят, которых, согласно древней традиции, надо будет выпустить в храме при представлении младенца Господу.

Рынок кишел людьми. Иосиф зашел туда один и вскоре вышел с маленькой клеткой из тростника, в которой сидели два голубенка. Младенец, увидев их, стал улыбаться, махать ручонками, дрыгать ножками — Мария чуть не выронила его от неожиданности. Непонятная радость ребенка передалась и матери, и они прошли весь путь до Иерусалима, не зная усталости, не

слыша свиста холодного ветра, что дул им ^{прямо в} лицо.

В Иерусалимском храме, строительство которого длилось уже довольно продолжительное время, ежедневно можно было увидеть одного старца. Одетый в лохмотья, с длинными седыми волосами и бородой, весь кожа да кости от постоянного воздержания в пище, он избрал храм своим убежищем. Звали его Симеон. Никто не знал, откуда он пришел и когда появился здесь. В городе ходил слух, что на нем Святой Дух. Бог обещал ему, что он не умрет, пока не увидит Христа Спасителя.

Так что этот праведный и благочестивый человек постоянно жил в ожидании завтрашнего дня, который должен был принести ему счастье лицезреть живого Спасителя.

— Симеон, ты еще здесь? — посмеивался над ним местный шутник, не верящий ни в Духа Святого, ни в ожидание старца.

— Где же мне быть, сынок?

— А правда, что про тебя толкуют?

— Что именно?

— А то, что ты будешь жить до тех пор, пока своими глазами не увидишь Мессию. Если это так, то ты вечен!

— Значит, ты не веришь в приход Мессии?

— Если он должен прийти, где же он, разве можно столько ждать?

— Не грешь против Господа, не губи душу, сынок. И не считай мои дни, не жалея их для меня. Разве Бог отнял их у тебя?

Именно в этот момент в храм вошли Иосиф и Мария. Мария прижимала к груди завернутого в тряпки младенца, согревая его теплом своего тела. Супруги приблизились к жертвеннику. Иосиф открыл клетку и выпустил голубят. Они встрепенулись и устремились к храмовой арке. Мария сняла с младенца косыночку, и от них обоих — от матери и от сына, прильнувшего к ее груди и замершего, как будто он внимал голосам, доносившимся из дальних миров, стало исходить ослепительное сияние.

Симеон по наитию свыше наблюдал за матерью, принесшей своего младенца к жертвеннику, чтобы ис-

полнить над ним обряд, предписываемый иудейской верой.

Когда храм озарило странное сияние, Симеон вздрогнул, тотчас подошел к Марии, взял у нее младенца, поднял его и произнес:

— Теперь, Владыко, ты, по своему обещанию, дашь мне умереть спокойно, потому что я своими глазами видел Спасителя, которого ты послал для спасения всех людей, который научит язычников и прославит народ израильский!

Иосиф и Мария с благоговением смотрели на святого старца, державшего в воздетых руках замершего младенца, и дивились его словам. Симеон благословил всех троих и сказал Марии:

— Вот об этом младенце будут спорить; одни уверуют в него и спасутся; другие соблазнятся и погибнут. И ты будешь страдать, как будто тебе самой пронзили сердце мечом — дабы открылись помышления многих сердец.

Кроме Симеона в храме находился еще один святой человек — Анна, дочь Фануилова, от колена Асирова. Ей было уже за восемьдесят, подобно Симеону она нашла приют во храме. Анна была замужем только семь лет, а как овдовела, с того дня не покидала храма ни днем, ни ночью, постилась и молилась Богу.

Анна стояла неподалеку, все видела и все слышала. Ее сердце также преисполнилось благоговения, и она благословила мать и дитя. Анна прониклась искренним участием к младенцу Иисусу и рассказывала о чем всем, кто искал спасения души в священном городе Иерусалиме.

Глава восьмая.

Слухи грянули с четырех сторон. Вся Иудея наполнилась разговорами о новорожденном царе Иудейском, о чуде, виденном пастухами. Обрастая, как снежный ком, все новыми и новыми подробностями, молва, наконец, достигла стен царского дворца. Встревожился Ирод Великий, потерял сон и покой. Ничего хорошего ни ему, ни царскому двору эти слухи, распространявшиеся со скоростью пожара, не сулили. Ирод немедленно

послал за пастухами, но люди вернулись ни с чем —
видевших новорожденного Мессию не нашли.

Ирод, не зря прозванный Великим, был испытанным политиком. В борьбе за престол он поверг немало конкурентов, претендовавших на него, и когда ему шепнули о «новорожденном царе Иудейском», тотчас смекнул, что это коварная проделка очередного соперника и его приспешников. Кто-то из его многочисленных противников избрал новое средство борьбы с ним, законным правителем страны, и претворение в жизнь своих злобных замыслов связал с небесными силами. А темному и невежественному люду ничего больше не надо. И поскольку недруги Ирода распространяли в народе злые слухи о божественном происхождении «новорожденного царя», Ирод, по своему обыкновению, не стал разбираться, насколько они соответствуют истине, а попросту занес меч над ним.

Новый взрыв молвы пришелся на ту пору, когда из дальней восточной стороны пришли волхвы-чужеземцы и, ступив на землю Иудеи, спросили первого встречного:

— Где родившийся царь Иудейский? Мы пришли, чтобы поклониться ему!

Когда Ироду рассказали об этом, он содрогнулся и вместе с ним содрогнулся весь Иерусалим. Были посланы люди с приказом доставить волхвов во дворец. Как выяснилось, они в своей восточной стране увидели на небе звезду Спасителя и последовали за ней, и эта звезда привела их в Иудею.

Ирод немедленно собрал всех первосвященников и книжников и спросил у них, где должен был родиться Христос, будущий царь Иудейский.

Первосвященники и книжники ответили ему в один голос:

— В Вифлееме Иудейском, ибо так написано пророком: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля».

В это время ко дворцу подошли мудрецы-чужеземцы, посчитавшие за честь приглашение царя, которое они приняли не колеблясь.

Грозный, своевольный и безжалостный Ирод, с серо-рыжим пучком волос на подбородке, обычно не

мигая смотрел на собеседника, как охотник, крадущийся к жертве, принял гостей радушно, с особым гостеприимством. Он пригласил их к поистине царскому столу, как ровня, сел рядом с ними и с царской же простотой осведомился, кто они, откуда и как пришли в Иудею.

— Мы — парты, — вежливо отвечали волхвы, — живем в Месопотамии, между реками Тигр и Евфрат. Сюда, как мы уже говорили, попали, следуя за звездой Мессии, дабы поклониться новорожденному. Мы звездочеты и астрологи, умеем разгадывать сны, говорить заклинания, готовить редкие лекарства. Сегодня, в последний день тебета, в 750-й год со дня основания Рима мы можем предсказать по планетам, что произойдет через тысячу лет.

Ирод вполуха слушал чепуху, которую несли волхвы. Единственное, что ему требовалось — это знать досконально место и точное число рождения младенца.

Введенные в заблуждение щедрым и радушным приемом, волхвы не сразу поняли, что коварный Ирод затаил в сердце злой умысел. Он боялся соперника, могущего претендовать на престол, и если бы новорожденный Мессия, царь Иудейский попал ему в руки, он не пощадил бы его. И волхвы замолчали, прикусили языки, чтобы не сболтнуть лишнего. Их предположение полностью оправдалось, когда, прощаясь, Ирод сказал:

— Итак, мне ничего не остается, как благословить ваш путь к Вифлеему, где, по нашим расчетам, вас ждет встреча с новорожденным царем Иудей. Подробно порасспросите о младенце и, если с Божьей помощью, удастся найти его, немедленно сообщите мне, чтобы и я, подобно вам, мог воздать ему должное, — и как бы в шутку добавил: — За вознаграждением не постою!

— Слушаемся, царь, — ответил старейший среди мудрецов, говоривший от лица всех, поскольку арамейский язык, так же как и другие восточные и западные языки, он знал не хуже родного. И волхвы в знак согласия опустили головы.

— Я уважаю мудрых и ученых мужей вроде вас, — сказал под конец Ирод. — Не хотелось бы милость сменять на гнев!

Последние слова прозвучали как нескрываемая угроза. Волхвы вздохнули с облегчением только тогда, когда вышли из стен царского дворца.

Они несказанно обрадовались, увидев на небе знакомую звезду, которая вновь повела их за собой. Им долго пришлось идти мрачными, пустынными местами, пока звезда не стала над изрытой пещерами и гротами скалой, возвышавшейся над рекой. Здесь в одной из пещер волхвы нашли завернутого в тряпки младенца Иисуса и мать его Марию; упали перед ними на колени и низко поклонились, а потом открыли свои сокровища и принесли дары: золото, ладан и смирну.

Старейший среди волхвов, свободно владевший арамейским, отозвал Иосифа в сторонку и рассказал ему, как бурлит Иудея в связи с рождением младенца и с каким поручением отправил их в Вифлеем царь иудеев Ирод. «Мы возвратимся домой другим путем, — сказал он на прощанье, — а ты, Иосиф, решай сам, как тебе поступить».

Не дожидаясь рассвета, волхвы ушли, опасаясь погони, а Иосифу снова приснился ангел.

— Встань, возьми младенца и мать его, — сказал он Иосифу, — и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет найти младенца, чтобы погубить его!

Глава девятая

Египет, как и Израиль и близлежащие страны Азии и Африки, находился под протекторатом Рима. В Каире и Александрии сидели римские прокураторы, осуществлявшие высочайшую власть римского цезаря на древнейшей земле фараонов, еще хранившей во множестве блестящие следы их пребывания.

Еще со времен Навуходоносора, грозного и непобедимого царя вавилонского, когда беспримерным образом разгромленный народ израильский рассеялся по всей земле, здесь, в Египте, поселилось немало евреев, особенно в многолюдных городах и средиземноморских портах, самым крупным и разноплеменным среди которых была Александрия, а также вдоль великого Нила, вплоть до границы с Суданом. Попавшего в эти края

сына израилева, сирого и убогого, соплеменники не оставляли без поддержки, всячески помогая ему, давали шанс вылезти из нужды, если, конечно, сам он того желал и имел вкус к жизни.

Иосиф знал об этом и, когда владения Ирода остались позади и исчезла опасность преследования, стал с надеждой думать о завтрашнем дне.

До Газы они шли днем и ночью, не зная отдыха. В дороге пал один осел. Иосиф был вынужден большую часть его груза взвалить на другого осла, а остальное нести самому. Мария ничем не могла помочь мужу. С ее стороны было большим мужеством спешиться и весь оставшийся путь до Газы пройти пешком.

Сердце Иосифа обливалось кровью, когда он смотрел на Марию, но что ему было делать, не дай Господи, падет и второй осел, тогда они действительно окажутся в безвыходном положении. Такой груз Иосифу не по плечу — придется отказаться и бросить на дороге необходимые для повседневной жизни предметы, с таким трудом и муками пронесенные через весь путь.

До египетской границы было еще далеко. Впереди лежала Исмаилская пустыня, которая начиналась тут же за Газой и доходила до берегов великого Нила в Египте.

Путь предстоял небезопасный. В пустыне обретались разбойники. Они не только грабили путников, но брали их в плен, заковывали в кандалы и продавали в рабство. Во избежание опасности караваны месяцами стояли в Газе, поджидая друг друга, — объединенными силами легче было отразить нападение толп грабителей и разбойников и защитить себя.

Иосиф не знал, сколько им придется ждать в Газе. Возможно, они застрянут здесь до первых весенних раскатов грома — могло пройти немало времени, прежде чем соберется несколько караванов.

Дары волхвов пришлись весьма кстати. Иосиф снял комнату в трактирчике на окраине города, затем отправился на базар и купил там хорошо откормленного осла. Последний караван, прибывший в Газу через Иудею, принес страшную весть о кровопролитии в Вифлееме и его окрестностях. Путанные рассказы караванщиков то дополняли, то исключали друг друга, так что вынести из них какое-либо заключение было нелегко.

Иосиф насторожился. Спросить ни о чем не спрашивал. Боялся привлечь к себе внимание — чего доброго признают и донесут властям.

Принимать на веру рассказы караванщиков было трудно еще и потому, что караванщики, греки по происхождению, рассказывали свои истории то на родном языке, то на латинском. Иосиф очень надеялся, что среди них отыщется и арамеец, тогда уж он будет знать наверняка, что же наконец случилось в Вифлееме после их поспешного ухода.

Весть, принесенная караванщиками, в тот же час облетела город. Вся Газа только об этом и говорила, и в конце концов Иосиф понял, что там произошло.

Воины Ирода обыскали все места, где, по их разумению, могли прятать младенца Иисуса. Но его не обнаружили. Тогда от Ирода пришел новый приказ: — умертвить всех младенцев в возрасте от двух и ниже! Не разбирать, кто чей ребенок!

В надежде, что среди умерщвленных окажется новорожденный царь Иудейский Иисус, воины начали в Вифлееме беспощадное избиение младенцев. Рассказывали, трагедия разыгралась несусветная. Жестокие воины пронзали копьями плачущих младенцев и окровавленных разбивали оземь. Многих младенцев насаживали на копья вместе с матерями — они не хотели выпускать их из рук и молили о пощаде.

Иосиф в ужасе возвратился в трактир, где Мария, уже усыпив дитя, дожидалась его. Он ни словом не обмолвился об услышанном, сказал только, что завтра на рассвете караваны отправятся в путь и им пора собираться. От Марии, однако, не укрылось, что муж чем-то удручен.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Случилось? — как бы очнувшись, переспросил он. — Нет, ничего, — и опустил голову, пряча глаза от жены.

— Вот так всегда, когда у тебя есть сказать что-то неприятное. Под конец ведь все равно скажешь!

Скрывать не имело смысла. Иосиф должен был ей все рассказать. Но как? Какими словами? Он начал несмело, пытаясь как-то смягчить свой рассказ. Напрасное желание! Можно ли было обыденными слова-

ми выразить то, что произошло в Вифлееме по приказу кровожадного Ирода?!

Мария схватилась за голову, глаза расширились как во время первого приступа боли при родах. Слова застряли в горле у Иосифа, он вскочил, подбежал к ней, стал успокаивать. Нечеловеческий стон вырвался из груди Марии. Обеими руками она обняла мужа за плечи и, уткнувшись ему в грудь, зарыдала так горько и безутешно, как никогда не рыдала. Как своего собственного первенца оплакивала она, мать, безжалостно убиенных детей других матерей, убиенных именно потому, что ее кровь и плоть, Иисуса, удалось вырвать из кровавых рук царя-палача. Она царапала щеки, била себя по голове, рвала на себе волосы, проклиная тот день, когда он был зачат в ней. Иосиф чуть не помешался. Не знал, как утешить потрясенную Марию.

В этот момент проснулся Иисус. Он вытащил из-под свивальника ручонки и, мотая головкой, искал губами материнскую грудь. Мария вдруг очнулась, метнулась к малышу, подняла его на руки и, словно боясь, что кровожадные воины Ирода вот-вот ворвутся в дом, с силой прижала его к груди.

Как только рассвело, караван ожил — зазвучала разноязычная речь, раздались возгласы, непристойная ругань, свист бичей — и под негромкий звон колокольчиков, бешеный лай собак и общий галдеж тронулся в путь через пустыню.

Не сомкнувший ночью глаз Иосиф стоял перед трактиром и смотрел на проходящий мимо караван. Он держал под уздцы ослов, на одном из которых сидела закутанная с ног до головы в черное Мария с младенцем в руках. Иосиф подождал, пока пройдут груженные огромными кулями верблюды, навьюченные лошади, и только тогда тронулся с места.

Глава десятая

Леонтополь, город, в котором Иосиф после короткого совещания с женой решил остановиться до лучших времен, был не таким уж маленьким городком. Он находился по ту сторону Нила в ста стадиях от Среди-

земноморского побережья. Полноводный Нил в этом месте, готовясь к встрече с морем, делится на рукава. Каждый рукав — сам по себе огромная река, пересечь которую без речных судов, барж или плоскодонных военных кораблей просто невозможно.

Сыны израилевы издревле жили в Леонтополе, еще с тех незапамятных времен, когда кровавые набеги Навуходоносора, а потом жестокость собственных царей-правителей вынудили их покинуть любимую родину, Землю обетованную. Здесь, на плодородных равнинах вдоль побережья Нила они разбивали сады и виноградники, разводили скот, занимались торговлей и ремеслами.

В 600 году от основания Рима по почину и благословению священнослужителя-беженца Онии евреи возвели здесь храм его имени и навсегда обосновались в городе.

На крайнем рукаве Нила был построен городской порт, куда заходили небольшого водоизмещения плоскодонные суда, перевозившие товары с юга на север, в Александрию и обратно.

В порту днем и ночью толкся народ. Но будь его вдвое больше, работы все равно хватило бы всем, поскольку погрузка и разгрузка торговых кораблей временно или постоянно требовала массы рабочих рук.

Прежде чем приобрести плотнические инструменты и открыть где-нибудь в укромном месте собственную мастерскую, Иосиф пошел работать в порт грузчиком. И квартиру снял поблизости за двенадцать динариев в месяц. Впрочем, разве это была квартира! Одна комната в двухкомнатном ветхом домишке со стенами в один кирпич! Он стоял на уровне грязной улицы из плитняка, на которую выходили и дверь, и узкое оконце. Неподалеку тянулись к реке конюшни римских легионеров. Весь этот нищий квартал, как, впрочем, и город, был пропитан резким запахом конской мочи и навоза, настолько въевшимся в окрестности, что перенеси конюшни на расстояние двухдневного пути от города, от него вряд ли избавились бы. По ночам пьяные вдрызг легионеры сотрясали тишину квартала непристойными песнями, которые они распевали хриплыми голосами.

Мария каждый вечер с нетерпением ждала мужа с работы. Ей было страшно одной, ведь в любой мо-

мент в дом могли ворваться насильники и принести новые несчастья. Опасность была вполне реальной. Римляне считали себя, и по праву считали, полными хозяевами города и всей страны. Без их ведома в город и мышь не могла проникнуть. Правда, Леонтополь имел своих управителей, из египтян, но их указы, не подтвержденные римским поверенным, не имели никакой силы.

Иосифу пришлось неоднократно обращаться к римским властям за разрешением временно поселиться в городе и снять квартиру. Его подробно, с пристрастием расспросили, откуда он прибыл и с какой целью, не совершал ли он там, откуда прибыл, преступления и не скрывается ли от правосудия. Ответ обещали дать после того, как спишутся с кем нужно и установят личность Иосифа. Иосиф все понял, и в ход пошли динарии. При виде денег могущественные римские чиновники оживились, сделались вежливыми, внимательными, и дело вмиг было улажено.

Иосиф по обыкновению работал не жалея себя, чтобы жена и ребенок, заботу о котором возложил на него ангел, ни в чем не знали недостатка. Часть денег ему даже удавалось откладывать на черный день. А по весне по одному стал приобретать плотнические инструменты.

Суббота была самым любимым днем недели. Иосиф оставался дома, и вся семья вместе с маленьким Иисусом выходила на берег Нила на прогулку. Но сперва они заглядывали в синагогу, носившую имя священнослужителя-беженца, приносили пожертвование, слушали молитву и сами истово молились, прося у Всевышнего здоровья для маленького Иисуса, а затем, поскольку священная суббота велит евреям отдыхать, шли к берегу Нила, где к тому времени уже собирался весь Леонтополь — женщины и мужчины, старые и молодые, богатые и бедные.

Пасха в сравнении с предыдущими годами прошла скучно и печально, впрочем, в синагоге Онии собрались евреи со всего города и его окрестностей, и поздравлениям и благословениям не было конца.

Мария и Иосиф всегда проводили этот величайший еврейский праздник в кругу родных, что делало его более приятным в их глазах, нынешняя же пасха бы-

ла первой, которую они встретили вдали от родины среди чужих им людей.

Так же бесцветно прошли праздники Кушей и Обновления. 25 тевета, или декабря по римскому календарю, они в полном одиночестве отметили годовщину со дня рождения Иисуса.

Мария не могла парадовать на сына, Иосиф — на них обоих, слезы умиления наворачивались ему на глаза. Но вдруг она поскуичнела, опустила голову, уронила две горькие слезы. Иосиф сразу догадался, что она вспомнила о тех несчастных детях, которых истребили в Вифлееме по приказу царя Ирода, и им самим овладели жалость и грусть.

Иисус, пытаясь ухватиться за руки матери и отца, прыгал на подушке.

— Ты что, сынок, хочешь встать? — в глазах у Марии как будто зажглись две жемчужины. — Ну-ка встанем! Стоять, парень, стоять!

— Отпусти его, Мария, может быть, действительно сам встанет, — и Иосиф подставил свои сильные волосяные руки, чтобы ребенок не упал на холодный сырой пол.

Иисус баловался, прыгал, не сводя искрящихся глаз с матери. Мария осторожно отпустила его — «поглядим, что он сделает». Ребенок раскрыл, как крылья, толстые в глубоких складках ручонки, чуть качнулся вправо, но тут же восстановив равновесие, снова запрыгал.

— Смотри, он стоит! — радостно воскликнула Мария, — и скоро, наверное, пойдет. Ах, ты моя радость! Я тебе уже тапки связала, как бы малы не оказались. Видишь, Иосиф, какой у нас молодец?!

— Вижу, Мария, вижу, дай Бог ему здоровья!

Иисус действительно вскоре начал ходить и стоял на ногах так крепко, как ребенок двух-трех лет. Для Марии, занятой домашним хозяйством, это было большим подспорьем, ей уже не приходилось, как прежде, в одной руке держать ребенка, а другой заниматься домашними делами.

На четвертый год пребывания в Египте упорный труд Иосифа принес свои плоды. Ему удалось сменить сырую ветхую комнату, в которой они жили, на лучшее жилище, правда, в том же квартале.

Новый дом стоял на сваях из ольхи, со стороны улицы к нему вела лестница из пяти ступенек. Узкие окна смотрели на северную сторону, и, хотя солнце сюда тоже не заглядывало, света было гораздо больше.

Хозяин дома великодушно позволил Иосифу устроить под домом подвал — вывезти землю на свои средства, возвести стены: прекрасное место для плотницкой мастерской. У египтянина был свой расчет: рано или поздно жилец съедет и ему задарма останутся подвал и слава доброго человека. Но Иосиф все никак не решался приступить к делу. Его удерживало, во-первых, то, что, если он оставит работу в порту, хотя бы на время, это скажется на семейном бюджете, а во-вторых, он жил надеждой вернуться домой в Галилею, в Назарет, в дом своих предков, как только оттуда поступят утешительные вести.

Глава одиннадцатая

После избития младенцев в Вифлееме Ирод потерял сон и покой. Ночами не смыкал глаз и никому из своих приближенных не давал возможности забыться сном. По Иерусалиму снова поползли слухи. Душевное состояние царя объясняли по-разному. Большинство уверяло, что Ирод не находит себе места из-за пролитой им невинной крови, мол, это и есть причина его внутреннего разлада.

Возможно, так оно и было, но более всего Ирода тревожило другое: находился ли среди убиенных детей младенец Иисус, который согласно древним пророческим книгам должен явиться народу израильскому Мессией, Спасителем, Христом и царем Иудейским, и, если верить лжецам-волхвам, явился-таки на самом деле, или же врагам престола удалось вывезти его тайком из страны, в то время как всех остальных детей прикончили его воины? Кто мог доказать, что это не так и что Ирода не ждала смерть от руки предателя?

Подозрительность царя не знала границ, ни днем, ни ночью не оставляла его мысль о притаившихся в темных углах убийцах. Страх настолько владел им,

что порой он боялся выйти из спальни. На кого только не возводил он напраслину — «ты хочешь моей смерти» — и на членов семьи, и на приближенных, и на священнослужителей, военачальников, поваров и даже на безобидного цирюльника, который в две недели раз являлся во дворец, чтобы подправить ему волосы и бороду. Во дворце вынуждены были отказаться от услуг цирюльника, потому что при виде ножниц у Ирода начинался сердечный припадок.

Иерусалимский дворец, возведенный самим царем, был обильно орошен кровью. Счет жертвам открылся еще во время строительства, когда рухнули высокие леса и погребли под собой массу народа и столько же пар быков. И сейчас в конце правления Ирода крови было предостаточно. Довольно было не просто причины, а малейшего повода, чтобы Ирод выдал толпе на избиение камнями или приговорил к распятию придворного, до того верой и правдой служившего ему. Окруженный многочисленным отрядом охраны, он самолично присутствовал на казнях и получал несказанное удовольствие при виде того, как вчера еще влиятельные господа жалко извивались в предсмертных муках, что абсолютно не подобало их высокому званию, и громко желали кровожадному царю такого же конца.

Утратив прежнюю силу в ногах и остроту глаз, Ирод решил составить завещание и разделить страну между наследниками-сыновьями.

Находящееся под протекторатом Рима, но тем не менее единое и неделимое царство, которое он получил в наследство от своего отца, отныне делилось на три части. Первую — Иудею, Самарию и Идумею получал старший сын Архелай, вторую — Галилею и Перею — младший Ирод Антипа, а третью, по ту сторону Иордана, — средний сын Ирод Филипп.

Ирод не спешил с обнародованием завещания, хотя состояние здоровья мешало ему заниматься государственными делами. Он не доверял рвущимся к власти своим сыновьям, опасаясь, что они прежде времени завладеют отказанными им землями, сбросят его с престола, и ему придется таскаться по чужим дворам.

В этом не было ничего невероятного — сам Ирод, будучи безусым юнцом, именно так поступил со своим отцом: не дождавшись его естественного конца и вос-

пользовавшись его немощью, он устроил заговор против него и силой завладел престолом, который мог наследовать законным образом.

Цеплявшийся за жизнь Ирод получил свое: когда он выезжал из главных ворот иерусалимского храма, что-то напугало коня, конь отпрянул и, прежде чем охрана успела схватить его за поводья, сбросил седока наземь.

В ту же ночь была взломана дверь потайного стенового шкафа в спальне Ирода — ключей не нашли — и зачитано с балкона собравшейся толпе завещание царя.

Был объявлен всеобщий траур. Стольный город Иерусалим и все царство оделись в черное. Никто не предполагал, что народ израильский так горько оплачет своего душегуба и, искренне скорбя, проводит в последний путь к усыпальнице предков. Обросшие мужчины негромко причитали глухими голосами, а одетые в черное женщины всех сословий, вчера еще проклинавшие царя, распустив волосы, шли за гробом, обливаясь слезами, — отец наш родимый, кто теперь будет заботиться о нас, кто защитит нас от нашествий язычников? В эти минуты они искренне верили, что в Израиле не было царя более справедливого, сострадательного и благочестивого, чем Ирод, его сравнивали даже с Давидом и Соломоном.

Кто бы мог подумать, что через каких-нибудь два-три года о кровопийце Ироде придется только мечтать. Его старший сын Архелай, согласно завещанию ставший четверовластным или тетрархом Иудеи—Самарии—Идумеи, оказался строптивее, злее и кровожаднее своего отца. Он удвоил налоги и пошлины, связал по рукам и ногам не только местных, но и иностранных купцов и добился того, что процветавшее при Ироде Великом товарообращение вконец заглохло. Цены на товары на иерусалимском и других базарах непомерно вздулись, что вызвало обнищание населения, тем более небогатых его слоев.

Народ стал проявлять беспокойство, отказывался платить подати, нападал на мытарей, сборщиков налогов, грабил их до нитки. Определенный сенатом доход, который поступал от владений Архелая, резко упал. Недовольство Рима вызывали и начавшиеся смута и

беспорядки, которые могли перекинуться на другие провинции Израиля. Решено было проучить спесивого Архелая. В один прекрасный день его пригласили во дворец к Августу, откуда он уже не вернулся. Пошел слух, что его перевели военачальником римских войск в Галлию, запретив возвращаться на родину.

На место проштрафившегося тетрарха нового четверовластника Иудеи—Самарии—Идумеи назначать не стали, а подчинили страну непосредственно Риму, в частности, прокуратору Понтию Пилату.

Вскоре та же судьба постигла и земли по ту сторону Иордана, где, согласно завещанию Ирода Великого, правил средний его сын Ирод Филипп.

Филипп скончался при невыясненных и очень загадочных обстоятельствах. Слухов ходило великое множество, но подтвердить или опровергнуть их было трудно. Да и, по правде говоря, никто не пытался сделать это.

В народе бытовало мнение, что смерть Филиппа каким-то образом связана с его родным братом и непосредственным соседом Иродом Антипой.

Филипп был женат на дочери финикийского царя прекрасной Иродиаде. Первое же появление Иродиады во дворце внесло отчуждение между братьями, которое затем перешло чуть ли не в кровную вражду.

К счастью, Архелай и Ирод Антипа, младший среди братьев, были уже женаты, а иудейская вера запрещала разводы, и красавица Иродиада досталась слабому Филиппу.

Согласно иудейской вере, младший брат, не создавший своей семьи, в случае смерти старшего брата обязан жениться на его вдове в том случае, если тот не оставил после себя потомства, дабы, как писано в законе, «сохранить семя старшему брату».

Смерть Филиппа открыла Ироду Антипе путь к сердцу любимой женщины, мысль о которой не давала ему покоя. По закону веры он обязан был исполнить свой мужской долг перед вдовой, если бы не два обстоятельства: во-первых, он был женат, а вера запрещала разводы, во-вторых, рано овдовевшая Иродиада имела ребенка от своего мужа Ирода Филиппа, дочь Саломею.

Первое препятствие на пути к желанной цели было устранено женой Антипы, арабской принцессой, вернее ее вспыльчивостью. Узнав о недобром замысле мужа, питавшего слабость к вдове старшего брата и вопреки всем неписанным правилам собиравшегося ввести ее во дворец, оскорбленная царица в сопровождении немногочисленной преданной ей челяди отбыла к отцу.

Опрометчивый поступок супруги обрадовал Ирода Антипу, но, сделав вид, что оскорблен, он послал за ней погоню с наказом немедленно возвратиться домой, не верить слухам, ибо изменять ей он не собирался. Но арабская принцесса и ухом не повела в ответ на лицемерное утверждение мужа. Антипе только это и нужно было. Воспользовавшись отказом жены вернуться во дворец, он призвал к себе первосвященников и учителей веры и поручил им договориться с Господом и любым путем устранить второе препятствие. Через две недели после сороковин по Филиппу во дворце появилась новая царица.

Народ негодовал, призывал проклятья на голову своего порочного правителя, называл его осквернителем закона и был уверен, что Господь не оставит безнаказанным его, поправшего обычаи предков. Но день проходил за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом, а Ирод Антипа продолжал сидеть на престоле, предаваясь утехам и наслаждениям с любимой женщиной.

Глава двенадцатая

Весть о событиях, происшедших на земле Израильской — смерть Ирода Великого, воцарение Архелая и его последующий отзыв в Галлию, наконец, назначение ее правителем римского прокуратора — достигла и Египта. У Иосифа, открывшего к тому времени собственную мастерскую, дела шли прекрасно. Иисус — ему скоро должно было исполниться семь лет — исполнял при нем роль ученика, учился ремеслу плотника.

Клиентов, в которых не было недостатка, поражали способности этого ангелоподобного ребенка, его понятливость и сообразительность. Всех удивляло, что мальчик не любит играть со сверстниками и, предпочитая

общество взрослых, внимательно слушает их степенные беседы, какой бы темы они ни касались. И в синагоге, куда он ходил молиться с родителями, невольно привлекал к себе всеобщее внимание.

— Иисус, сынок, — говорила Мария, утомленная молитвой, когда храм почти пустел и служки гасили светильники, — пойдем домой, на сегодня хватит. Бог услышит нашу молитву. Мы и завтра придем сюда!

— Еще немножко, мамочка, погоди, — как взрослый, просил мальчик, и, приложив к груди маленькие руки, стоя на коленях, не сводил глаз с одной-единственной точки на своде храма, сверкающем золотыми звездами.

По вечерам допоздна не гас свет в комнате Иосифа, которую он снимал в доме на сваях на втором этаже. Блеклый свет светильника вырывал из темноты стол, за которым сидели плотник, его жена Мария и юный Иисус.

Перед Марией лежала раскрытая книга Ветхого Завета в переплете из телячьей кожи, полученная ею в приданое. Она ровным голосом читала мужу и сыну то историю об исходе евреев из Египта, то о чудесах, волею Бога приключившихся с Авраамом, Исааком, Иаковом. Иисус с жадным интересом внимал матери, как бы впитывая в себя каждое ее слово. Порой они так засиживались, что не замечали, как за окном начинало светать, и бледный свет светильника незаметно растворялся в утренних сумерках.

Иосиф давно уже понял, что Иисус — необыкновенный ребенок. В возрасте, когда дети только и делают, что бедокурят, Иисус замыкался в собственном непостижимом для других мире, постепенно отдаляясь от своих самоотверженных родителей. Иосиф часто находил его задумавшимся, глядящим в небо и беседующим то ли с самим собой, то ли с кем-то невидимым чужому глазу. Тогда сердце Иосифа преисполнялось благоговения, он готов был преклонить колени перед мальчиком, разделить с ним его тайную печаль. В отличие от него Марией в подобных случаях, когда Иисус как бы ускользал из злешнего мира и мыслью устремлялся к чему-то бесконечно далекому и непостижимому, овладевал страх, она прижимала сына к груди, словно пыталась защитить его от непонятной ей опасности.

Однажды на рассвете, когда они, закончив чтение книги, легли спать, кто-то разбудил Иосифа. Иосиф сразу же узнал его — та же ослепительно белая одежда, нимб над головой, копье в руке — он уже дважды являлся ему, в Назарете и Вифлееме, и дважды решал его судьбу. Иосиф хотел встать, чтобы предложить небесному гостю стул, но не смог. Ангел сковал его члены и потребовал полного внимания.

— Пришло время, — сказал он Иосифу, — встань, возьми младенца и мать его Марию и иди в землю Израильскую, в пределы Галилейские, в Назарет. Да сбудется реченное чрез пророка, назовется он Назореем!

Иисус лежал между Марией и Иосифом. Сбросив с себя одеяло, раскинувшись, сладко спал. Иосиф не знал, что ему делать — ждать рассвета или немедленно разбудить жену и сообщить ей волю ангела.

Мария, очевидно, почувствовав, что муж не спит, открыла глаза.

— Ты уже встаешь, Иосиф? Еще ведь рано!

— Петухи прокричали, — сам того не желая, солгал Иосиф. — Ну и горлодеры же они, доложу я тебе.

И тут, как в подтверждение его слов, раздался петушиный крик.

— Не вставай, — укрывая сына, тихо попросила Мария, — а то и он вскочит за тобой, ты же его знаешь.

— Мария, сегодня навряд ли, но завтра мы отправляемся в Галилею.

— Ты шутишь? — Марию поразили слова Иосифа, — почему же ты молчал до сих пор?

— Сейчас вот говорю. Продадим все наши пожитки, помянем Бога. Столько времени прошло. Ирод давно сошел в гроб. Иисусу, с Божьей помощью, уже ничто не грозит. Мы ведь пришли в эту благодатную страну, чтобы спасти ему жизнь, и она нас приютила, обогрела, накормила. Пора домой.

Подготовка к отъезду заняла целую неделю, Иосиф ежедневно наведывался в порт, чтобы узнать, когда будет караван в сторону Израиля, и Иисус каждый раз увязывался за ним. В порту обычно к концу зимы negociанты из Палермо, Неаполя и Каира собирали караван, который держал путь в Персию.

Вместе с Иосифом на землю Израильскую возвра-

щались три еврейские семьи. Они пришли в Египет в поисках куска хлеба, как некогда Иаков с сыновьями, и теперь, нажив деньги, возвращались домой.

К концу месяца нисана, по римскому календарю марта, на Ниле раньше обычного началось половодье. Вода прибыла так сильно, что затопила порт и прилегающие к нему земли. Взбесившаяся река местами разорвала канаты, которыми суда крепились к берегу, и носила их по волнам, грозя посадить на мель. Пришли в негодность паромы, на которых караваны переправлялись с одного берега на другой. Дороги к Нилу оказались затопленными, заваленными песком, нанесенным рекой. Это еще почти на месяц задержало выход каравана. Тем временем наступила страшная жара. На солнце, как говорится, яйцо можно было зажарить.

Однажды в самый разгар лета, ранним утром Иосиф вынес во двор тщательно перевязанные мешки, с помощью соседей погрузил их на осла и худородного коня, купленного у римского легионера за бесценок, и вместе с семьей вышел на улицу.

Прощаться с ним собрался весь квартал. У иных даже слезы стояли в глазах. Иосиф, не говоря уже о Марии, был растроган. Сколько верных и добрых друзей они обрели, оказывается, за эти годы, что им пришлось провести на чужбине! Только местная римская власть не заметила их отъезда, что, впрочем, было не удивительно.

Глава тринадцатая

Весть о прибытии Иосифа мгновенно облетела город.

— Слышали? Иосиф вернулся, тот самый, из рода Иакова! — разносилось по улицам.

— Какой Иосиф, что ты мелешь?

— Плотник Иосиф, зять Иоакима, муж Марии!

— Неужели?! А говорили, он умер от горячки в Вифлееме и его похоронили в родовой усыпальнице. А Мария с младенцем стали жертвой кровавого избиения — воин Ирода проткнул ее вместе с ребенком копьем. Боже, праведный, под какой же счастливой звездой рождаются некоторые! Ведь с тех пор о них — ни слу-

ху, ни духу! Значит, живы, говоришь? Ну и чудеса, Гос-
поди! Где же они пропадали все это время?

— В Египте жили.

— В Египте? Хотелось бы мне знать, что они потеряли в Египте?

— От Ирода бежали, ребенка спасали.

— А сколько лет ребенку?

— Что-то около семи.

— Стало быть, более семи лет прошло с тех пор?!
Пойду-ка взгляну на них, что-то не верится!

Многим действительно не верилось, что Иосиф с семьей мог появиться в городе. Их принимали за призраков. А нашлись и такие, кто и вовсе не помнил об их существовании. Усадьба Иосифа, за которой в его отсутствие присматривал старый Иоаким, а после того, как он отдал Богу душу, заботиться стало некому, пришла в страшное запустение. Однако дом, в свое время обновленный Иосифом, остался годен для жилья. Сад, правда, заглох — тернии и колючки задушили цветники и розарии, разбитые еще тетушкой. На огороде буйствовали сорняки. Непосредственные соседи, как видно, зарившиеся на этот некогда скудный участок земли, расцветший в благословенных руках Иосифа, не прочь были поделить его между собой, но не посмели и ограничились тем, что отодвинули забор настолько, чтобы это не бросалось в глаза.

Последнее не укрылось от Иосифа, он почувствовал укол обиды, но радость встречи с родным городом была так велика, что он предпочел сделать вид, будто ничего не заметил. Он открыл мешок с подарками, привезенными из далекого Египта, и принялся раздавать их, громко выкрикивая имена друзей, близких соседей, просто знакомых. Многих из тех, кому он приготовил подарки, уже не было в живых, иные покинули Назарет, переселившись в другие места, иные же так постарели, что их трудно было узнать.

Сестры Марии повыходили замуж, брат женился. После смерти Иоакима Анна слегла, и в доме хозяйничала невестка. Она с радостью встретила воскресшую из мертвых золовку с ее сыном Иисусом и тут же проводила к прикованной к постели свекрови.

— Боже, Мария, моя Мария! — воскликнула Анна, когда Мария, войдя в комнату, опустилась на колени

и, прикинув к ее груди, зарыдала: — Спасибо тебе, Господи! Люди, вы слышите, Мария вернулась, моя девочка, Мария! Она жива! Бог Авраама, Исаака и Иакова пощадил ее! Спас от душегуба Ирода! Дай мне взглянуть на тебя, доченька, это действительно ты или несчастной матери твоей кажется?!

— Это я, мама, не узнаешь меня? — повторяла Мария, глотая счастливые слезы.

— Ты моя радость, благодарю тебя, Господи, что дал дожить до этого счастливого дня!

— Как ты, мама? Бедный папа, не дождался меня!

— Как я, доченька? Пусть так будет твой враг и недоброжелатель. Ну что бы твоему отцу дожить до этого дня! Сердце мое чует, говаривал он, жива она, но далеко от нас, не может дать о себе знать. Так и было, оказывается!

Мария утерла слезы кулаком.

— Он болел?..

— Нет, все произошло неожиданно. Мы отужинали, поговорили о тебе. Он помолился... Боже, Мария, чей это ребенок?

— Мой, мама. Его зовут Иисус. Поди сюда, сынок, поцелуй бабушку.

— Какой он большой! На кого он похож? Да благословит тебя Господь, внучек. Да вырастет из тебя опора матери и заступник нашего несчастного народа. Бедняга твой дедушка только об этом и молил Господа, вот ты и исполни его мольбу. Подойди ко мне поближе, родной, дай я разгляжу тебя хорошенько, поглажу, чтобы убедиться, что это не сон, что это счастье — явь!

Мария подтолкнула Иисуса, он сделал шаг вперед и, опустив голову, покорно остановился перед приподнявшейся в постели Анной. Ему почему-то не терпелось уйти из этой комнаты, вернуться к Иосифу, которого они оставили за работой в своем доме. Иосиф не возражал, когда Мария, бросив вещи, помчалась в родительский дом, хотя и ему не терпелось навестить больную тещу и выразить ей соболезнование по поводу кончины тестя.

Иисус всей душой любил Иосифа, всегда почему-то грустного, печального, но безгранично доброго, сердобольного и бескорыстного человека. Иосиф готов был

на любые жертвы ради ближнего, потому в далеком и чуждом Египте, где им пришлось жить, у него завелось столько друзей и доброжелателей.

И тем не менее между Иисусом и Иосифом стояла какая-то непреодолимая стена, незаполняемая пустота. Иосиф не был кровным отцом Иисуса. Мальчик чувствовал это интуитивно. Отец его был далеко-далеко, в недоступном ему мире, и не по возрасту серьезный, грустный мальчик ежедневно ждал встречи с ним лицом к лицу.

Порой Иисусу казалось, что Иосифу известно о его тайных мыслях, что он знал, Иисус — не кровь и не плоть его, но в глазах окружающих он был его отцом и всячески старался не обделит его родительской любовью.

Когда Иисус с Марией вернулись домой, Иосиф уже распаковал багаж и всему нашел свое место. Двери и окна были распахнуты, а позеленевший от сырости пол выметен с помощью соседских женщин.

— Явился, сынок? — Иосиф вышел на балкон, рукава рубахи у него были закатаны, — туда не ходи, пол там изъеден червем, не дай Бог провалишься. Ну как, видел бабушку?

— Видел.

— Не удивилась она, какой ты большой?

— Удивилась.

«Что с ним?» — молча спросил Иосиф жену, которая стояла за мальчиком и опухшими от слез глазами просила его о прощении за свою нетерпеливость, за то, что оставила его в доме, где все стояло вверх дном, одного, на жалостливых соседок.

— Оставь его, — тихо проговорила она, — он и там вел себя точно так же, даже не поговорил с бабушкой.

Легли они поздно и, измученные долгой дорогой и впечатлениями, вскоре заснули. Иисус всю ночь видел цветные сны. Он снова был в дороге, в ушах звенели колокольчики, вокруг царила желтая пустыня. Потом желтизна стала смешиваться с отливающей серебром голубизной. Это было Киннерефское или Галилейское море, вдоль которого караван шел целый день, а потом остановился на ночлег на его песчаном берегу среди пальм, у основания голой скалы.

Галилея, родина, о которой он столько слышал, о которой ему столько читали, куда он стремился всей душой!

После безлюдной Исмаилской пустыни, казалось, не имевшей предела, это был настоящий Эдем, где на каждом шагу встречались колодцы и зеленые оазисы с домиками с плоскими кровлями.

Утром, проснувшись, он обнаружил, что постель Иосифа, которую постелили на старом сундуке, пуста. Мария тоже была уже на ногах. Когда они встали, да еще так, что он не услышал?! Иисус вскочил с тахты и, шлепая по полу босыми ногами, побежал в кухню.

— Мама!

— Встал, сынок? — Мария повернула к нему голову, повязанную черным платком. — Почему ты босой? Я же поставила у постели обувь.

— Где Иосиф? — Иисус всегда называл Иосифа по имени, что, разумеется, не нравилось Марии, но она все никак не могла собраться с духом и поправить его.

— В подвале, складывает свои инструменты.

— Почему не разбудил меня?

— Он пожалел тебя, ты так сладко спал. Ты, верно, голоден? Я испекла медовые булочки, соседка принесла молока. Я его сейчас вскипячу, а ты пока пойдешь умойся.

Глава четырнадцатая

В священную субботу Иосиф с семьей, празднично одетые, вместе с остальными назаретянами отправились в синагогу. Они истосковались по родной святыне, вдали от которой провели столько безрадостных лет. Иисус, с ног до головы в белом, завернутый в белое же покрывало, шел впереди родителей. Сияющее солнце, выглянувшее из-за пустынных гор, пронизывало лучами утопающий в зелени Назарет, расположившийся на одном из склонов, и, казалось, Иисус не ступает по земле, а, подхваченный лучами, поддерживаемый золотой паутиной, парит над нею.

Мальчик сразу же привлек к себе внимание молящихся и раввинов. Несмотря на свои малые года, он

свободно читал Тору, извлекал из прочитанного основную мысль и объяснял ее другим.

— Господь Иакова, дай ему здоровья и силы для утешения несчастного народа и возвеличивания Бога! — молились изумленные женщины в платках, услышавшие рассуждения юного отрока. — Кто это, люди? Нет, это не простое дитя, Отец Небесный наградил его божественным даром и разумом!

«Отец Небесный!» Слова эти глубоко засели в сердце Иисуса. Был в них для него некий таинственный смысл. Ребенок чувствовал и день ото дня убеждался, что святыя книги, к мудрости и благодати которых он приобщился еще в Египте, содержали в себе намного больше, нежели раввины могли извлечь из них. «Свет разума недоступен им, — думал он про себя, — они видят только то, что, как жир, плавает на поверхности, для проникновения вглубь, видимо, действительно нужен божественный дар и истинная вера!».

Получалось, служители храма, люди в высшей степени благочестивые, с исключительной точностью исполнявшие все обряды и каноны веры, не были истинно верующими. Вера их была такой же поверхностной и слабой, как и умение понять и объяснить прочитанную в священных книгах мысль?!

Материнское чутье не раз подсказывало Марии, что сына ее что-то гложет, и она как-то спросила Иисуса, когда он по обыкновению ворочался в постели, слясь уснуть:

— Все не спишь?

— Не могу уснуть, думаю.

— О чем ты думаешь, кровинка моя, ты же еще не дорос до дум и бессонных ночей! Что тебя беспокоит?

— Я думаю, где сейчас дед Иоаким?

— Родной ты мой! Жаль, что ты ни разу не видел и не запомнил его лица!

— Я и так его помню, хочешь скажу, какой он был?

— Засни, не надо об этом сейчас.

— Почему дедушка и бабушка не уехали с нами?

— Куда, сынок?

— В Египет, туда, где мы жили.

— Нам пришлось уехать неожиданно, сынок. Нас преследовал враг. Всех грудных младенцев, а ты был

тогда грудным, отнимали у матерей и убивали, особенно мальчиков. О, не напоминай мне об этом! Если бы ты знал, сколько невинных младенцев было убито, сколько матерей стало страдальцами! Мы с отцом решили бежать и укрыться за Нилом. Там, в другом государстве враг нас не достал бы. Нас спас Господь, мы ушли от преследователей и избежали опасности.

— Где он сейчас?

— Кто?

— Враг!

— Бог принял его грешную душу. Он отошел в мир иной. И причинить вреда уже никому не может.

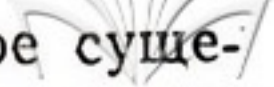
— И дедушкина душа тоже там? А если враг вместо нас начнет мстить там дедушке?

— Души не сводят счеты друг с другом и не вредят друг другу. Они живут в царстве Божьем, и все их добрые и злые дела остаются здесь, в этом мире. А сейчас засни, родимый. Петухи уже прокричали, а мы с тобой все бодрствуем. Иосиф вот-вот встанет.

Как и подобало исправному трудяге, Иосиф поднимался ни свет ни заря. Одевшись, на цыпочках выходил в кухню, съедал приготовленный накануне Марией завтрак, запивал его холодной водой и уходил на работу. Как и прежде, когда он еще не был женат и жил с тетушкой, недостатка в клиентах не было. Поглядеть на построенные им дома и кое-что перенять у него приходили люди с разных концов страны. Они воздавали хвалу его благословенным рукам. «Золотые руки», — говорили о нем и старые и малые.

Прохожие любовно провожали глазами маленького Иисуса, которого Мария брала обычно с собой, когда несла мужу обед. Поставив корзину, покрытую чистым платком, на землю, они садились в тени вновь возведенной стены и, помолившись, принимались за еду.

Со временем, когда Иисус настолько подрос, что мог сам справиться с тяжелой ношей, Мария отсылала к отцу его одного. Иисус накрывал для Иосифа и его сподручников импровизированный стол, бегом приносил холодной воды из колодца и только тогда приглашал их спуститься с лесов. Иосиф и его помощники со счастливыми улыбками усаживались на земле и благоговейно возносили молитву, как если бы перед ними сидело Божество.

Иисус и в самом деле походил на неземное существо. В его больших чистых глазах, постоянно возведенных горе, отражалась синева небес. На нежный розовато-белый лоб ниспадали мягкие светлые локоны. Между коралловыми губами сверкало два ряда крепких зубов. Он был тонок, даже хрупок, но внимательный взгляд заметил бы в нем некую внутреннюю силу, так что невольно возникала мысль: это посланное небесами существо, оно сложило до поры свои ангельские крылья и зажигает в душе каждого, кто общается с ним, священный светильник милосердия.

— Иосиф, — говаривали мастеру его сподручники, — отдай малого раввинам, пусть они его воспитывают. Здесь ему не место, он должен стоять перед жертвенником и служить Господу.

— Мал еще, жаль парнишку, — возражали другие, — ну что ему делать в храме? Хорошо, если хоть десять заповедей уразумеет.

— Что ты мелешь?! Он не только десять заповедей знает наизусть, но и Рождение, и Пятикнижие Торы. Какой пророк что где сказал — ты только спроси — выпалит единым духом. Все только диву даются. И в один голос утверждают, что он не просто сын человеческий, он наделен высшим даром и надо ждать чудес от него.

Толки, переполнявшие город, в самое сердце кололи священнослужителей. Они невзлюбили Иисуса с первого взгляда, затаили в душе злобу на него, но тщательно скрывали это, улыбаясь ему в лицо и не скупясь на ласки.

Иисус чувствовал себя в синагоге, как в родном доме. Раввинов ни во что не ставил, службу их браковал. Обвиняя их в корысти, в недостаточно крепкой вере во Всевышнего, он на каждом шагу уличал их в незнании священных книг, утверждал, что они фальсифицируют иудейскую веру, тем самым покушался на авторитет уважаемых всеми священнослужителей.

Хотя чаша терпения, казалось, была уже переполнена, раввины и учителя закона поначалу делали вид, будто ничего не происходит, но, убедившись, что неслыханные обвинения в их адрес с каждым днем принимают все более кощунственный характер, были вынуждены устроить публичный диспут, дабы проучить отрока и осрамить его в глазах толпы. Однако начитанность

Иисуса, его безукоризненная память, способность последовательно, логически мыслить и делать истинно правильные выводы заранее обрекли это предприятие на провал

Священнослужители и учителя веры, кормившиеся своей службой, оказались в ужасном положении и стали искать иные пути и средства избавления от назойливого отрока и восстановления своего поруганного достоинства.

Все это немало тревожило Марию. Ко времени первого публичного диспута Иисуса, когда восторженная толпа верующих на руках принесла его домой, Мария была в трауре — умерла Анна, она еще и сороковин по ней не справила. Никто не знал, что могло произойти завтра или послезавтра, не прекрати Иисус восстанавливать против себя злопамятных раввинов. Привыкшие к почету и уважению, они не сдали бы легко своих позиций, позабыв о чести и совести, могли навлечь на юного и неопытного Иисуса массу неприятностей. Хотя в жилах его текла кровь далекого предка, царя Давида, он был всего лишь сыном простых родителей, и ему трудно было бы противостоять сильным мира сего. Марии и Иосифу ничего не оставалось, как пасть в ноги сыну и умолять его не связываться с раввинами, в противном случае им пришлось бы уехать из этих мест, ибо в ярости назаретские раввины представляли не меньшую опасность, нежели кровопийца Ирод, и были способны на любое зло.

Глава пятнадцатая

С момента возвращения на родину года не прошло, чтобы семейство Иосифа, к тому времени пополнившееся, в праздник Пасхи не посетило Иерусалим и не преклонило колени перед жертвенником в его храме.

Древнейший иудейский праздник Пасхи привлекал к себе внимание и соседних языческих племен. В Пасхальную неделю они также устремлялись в Иерусалим, в течение семи дней на празднично убранных столичных улицах толкся разноязыкий народ — не только иудеи со всех концов Израиля, но и иноплеменный люд:

римляне и греки, сирийцы и египтяне, фригийцы и кападокийцы, ассирийцы и памфилийцы.

Семейство Иосифа, оставшись после Пасхи еще на два дня в Иерусалиме, наконец стало собираться домой. Был йом шлиши, или вторник по римскому календарю. В устланной паласом повозке Иосифа, кроме Марии, находились ее сестры и невестка, которые вместе с ней прибыли на праздник Пасхи и теперь, очищенные от греха и безмерно счастливые, возвращались домой. Из передней повозки, куда набились дети, доносились гомон и крики, переполнявшие материнские сердца умиротворенной радостью.

На ночь женщины и дети, укрывшись паласами, оставались в повозках, мужчины распрягали быков, разводили костры и в разговорах коротали время. С рассветом быков снова запрягали, и караван трогался в путь, оставляя за собой облако пыли.

Позади оставалась выжженная жарким солнцем Иудея, голые серые холмы и высохшие, жаждущие влаги ущелья.

На окраине небольшого галилейского села караван остановился. Здесь в тени пальм, у колодца, решили отдохнуть и утолить жажду. Начали выпрягать быков. Детям это только и надо было. Они попрыгали с повозок и опрометью бросились к колодцу, где уже толпились люди с бадьями, до краев полными водой. Они уже утолили жажду и теперь спешили с водой каждый к своей повозке. На рев быков никто не обращал внимания. Песок с жадностью, как будто тоже мучимый жаждой, поглощал разливаемую воду, и невозможно было без сожаления смотреть, как драгоценная жидкость бесследно исчезала на нем.

— Иосиф, а где Иисус, он с тобой? — спросила Мария мужа, когда тот подошел к повозке с полной воды бадьей.

— Иисус? — Иосиф пожал плечами и оглянулся, — я думал, он здесь.

— О, горе мне, где же мой ребенок?

— Ну бегаёт где-нибудь здесь, сейчас я его приведу!

— Скорее, как бы с ним чего не случилось!

— Не волнуйся, здесь столько народу, — не потеряется, а потеряется — найдется.

Женщины наполнили сосуды колодезной водой и вернули Иосифу пустую бадью. Прежде чем отправиться на поиски Иисуса, Иосиф решил напоить быков, настолько он был уверен, что мальчик где-то здесь поблизости. Придя к колодцу и убедившись, что придется ждать слишком долго, чтобы еще раз наполнить бадью водой, он решил сперва найти Иисуса. Караван был длинный, повозки тянулись далеко вперед. Иисус мог оказаться в любой из них, но уже через минут двадцать Иосиф понял, что надежда его тщетна, и предпочел вернуться к своим — возможно, Иисус уже нашелся, и Мария теперь ищет его самого.

— Ну что, Иосиф, нашел? — крикнула Мария, как только увидела идущего к повозке Иосифа.

У Иосифа перехватило дыхание — он испытал нечто вроде страха.

— Не надо так нервничать, Мария, — деланно бодрым голосом ответил он, — здесь вокруг все наши, из Назарета, родственники и соседи. Кто-то, видимо, взял его к себе в повозку. Успокойся! Сейчас я его к тебе приведу!

Женщины окружили Марию, принялись утешать, уговаривать не ходить с Иосифом, подняться обратно в повозку.

А Иосиф, сунув под мышку кнутовище, скорым шагом пошел по дороге, по которой они только что прошли. Назаретяне же взобрались в свои повозки и готовы были двинуться в путь.

— Куда ты, Иосиф? Что-нибудь случилось?

— Иисуса не видели? Пропал малый куда-то...

— Иисус? Пропал? Куда он мог деться? С ребятами, верно, в одной из повозок. Разве можно здесь потеряться?

Иосиф махнул рукой и продолжил путь. Караван между тем медленно тронулся с места. Повозка следовала за повозкой, лошадь — за лошастью, осел — за ослом. Дорога была забита людьми, но никто не видел Иисуса, никому он не попадался на глаза. Не прошел Иосиф и двух стадий, как его нагнала Мария. Она не усидела в арбе, вырвалась из рук сестер и невестки и бросилась за мужем. Мария не скрывала своего отчаяния, и это напугало Иосифа.

— Я же просил тебя остаться, — сдержанно упрек-

пул он ее, — помочь ты мне ничем не сможешь, а сколько придется идти пешком — неизвестно.

— Как ты думаешь, Иосиф, мы найдем его?

— Пусть наших врагов оставит Всевышний без надежды.

— Горе мне, сынок! Кто знает, какая опасность тебе грозит, а мы ничем не можем помочь!

Две ночи они провели под открытым небом, на третий день миновали Иерихон и поздно вечером подошли к окрестностям Иерусалима. Расспрашивая прохожих о мальчике, вошли в город. Какой-то старик вспомнил, что видел такого мальчика, каким описывали его Иосиф и Мария, часа два или три назад в большом храме. Мальчик сидел среди книжников и что-то объяснял стоящим перед ним людям.

— Иисус! — вскрикнула Мария и, хотя она едва держалась на ногах, прибавила шагу и пошла впереди Иосифа.

Они нашли мальчика в храме на том же месте, где два или три часа назад видел его сострадательный старик. В окружении служителей и толпы верующих мальчик сыпал вопросами, которые выдавали его глубокое знание книг Завета и Торы. Священнослужители были поражены, они никогда не встречали десяти-двенадцатилетнего отрока, наделенного свыше такой мудростью. Иисус весь был во власти высших чувств. От него исходило дивное сияние, он, казалось, никого и ничего не замечал. Не заметил и отца с матерью, которые, раздвинув восторженную толпу, приблизились к нему.

— Иисус, сынок! — вырвалось у Марии. Увидев сына живым и невредимым, она почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, но Иосиф вовремя поддержал ее. — Что ты сделал с нами? Я и бедный твой отец третий день с великой скорбью ищем тебя, всю Иудею пешком исходили, а ты сидишь себе тут и даже не помнишь о нас.

Иисус с безмятежным лицом смотрел на мать.

— Зачем было искать меня? — вдруг спросил он. — Разве вы не знали, что мне надобно быть здесь, в доме отца моего?

Мария схватилась за голову. В словах сына ей

почудилось дурное предзнаменование.
мысль, что у него помрачился рассудок.

Мелькнула

ფაჩვეზაი

ზიგაორიფი

— Горе мне, сынок, Иисус! Помилуй, что ты говоришь? Уж не сглазили ли тебя, или злой дух в тебя вселился?

— Я уже сказал, мама. Идите своей дорогой, позаботьтесь о детях, семье.

— Иисус, не говори так с матерью! — потерявший было дар речи Иосиф наконец пришел в себя и впервые в жизни одернул упрямого отрока. — Чем мы заслужили такое отношение? Может быть, тем, что любим, боготворим, не можем нарадоваться на тебя?! Пошли домой, если не хочешь, чтоб твоя мать умерла здесь, у твоих ног!

Иисус бросил быстрый взгляд на Иосифа — никогда он не видел его таким разгневанным и грозным. Ничего не сказав, он опустил голову и покорно направился к выходу.

Продолжение следует

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Рассказы

Куда уходит любовь?

Меня почему-то потянуло туда. К маленькому, тесному переулку, сдавленному двумя ветхими, неуклюжими зданиями, в одном из которых размещалась поликлиника, а в другом — забегаловка. Запахи прокисшего пива, дешевых сигарет перемешивались со специфическим запахом поликлиники, вызывая непонятное смятение перед подобным соседством. И радость от предвкушения встречи меркла каждый раз, как только я подходила к этому месту.

Мы прошли через крохотную кухню-прихожую и оказались в маленькой, уютной комнатке, половину которой занимала широкая тахта. В углу стоял низкий столик, рядом — два глубоких кресла, с потолка свисал почти до пола замысловатый абажур, пол покрывал мягкий пестрый ковер, на стене висело зеркало под старину, на единственном окне — тяжелый занавес. Я пришла в восторг от квартиры, хотя понимала, что это кто-то из друзей в очередной раз уступил нам свою «берлогу»...

— Нравится? — хрипло спросил он, когда я, стоя у зеркала, причесывалась перед уходом.

— Какое это имеет значение? Все равно завтра окажемся в другом месте... — равнодушно протянула я.

— Да, да, конечно же... — в тон мне ответил он, и, как бы поторапливая, слегка подтолкнул меня к выходу, одновременно выключив свет.

Так мы уходили всегда. Как бы до этого мы страстно ни любили друг друга, уходя, он замыкался в себе и явно торопился побыстрее со мною расстаться, оставляя в моей душе саднящий, неприятный осадок и горечь. Это было как бы напоминанием о том, что дома его ждут законная супруга и любимые дети, а

меня — темная, мрачная комната и одряхлевшая крохотная болонка Долли, которой от старости уже было лень даже лаять.

В машине он сунул мне в руку что-то металлическое.

— Что это?! — очнулась я от горьких мыслей.

— Ключи!

— Что за ключи?

— От нашей комнаты.

«Сколько же я ждала этого дня! Только теперь, кажется, мне это уже безразлично...» — в хаосе беспорядочных мыслей мгновенно промелькнула одна и тут же погасла.

— Спасибо, милый! — несколько наигранно воскликнула я и чмокнула его в щеку.

И все же не зря мечтала я все это время о нашем «шалаше», нашем убежище. Встречаться мы стали, правда, не каждый день, но довольно часто. Иногда могли принимать у себя и близких друзей. Такими счастливыми мы не были с ним никогда. Он с удовольствием выполнял роль хозяина, а мне доставляло наслаждение повиноваться малейшим его прихотям.

Несколько притупились терзающие меня сомнения, я немного успокоилась.

Хоть и появилась у нас своя комната, но праздники и день его рождения мы опять отмечали врозь. Эти дни всецело принадлежали его семье, и я не позволяла себе высказывать ему претензии по этому поводу, тем более, он уже говорил, что не желает семейных сцен, не хочет травмировать детей и двойную жизнь предпочитает открытому конфликту с матерью своих детей.

В общем, мне ничего не светило. Я безвольно плыла по течению, всецело отдавшись своей любви и провидению.

Несколько раз в месяц я ненадолго становилась его «полновластной хозяйкой», а остальные дни выла от одиночества и отчаяния.

Каждый раз я думала, что не вынесу всего этого и в конце концов поставлю вопрос ребром: «До каких же пор это будет продолжаться?!». Но появлялся он, самоуверенный, властный, ласково целовал в глаза, и я совершенно забывала о своих истериках и

опять млела от любви и счастья. И болтала, болтала, болтала, словно боясь упустить что-то важное.

А он жил своей жизнью, не позволяя мне во что-либо вмешиваться и о чем-либо расспрашивать.

Не помню где, но, кажется, в энциклопедии молодой женщины я прочитала что-то вроде того, что слово «любовница» имеет уничижительный оттенок и что особенно жалки в этой роли незамужние девушки, влюбленные в женатых мужчин... А ведь я и не считала себя любовницей.

Со мной что-то стало происходить... Я стала все придирчивей за ним наблюдать и приходила в ярость от его манипуляций перед уходом. Он внимательно разглядывал в зеркале свою шею — нет ли на ней следов от моих поцелуев. Старательно отряхивал рубашку, чтобы на ней не осталось ненароком моего волоса. В эти минуты передо мной стоял совершенно чужой мужчина... Теперь я стала замечать, что он упорно уклонялся от моего прощального поцелуя. Конечно же, я прекрасно все понимала, ненавидела себя и все-таки не могла ничего с собой поделать. Оставалось только ждать того дня, когда он сам скажет, что между нами все кончено и он возвращается в лоно семьи (от которой и не думал уходить)...

В тот день с утра шел снег, и у меня было паршивое настроение. Ненавижу снег, и мне трудно представить, как люди переносят длинную зиму, я бы, наверное, сошла с ума, если бы по полгода смотрела на снег. В общем, соответственно погоде, у меня было и настроение. Я бесцельно слонялась по квартире, не имея ни сил, ни желания чем-либо заняться. Под вечер позвонил он и весело предложил «отметить» первый снег. Отправились на Мтацминда. Он, как бы не замечая моего настроения, дурачился всю дорогу, рассказывал анекдоты, сыпал шутками, забавляясь моим недовольством.

— Интересно, что ты будешь делать, когда меня не будет? — с улыбкой спросила я.

— А ты что, помирать собралась?

— Нет, почему же умирать... Просто мы не будем вместе!

Наступила пауза. Через некоторое время он еле слышно выдавил:

— Ты всегда будешь со мной...

И вдруг резко затормозил.

— Я сейчас слеплю тебе такого деда-мороза, что ты запомнишь меня на всю жизнь!

— А что, в этом уже появилась необходимость? — с наигранным смехом спросила я.

Снеговик получился на славу. Правда, лепили мы его вдвоем, затем он насильно стащил с меня полушубок и шаль и накинул на снеговика.

— Но ведь это не дед, а баба! Ты не выполнил своего обещания! — закапризничала я.

— Неважно, зато надолго его запомнишь!

От свежего воздуха, возни в снегу мы здорово проголодались и направились в ресторан. Когда мы оживленно входили в зал, он вдруг резко остановился, больно сжал мой локоть и отрывисто бросил:

— Выходи! Быстро! Мой тесть! Я догоню!..

Я шла, словно в тумане. К счастью, какая-то парочка высаживалась из такси около ресторана. Я бесильно упала на заднее сиденье и механически назвала адрес. Попросив водителя подождать, торопливо открыла дверь, кое-как собрала свои вещи, оставила ключ на столе и, не выключив свет, стремительно выбежала на улицу.

...А теперь я вновь вернулась сюда. К этому маленькому, тесному переулку, сдавленному двумя ветхими, неуклюжими зданиями.

Передо мной раскинулась большая строительная площадка... Здание снесли, переулк тоже не было... Может, и со мной ничего не было...

Влюбленная

Я думала, что все уже позади. Что это было только очередным увлечением, очередным бредом. Я часто увлекалась и так же быстро остывала, быстрее, чем можно было ожидать...

И все же эта встреча была нежелательной. Я увидела его из окна автобуса. Он увлеченно разговаривал с какой-то девушкой. Мне захотелось выскочить на первой же остановке, «нечаянно» встретиться и хотя

бы еще раз заглянуть в его удивительно ласковые глаза. К горлу подступил предательский ком.

Я никогда не разглядываю людей ни в транспорте, ни на улице. Знакомые часто обижаются на меня, думают, что я делаю вид, будто не замечаю их. А я вот не понимаю, почему я должна всех видеть. Многие считают, что в метро невозможно не разглядывать сидящих напротив людей. Зачем мне их разглядывать, когда можно просто не замечать.

Однажды поздней осенью я изменила своей привычке. Автобус медленно катил по набережной, когда я неожиданно поймала себя на мысли, что пристально смотрю на одного парня. Парень как парень, ничего особенного в нем не было, разве что сразу могла броситься в глаза свойственная не многим мужчинам подчеркнутая аккуратность. Я не таясь разглядывала его, благо он был погружен в свои мысли и ни на кого не обращал внимания. Вдруг он улыбнулся чему-то, и меня поразило выражение его глаз. Густого медового цвета, они, кажется, излучали самую нежность.

По всей видимости, мы жили в одном микрорайоне и, возможно, на одной улице, хотя встречались только в транспорте. Стоило мне выйти из дому чуть позже, как этот день был для меня потерян. Я не встречала его и ходила сама не своя.

У меня уже вошло в привычку озираться в транспорте и на улице, искать его взглядом. Я попыталась представить его в повседневной жизни, выбрала ему профессию. И была уверена, что не ошибаюсь. Но с каждым днем я с ужасом чувствовала, как он стал занимать важное место в моей жизни. Как одержимая, я искала мимолетных встреч с ним и ничего не могла с собой поделать.

Однажды я в смятении обнаружила, что меня наконец заметили и незаметно разглядывают. Потом я стала замечать, что он тоже стал искать меня в транспорте и, увидев, улыбнувшись глазами, старался больше не смотреть в мою сторону. Но я довольствовалась этим, чтобы потом весь день испытывать неизъяснимое блаженство. Ожидание какого-то потрясающего счастья ни на минуту не оставляло меня. Но я ведь ничего не знала о незнакомце и тем не менее с ума схо-

дила от каждого его мимолетного взгляда. Кажется, я была влюблена, влюблена безумно и вынашивала это безумство в себе, не смея с кем-нибудь поделиться из боязни быть непонятой. Так не могло долго продолжаться, и я полушутя-полусерьезно рассказала о своем «автобусном романе» подруге. К моему удивлению, она восприняла все спокойно: — Ну прямо как в фильме «Влюбленные». — Не знаю, не смотрела этот фильм. — Не может быть. Просто не помнишь названия, Роберт Де Ниро и Мерил Стрип играют. Фильм просто потрясающий.

Мы уже не таясь встречались взглядами. Он обдавал меня теплом своих удивительно ласковых нежных глаз густого медового цвета, а я была готова умереть от счастья. Все это время я жила в двух мирах: один — мой обычный, с привычным кругом друзей и близких, с работой, с проблемами, а другой — наш, только мой и моего незнакомца.

Конечно же, я могла узнать о нем все, мир тесен и при желании можно было бы отыскать даже общих знакомых. Но я не торопилась этого делать, возможно, из боязни разрушить мною же возведенную башню из слоновой кости. Именно ореол таинственности позволил мне испытывать такие непонятные, пугающие и одновременно притягательные чувства.

Шло время. Непонятная любовь изводила меня, доставляла одновременно и страдания и какое-то неземное наслаждение. Я ни о чем не хотела думать, просто плыла по течению с сознанием того, что рано или поздно меня должно прибить к берегу. Нужно было как-то избавиться от этого наваждения, как-то успокоиться, взять себя в руки. Необходимо было что-то предпринять, потому что моя жизнь стала невыносимой. Я уже начинала бредить, его глаза преследовали меня и днем и ночью.

Наконец я решилась с ним познакомиться, заговорить первой. Что тут такого, тем более, что между нами уже протянулась невидимая нить. Но случилось самое страшное — он пропал. Исчез. Так прошло целое лето. Я никуда не уезжала. Я просто не смогла бы уехать, не увидев его хотя бы раз. А его нигде не было.

Я медленно умираю.

Умирала от любви и тоски. И только надежда на встречу как-то поддерживала меня. Но его не было. Не было нигде. Я уже решила, что он обменял квартиру на более престижный район, и от мысли, что я его больше никогда не увижу, мне не хотелось жить.

Так прошел и сентябрь. Я жила словно во сне, никого не хотела видеть, сторонилась друзей. Из депрессии меня могли вывести только его глаза густого медового цвета. Глаза, которых нигде не было...

Я шла к остановке, по привычке ни на кого не глядя, как вдруг сердце предательски сорвалось с места и стремительно покатило вниз. От неожиданности я остановилась и схватилась за грудь. Навстречу шел мой незнакомец, обдавая меня ласковым взглядом своих глаз. Перед собой он катил коляску...

Трусиха

Посвящается Кэти и Нуке

Вообще я ужасная трусиха и не пытаюсь этого скрывать. Я уже привыкла к тому, что стала предметом насмешек домашних, и даже мои дети время от времени проводят мне «сеансы страха».

Боюсь я всего: темной комнаты, лифта, высоты, собак, в общем, всего не перечислишь. За всю свою жизнь я ни разу не посмотрела ни одного фильма ужасов, опасаясь, что после такого фильма попаду в психушку. Да что там фильм ужасов, если после фильма «Окно в спальне» я три месяца не могла спокойно подходить к лифту. Нажав на кнопку вызова, я мгновенно прижималась спиной к стене, так мне было удобнее наблюдать за площадкой, теперь никто не смог бы подойти ко мне незамеченным.

Потом я стала бояться пуль. Стоило мне в каком-нибудь переулке заметить бородатого типа, как у меня подкашивались ноги, и я слышала свист пули возле своего уха. Почти полгода я ходила, ощущая себя ходячей мишенью, и ничего не могла с собой поделать. Муж уже всерьез собирался отвести меня к психиатру, но, слава Богу, обошлось...

Знакомые подтрунивали надо мной: — А если

кто-нибудь на самом деле к тебе прицепится? — Умру, — вполне серьезно отвечала я.

Я не рассказала о всех своих страхах, это ни к чему. Думаю, вы уже смогли себе представить, какая я трусиха.

Правда, сейчас мне уже легче, и я не чувствую себя так одиноко. Сейчас, кажется, боится весь город. После шести часов людей на улицах и не видно. Но сколько ни трясись, а жизнь есть жизнь. Давно мы с детьми никуда не ходили, и я решила повести их на концерт в филармонию, договорившись с мужем, что он к семи приедет за нами. Видимо, в связи с тяжелым энергетическим положением, учитывая, что зрителям нужно как-то добираться домой, концерт закончился раньше времени. Я решила, что ждать мужа не имеет смысла, и мы с детьми пошли пешком, благо жили недалеко от филармонии...

Вечер был удивительно теплый и спокойный. И людей для этого часа было на улицах не мало. В общем, все было, как в старые добрые времена.

И вдруг я почувствовала, что меня охватил страх. Я крепче схватила детей за руки и потащила за собой, время от времени оглядываясь назад. За нами шла пожилая чета и несколько ребят, не внушавших никаких опасений.

Но меня гнал страх, я должна была побыстрее попасть домой, чтобы успокоиться. На нашей улице было безлюдно, я торопливо волокла за собой детей, позади раздавались чьи-то шаги. Оглядываться я уже не решалась, по горькому опыту зная, что в таких случаях пугаюсь еще сильнее.

У подъезда я облегченно перевела дух и собралась нажать на звонок, как вдруг кто-то больно схватил меня за руку.

— Бабу... — закричала Нука, но ребенку зажали рот. Мы с детьми стояли в окружении ребят, которые несколько минут назад, непринужденно беседуя, следовали за нами.

Я обалдело уставилась на них.

— Вы что?!

— Ничего. Раздевайся.

— Что-о?!

— Снимай дубленку!

ЭРМЭЭН
ЭНЭЭНЭЭЭЭЭ

И какой-то предмет уперся мне в живот.

— А это еще что?

— Нож... — поднесли к моему носу, что-то блестящее.

— А если не сниму, тогда что?

— Проткнем тебя вместе с твоими гаденьшами...

Я взглянула на детей и стала раздеваться, один из парней галантно помог мне, и они моментально исчезли.

В это время из-за угла появилась машина, я бросилась чуть ли не под колеса, и водителю пришлось остановиться. Я торопливо впихнула детей в машину и крикнула водителю, чтобы он побыстрее ехал в том направлении, куда пошли парни. Водитель так ничего и не понял, но молча сорвал машину с места. Вдруг я истерически крикнула: Остановите! — и водитель от неожиданности чуть не врезался в урну.

На центральной улице было многолюдно, а в самом освещенном месте, около универмага я увидела тех самых ребят, не внушавших никакого опасения. Один из них вышагивал в моей дубленке.

Не помня себя, я выскочила из машины.

— Подонок, отдай мою дубленку!

Прохожие удивленно оборачивались. Грабители застыли как громом пораженные.

— Ублюдок, снимай сейчас же, а то не знаю что я с тобой сделаю! — кричала я в исступлении.

Он начал торопливо расстегивать непослушными пальцами пуговицы, потом кое-как содрал с себя дубленку, бросил на асфальт. «На, подавись!» — и кинулся бежать вслед за своими дружками.

Я отряхнула свою дубленку, накинула ее на себя и, не обращая внимания на обалдевших прохожих, пошла к машине, с ужасом чувствуя, что меня вновь охватил страх.

Манекен

— Ой, убили!!! На помощь!

По коридору сломя голову неслась Медея.

— Где?!

— Кого убили?!

— Женщину. Там. Около лифта!

— Не может быть...

Мы побежали за ней по коридору, но Медея рвалась не к лифту.

— Нам, кажется, не туда, — попыталась я возразить.

— Там из окна все видно, — выпалила она.

В коридоре у окна толпились сотрудники учреждений, разместившихся на нашем этаже. Медея вцепилась в мою руку и стала энергично подталкивать к окну.

— Вон, смотри!

— Где?

— Вон же, в подвале, около лифта.

Я оцепенела от ужаса. До этого мне никогда не доводилось вот так, прямо на улице, видеть труп. Убийца, видимо, второпях даже не удосужился затащить несчастную в глубь подвала. Труп распластался прямо у входа в подвал, руки и ноги неестественно раскинуты, видимо, женщина умирала в страшных, нечеловеческих муках. Она была одета во что-то красное, и поэтому отсюда, с высоты четвертого этажа, невозможно было различить следов крови.

— Что же это такое творится! — причитала мне в ухо какая-то толстая женщина.

— Сволочи, убивают людей, как тараканов.

— Все с оружием ходят. Чего уж удивляться?

— Полицию нужно вызвать!

— Во дворе же люди живут, неужели они не слышали криков?!

— Может, ее уже убитую подбросили туда?

— Я к этому лифту и на пушечный выстрел не подойду!

— Да уж. Лучше пешком подниматься.

— Вызывайте полицию. А я спущусь туда, — наконец-то нашелся какой-то смельчак.

— Без милиции нельзя ее трогать!

— Да я и не собираюсь! Просто до каких пор мы будем глазеть сверху на эту несчастную!

— Я тоже с вами! — вызвался еще какой-то мужчина.

Кто-то побежал звонить в милицию. Мы затаив дыхание наблюдали за мужчинами, которые прибли-

жались к труп. Один из них стремительно наклонился и легко подхватил труп на руки.

— Безобразие! Сказали же, без милиции не трогать! — вскипятилась моя толстая соседка.

Раздался гомерический хохот.

— О, Господи! Свихнулся несчастный! — со вздохом произнес кто-то.

Мужчина поднял труп высоко над головой и потряс им.

— Люди... — давясь от смеха, выкрикивал он, — это... это манекен!..

На некоторое время нас как будто парализовало, а потом раздался нервный истерический хохот, кто-то всхлипывал, кто-то стонал, кто-то согнулся от приступа смеха и не мог разогнуться.

А в милицию мы так и не дозвонились...

Заколка

«Бегу на смерть, как зверь на ловца...»

Инна Лиснянская

Куда-то запропастилась заколка. Пришлось перевернуть всю квартиру и даже перетряхнуть кухонные шкафчики. «Черт возьми! Куда она могла подеваться! Ведь не сквозь землю же провалилась!..» — бесилась она, ожесточенно выдвигая ящики.

«Этот кран меня вконец доконает! Когда же придет сантехник?.. Нет, я чокнусь, если не найду эту чертову заколку!..»

Никакой ценности заколка не представляла, это был его последний подарок, привезенный из Индии года полтора назад. Тогда в моде были короткие стрижки, но, получив подарок, она поняла, что ему не хочется, чтобы она расставалась со своими роскошными волосами. Они всегда понимали друг друга и уступали во всем. Почему-то всегда ощущала себя рядом с ним ребенком, может, поэтому и не стремилась заводить детей. Нет, беременности не прерывала, просто не беременела, а к гинекологам не обращалась. Только недавно спохватилась, да сказали, что уже поздно... С девичества испытывала какое-то странное отношение

к беременным, их отрешенно-счастливые лица казались глупыми и вызывали глухое раздражение, и тем не менее в последнее время иногда, подложив под рубашку подушку, разглядывала себя в зеркале, прикидывая, как бы она выглядела.

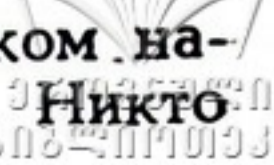
Чужих детей любила, соседские дети не давали проходу, а на улице могла приласкать даже самого чужеземного ребенка. Всегда представляла, что ее ребенок должен быть каким-то особенным, не похожим на других... Поздно спохватилась... Решила было взять на воспитание, но он заупрямился, настаивать не стала. Она хотела всецело принадлежать только ему, и, казалось, ничто не в силах омрачить их отношения...

Телефон звонил в одно и то же время. «Доброжелательница» сдавленным голосом, несколько растягивая слова, сообщала об их местонахождении. Не хотелось верить, но запавшая в душу тревога разрасталась, лишала покоя.

Было до боли жаль себя. Он ни о чем не подозревал, а она мучительно старалась скрыть от него свои терзания, незаметно наблюдая за ним, пытаясь уловить в нем хоть малейшую перемену.

После очередного звонка не выдержала сводящей с ума глухой тоски, поехала за город, на дачу, где, по словам «доброжелательницы», они находились. Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, с силой нажала на звонок. Открыла и увидела как из гостиной метнулась к балкону чья-то тень. Он растерянно шагнул навстречу. Уши совершенно заложило, и где-то внутри черепа все нарастал непрерывный звон. Надо было что-то предпринять, но сначала необходимо хоть как-то подготовиться... Подготовиться к чему? Да такое не увидишь и в самом кошмарном сне... А еще не верила... Непонятно, каким образом передвигая ноги, прошла мимо него на балкон и вздрогнула от наглого, вызывающего взгляда девицы, стоявшей в чем мать родила. Отшатнулась, бросила непонятно кому «извините» и ринулась из этого ставшего жутким, чужим и враждебным дома...

По городу поползли сплетни. Она безучастно выслушивала сочувственные слова друзей. Замкнулась, ушла в себя, не опровергая ни одной сплетни. Было

решительно все равно, кто что скажет. Слишком на-
зойливым отрезала: «Он хочет иметь ребенка. Никто
не вправе ему мешать...»

Душа надрывалась от обрушившегося горя, разум не мог полностью осознать случившегося. Легче бы перенесла смерть, по крайней мере замкнулась бы в своей любви и горе, и никто бы из друзей не донимал бестактными расспросами и идиотскими советами.

Всегда боялась боли, боли любой — физической ли, душевной ли. Поэтому боялась даже допустить мысль о самоубийстве. А душа надрывалась...

Поддельное и неподдельное сочувствие совершенно выматывало, так что лучше было вести себя так, как будто ничего не произошло. Ходить в гости, принимать у себя. Ощущая всем своим существом, что вызывала этим какое-то раздражение у окружающих. В таких случаях многим доставляет непонятное удовольствие несчастный, раздавленный вид «жертвы».

Как ни в чем не бывало уехала на Пицунду, хотя первые дни никак не могла отогнать от себя тоску и безысходность, все время ждала его, забывая о случившемся. Но постепенно отвлеклась, усилием воли загнала поглубже боль. Море успокаивало. Балкон комнаты выходил прямо на море, то ласково рокотавшее, а то неистово гудящее, но одинаково успокаивающе действующее на застывшую от страданий душу. Восход солнца просыпала, зато закат провожала всегда то с балкона, то с пляжа. Сверху, с балкона, море кажется матовым, рыжий шар лениво скатывается в воду, не отбрасывая никаких отблесков, словно скупясь проложить зыбкий, золотистый мостик к берегу. Зато снизу, с пляжа, прямо от самого берега тянется к горизонту ослепительно сверкающая полоса, превращаясь после того, как привыкает к ней взгляд, в парчовую дорожку с розовато-сиреневым оттенком, а по мере того, как скатывается рыжий диск, по морю протягивается тусклая лиловая тропинка...

Понемногу ожила, стала замечать откровенные взгляды мужчин. Это, конечно же, тешило уязвленное самолюбие.

За одним столом сидели она, симпатичный молодой человек и пожилая чета. Каждое утро все вежливо раскланивались друг с другом, причем у молодого

человека получалось это на редкость надменно, что очень забавляло ее. «Мальчишка!» — снисходительно-ласково проносилось в мыслях.

Обнаружила, что «мальчишка» — сосед не только по столу, но и по пляжу. Он всегда появлялся в окружении шумной компании молодых людей. Не выдерживая слишком больших солнечных доз, раньше всех покидала пляж, поймав себя на мысли, что провожающие ее восхищенные взгляды друзей «мальчишки» доставляют удовольствие. А «мальчишка» держался холодно, чем порядком тешил.

Закончились сигареты. В близлежащих ларьках их не было. Кто-то посоветовал обратиться к бармену диско-бара, у которого можно было разжиться даже «фирмой».

Бармена на месте не оказалось. Присела там же на высокий стул у стойки.

— Шампанское со льдом или коктейль? — раздался чей-то голос, заставивший вздрогнуть от неожиданности. Обернулась и увидела перед собой «мальчишку». «Виски с содовой», — съязвила и сразу пожалела о сказанном, заметив растерянность на его лице. Вот откуда была его надменность. От излишней застенчивости.

Молодой человек стал верным, бессменным телохранителем. Их совместное появление вызывало все более осуждающие взгляды окружающих. Он был намного моложе ее, что заставляло как-то держать его на расстоянии, вызывая этим его бурный протест. На сердце стало полегче, ожидание того, что что-то должно произойти и довольно скоро, не вызывало ни малейшего внутреннего сопротивления. Чувствовала, что так хорошо не бывало, пожалуй, никогда. Только надо было преодолеть еще один барьер, который ни одному из них был еще не по плечу.

Прощальный ужин сопровождался обильным количеством шампанского. Хотелось забыться, напиться... Кто-то пригласил на танец, вопросительно взглянула на его побледневшее лицо и отказалась. Безудержно захотелось прижаться к нему, потащила его танцевать, чувствуя, что он неохотно повинуется. Обняла его за шею, он робко положил руки на талию, неторопливо привлекла его к себе. Его горячее, молодое

дыхание обжигало ухо, сводило с ума. Чувствовала, как он напрягся и с усилием сдерживал бьющую его дрожь. «Поцелуй меня в глаза...» — умоляюще шепнула и мгновенно почувствовала на веках осторожное прикосновение пылающих губ. Земля стала быстро уходить из-под ног...

Спросонья показалось, что все было жутким кошмаром, и они никогда не расставались... Пришла в себя от чужого мужского запаха. Память услужливо предоставила все последние кадры до мельчайших подробностей. Содрогнулась от омерзения к себе... Парень забормотал во сне, натянул на себя простыню и тихонько засопел... Бесшумно выскользнула из постели и, едва сдерживая подступившую к горлу рвоту, бросилась в ванную...

Окна были наглухо закрыты, жалюзи спущены. Подошла к плите, медленно открыла все конфорки, духовку. Села на свое излюбленное место в кухне, окинула ее хозяйским взглядом: «Все никак не дошли руки пришить к занавесям оборки, не достала красные кружева. Люстра что-то очень низко висит, надо бы немного поднять... И кран капает... Сантехник так и не пришел... А заколка так и не нашлась... Куда она запропастилась?..»

В дверь непрерывно звонили.

Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ

Установим мир в Абхазии, демократический порядок по всей Грузии

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕССИИ ПАРЛАМЕНТА ГРУЗИИ)

Уважаемые члены парламента! Дамы и господа!

Сегодняшнее мое выступление, — одно из первых выступлений в парламенте Республики Грузия в ранге Главы государства, как договорились, посвящается проблемам Абхазии. Думаю, все хорошо понимают причины и мотивы этого. Сегодня именно там, между Псоу и Ингури, решается судьба территориальной целостности суверенной Грузии. Именно там, в том регионе мира, который, если взглянуть на него в геополитическом ракурсе, называется границей между Европой и Азией, проходит водораздел между войной и миром, стабильностью и дестабилизацией на Кавказе.

Проблема настолько сложна, что не хочется назвать докладом документ, который я вам представляю. Для доклада Главы государства, по моему мнению, нужна более продолжительная, фундаментальная, аналитическая работа, а для исчерпывающего анализа вопроса — серьезное парламентское обсуждение. То, что я Вам представляю, является лишь базисным информационным материалом на эту тему, своего рода политическим монологом Главы государства, раздумьями вслух о накопившихся проблемах. Должен также сказать, что этот материал подготовлен не только мной, над ним работали и мои коллеги. Поэтому он опирается на определенный плюрализм политических мнений, является попыткой своего рода концентрированной передачи этого плюрализма. Каким бы многообразным ни был сегодня политический спектр, Абхазия одинаково беспокоит сегодня все партии, все политические организации. Это наша общая боль.

Проблема, которую мы обсуждаем сегодня, имеет и свой исторический генезис и современные причинно-следственные истоки.

Мы все знаем, что история наделила Грузию почетным и в то же время трагическим уделом прибежища многих гонимых превратностями судьбы этносов. Известно также, что Грузия никогда не захватывала ничьей земли и, за исключением завоевателей, никого не изгоняла из своих пределов. Сколько бы ни старались наши оппоненты, чтобы приписать грузинам чуждые нашим толерантной природе и характеру свойства, даже стремление изгнать с нашей исторической территории ту или иную этнографическую группу, они не смогут выдать белое за черное и добро — за зло. История не подтвердит этого. Именно поэтому наши оппоненты прибегают к намеренному искажению, фальсификации фактов, к политическим инсинуациям, к необъективной интерпретации событий, к клевете, демагогии и другим испытанным формам, но они все же бессильны перед общеизвестными историческими фактами и истиной.

Абхазские экстремисты, другие оппоненты, когда они ставят вопрос нарушения демографического баланса, преследования национальных меньшинств, много говорят об одной из трагических проблем истории Абхазии — массовом переселении народа, мухаджирстве, но в неверном контексте. Как известно, именно представители прогрессивной грузинской общественности возвышали голос еще во время царизма против политики притеснения национальных меньшинств. В XIX веке, во время мухаджирства десятки тысяч абхазов были лишены своих очагов, согнаны с насиженных мест и переселены на чужбину. Их, разумеется, изгнали не Грузия, не грузины. Тогда грузины, не имея своего государства, сами терпели национальное притеснение и гнет. Напротив, грузины защищали абхазов и тем самым отстаивали территориальную целостность и традиции исторической Грузии, поскольку образовавшийся в результате выселения абхазов «демографический вакуум» заполняли опасные для Грузии военные поселения. Поэтому здесь совпадали жизненные интересы грузинского и абхазского народов. Так было всегда, на протяжении всей истории обоих народов, но сепаратисты и экстремисты не желают видеть этого.

Грузины способствовали не только физическому выживанию абхазского народа, но и развитию его духовной культуры.

Как известно, абхазский алфавит был создан в XIX веке с помощью грузин, а грузинский алфавит — за много веков раньше. Это известно всему миру. Несмотря на это, в двадцатые годы нынешнего столетия один русский и один абхазский ученые «доказывали», что якобы грузины присвоили алфавит абхазов. Это не дилетантизм, а неслыханный цинизм. Так фальсифицируют историю, так хотят поссорить один народ с другим.

В действительности же рядом с основоположником созданной в двадцатом веке абхазской письменности и литературы стоял грузинский культуртрегер Константинэ. Это ведь известный факт.

Грузины издали в Тбилиси на абхазском языке первую книгу стихов Дмитрия Гулиа. Этой книгой была заложена основа абхазской литературы.

Великий Иванэ Джавахишвили пригласил Дмитрия Гулиа в Тбилисский университет, предложив ему написать курс истории Абхазии и прочесть лекции. Можно привести еще тысячу других примеров.

А многие абхазские экстремисты хотят отождествить лиц и природу нашего народа не с такими благородными деятелями, какими были просвещенные грузинские соотечественники Дмитрия Гулиа, истинные гуманисты, а только и только с отдельными представителями тоталитарного, злого диктаторского режима.

Но это ведь фальсификация и клевета. Мы никому не позволим действовать вопреки истине и логике. Я не стану перечислять здесь тех абхазов, которые противопоставляли и противопоставляют друг другу наши народы, пытаются добиться окончательного взаимного отчуждения грузин и абхазов.

Один великий историк говорил, что у истории злая память, она все помнит. Думаю, имена тех, кто сеет вражду, даже «злая память» истории должна забыть. Да, я не стану здесь перечислять их, но скажу, что они в наших глазах не олицетворяют абхазский народ.

Мы взяли в качестве ориентира иные научные критерии и нравственные ценности. Когда мы говорим об абхазском народе, нашими проводниками являются разум и добро, объективность и истина.

Не следует смешивать зло и добро, господа сепаратисты! На протяжении веков мы жили бок о бок, наша история,

литература, искусство, народная мудрость говорят о дружбе, а не о вражде. Между грузинами и абхазами установилось родство, семья связалась с семьей, традиция — с традицией, участились смешанные браки, рождаются дети, для которых как грузинский, так и абхазский языки являются родными. У нас если не одинаковые, то схожие обычаи, образ жизни, культура быта. Из одной земли питаются сплетенные между собой корни жизни, одну землю называем Отчизной. В этой жизненной мудрости воплощены сердце, разум и опыт каждого истинного грузина и абхаза.

Все это я знаю не понаслышке. Мне довелось побывать почти в каждом селе Абхазии, бывал гостем во многих семьях, чувствовал дружеское тепло, которое не могут охладить отчуждение, вражда и распри. У меня были и есть абхазские друзья. Каждый добрый и разумный абхаз и сегодня может считать меня своим другом.

Вспомним, с каким вдохновением воспета дружба абхазов и грузин в стихотворении гениального Галактиона «Здравствуй, Абхазия!», в «Апхиарца» Георгия Леонидзе, с какой любовью воспел Акакий Церетели в своей поэме «Воспитатель» абхазские нравы и обычаи, абхазские идеалы чести. Куда они исчезли? Я верю, что они не исчезли. Среди абхазского народа вновь живут те большие традиции и идеалы, только экстремисты и сепаратисты потеряли человеческий облик и нравственность.

Понимание истории не есть лишь знание дат войн, восшествия царей на престол и их свержения. Надо вникнуть в душу истории, в ее главные тенденции. Если мы так посмотрим на нашу общую историю, то увидим, что наши народы всегда стояли плечом к плечу — и в беде, и в радости. Наши предки хорошо понимали, что в противном случае общий враг легко мог расправиться с нами. Сказанное настолько очевидно, что даже нет надобности в примерах. Для человека, в той или иной мере знакомого с исторической летописью наших народов, тут ничего спорного нет.

Достаточно вспомнить дружбу Ильи Чавчавадзе и наследника последнего владельца Абхазии, поэта Чачба-Шервашидзе.

Великий Илья Чавчавадзе был дальновидным мудрецом. Он как светлая веха на пути дружбы грузин и абхазов.

Кто друга себе не ищет, он враг самому себе, говорил великий Шота Руставели. Этот афоризм на абхазский язык перевел отец абхазского народа Дмитрий Гулиа. Вот указан-

ный предками путь, по которому нам следует идти. Надо восстановить разрушенный мост.

Каждое поколение грузинского и абхазского народов обязано оберегать уроки истории, традиции братства и дружбы этих двух народов. В истории любого народа можно отыскать прогрессивные и реакционные тенденции, но главным остается ориентир на добро, разумность, истину, человеколюбие. Этому учат нас и история, и Евангелие, и, если угодно, Коран.

Абхазский конфликт протекает в сложном геополитическом регионе. Здесь сталкиваются значительные фундаментальные силы мировой геополитики, имперские тенденции и демократические интересы.

Сегодня я обязан сказать, что подстрекаемые извне имперскими и другими реакционными силами экстремисты и сепаратисты вместе с зарубежными диверсантами сумели инспирировать в Абхазии военный конфликт. Они превратили этот регион в социально и политически взрывоопасную зону, в бикфордов шнур для Грузии, и этот шнур сегодня, как и раньше, поджигают именно тогда, когда решается судьба нашей общей родины.

Нужно правильно, в современном и историческом аспекте воспринять и понять породившие конфликт в Абхазии социальные силы, внутренние и внешние факторы. Иначе невозможно выработать верную программу действий.

Начнем с истории: в канун двадцатых годов нынешнего столетия, когда Грузия на непродолжительное время обрела независимость, внешние силы подняли против нее Абхазию и Осетию. Тот же сценарий действовал в конце семидесятых годов, когда проявились первые признаки развала тоталитарной системы и империя почувствовала возникшую опасность. Так было в конце восьмидесятых годов, перед трагедией 9 апреля в Тбилиси. По тому же сценарию развиваются события и сейчас, в эпоху зарождения нашей новой государственности. Один и тот же вероломный почерк и один политический сценарий действуют всегда, меняются лишь исторические фигуры.

Если раньше удавалось погасить пламя еще до взрыва, сегодня, к сожалению, раздался выстрел и начало действовать то взрывное устройство, к которому сепаратисты и имперские силы поднесли зажженный бикфордов шнур.

Читаешь нашу историю последних десятилетий и ясно видишь ту непреложную истину, что подрывная деятельность имперских сил и сепаратистов, направленная на отторжение Абхазии от Грузии, прошла несколько исторических фаз. Каж-

дая из них имела свои четко выраженные признаки и содержание. Первая, самая продолжительная фаза была полна попыток изменить историческую ориентацию абхазского народа, идеологически разорвать вековые связи совместной жизни абхазов и грузин, обработать сознание народа так, чтобы сформировать устойчивые стереотипы вражды и отчуждения.

Ядовитые семена национализма, сепаратизма и экстремизма падали в хорошо обработанную почву, — тоталитарная система осуществляла политику подавления здорового и естественного инстинкта национального самосохранения. Закрывались абхазские школы, прекращалось преподавание абхазского языка, исчезали очаги абхазской культуры. Это факт. Отчасти его отзвуком являются сегодняшние сепаратизм и экстремизм.

Но факт и то, что все это было уделом не только абхазов. Разве тоталитарная репрессивная политика пощадила грузин?! Это был наш общий удел, заранее определенный тоталитарной системой. Иная интерпретация фактов — намеренная фальсификация истории.

Конечно, стратегия и тактика такой политики разрабатывались в диктаторском центре, а не в Тбилиси, который в то время сам находился под террором. Это должны хорошо понять все абхазы и свои исторические несчастья в эпоху царизма или тоталитаризма (как и трагедию других народов Кавказа) должны рассматривать в историческом контексте, а не вырывать их из этого контекста. Лишенная логики интерпретация опасна. Дело доходит до того, что участие вооруженных отрядов народов Северного Кавказа в абхазском конфликте хотят объяснить как акт исторической мести в отношении Грузии якобы за то, что в годы Великого террора некоторые народы Северного Кавказа были депортированы в Сибирь и на Восток империи. Но это же абсурд! При чем тут Грузия?!

Напомню, что во второй половине тридцатых годов, по неполным данным, было репрессировано свыше 100 тысяч грузин, в первой половине сороковых годов и в начале пятидесятых из Грузии было выселено около двадцати тысяч семей. В тот период было состряпано и т. н. «мегрельское дело», унесшее жизни и свободу множества невинных людей. Оттуда берут начало некоторые проблемы, с которыми мы и сегодня сталкиваемся в Мегрелии.

Тоталитарная система не считалась ни с вековым образом жизни людей, ни с их обычаями, моралью, психологией, мироощущением, законом, правом, национальностью, ее жертвами,

как уже сказали, были не только абхазы. Эту истину хорошо знают сепаратисты, экстремисты и, конечно, стоящие за ними имперские силы, но для реакционных кругов желательно и выгодно выдавать имперскую политику тоталитарного Кремля как проявление «специфического грузинского шовинизма», злое гения грузин по происхождению — Сталина и Берия. Эта политическая демагогия дает прочную социальную опору абхазским сепаратистам в Закавказье среди репрессированных в прошлом народов, и они, в первую очередь, в лице Ардзинба и его духовных братьев прибегают к этим опасным инсинуациям с целью отбросить историческую правду и общечеловеческие ценности.

Абсолютизация этого тезиса, странно, но факт, с практической точки зрения оказалась малоопасной, а политически весьма эффективной, она устраивала как внешние имперские, шовинистические, так и внутренние сепаратистские силы, вышедших на историческую сцену с измененным обликом амбициозных, замаскированных идейных наследников той империи, которая некогда жестоко наказала целый народ за участие в кавказской войне на стороне Шамиля. Естественно, путем абсолютизации этого демагогического тезиса они могли, с одной стороны, не только избежать моральной, правовой, исторической ответственности за совершенное ими преступление посредством его сваливания на других, но и, с другой стороны, сыграть роль справедливого судьи между жертвой и выдуманным «палачом». Это обстоятельство мастерски использовали имперские силы. Создалась такая ситуация, когда удобным и возможным оказалось, чтобы абхазские экстремисты попросили именно ее, великую империю, заступиться, защитить от «малой империи» — Грузии и принять в состав Российской Федерации. Трудно сказать, что тут преобладает — социальная демагогия или политическая корысть.

Вторую фазу представляет период разработки псевдоправовой аргументации в пользу выхода Абхазии из состава Грузии, этап формирования соответствующих квазизаконотворительных предпосылок, ложных юридических механизмов отторжения Абхазии от Грузии. Незаконность такого «законотворчества» не могли не осознавать его вдохновители. Их политические цели тоже легко просматриваются: это — создание такой ситуации, которая от «войны законов» неизбежно привела бы к открытому столкновению, но поскольку противостоящие силы были неравными и столкновение могло вызвать катастрофу экстремистов, они, естественно, начали искать стратегических

союзников. Такие стратегические союзники были найдены и довольно быстро, в частности, на Северном Кавказе, в определенных социальных слоях репрессированных во время Большого террора народов, на более отдаленном севере тоже, в лице имперских сил.

Третья фаза этого процесса — материально-техническая, организационная, военно-политическая и пропагандистская подготовка вооруженной конфронтации, ориентированной на широкомасштабное вовлечение во внутренний конфликт тех внешних реакционных сил, которые политически, идеологически и этнически роднятся с абхазским сепаратизмом и экстремизмом и непосредственно заинтересованы в разрушении территориальной целостности Грузии.

Все это, надо признать, было сделано достаточно грамотно, оперативно и основательно. После этого надо было только найти повод для войны, спровоцировать столкновение. Ясно, что причины абхазского конфликта — одно, а повод — другое. Поднаторевшие в социальной демагогии экстремисты искали такой повод, чтобы создать в глазах мировой общественности имидж угнетенной грузинами, но борющейся за справедливость малой нации. Весь этот процесс протекал на фоне весьма сложных социальных и политических событий.

В предшествовавшие конфликту месяцы скованная жесточайшим экономическим, политическим, морально-духовным кризисом Грузия фактически была вынуждена бороться на нескольких фронтах, преодолевать внутренний терроризм и воздействие внешних сил, начать урегулирование весьма тяжелого конфликта в Цхинвальском регионе, прорвать кольцо международной изоляции, куда ее завела политика экс-президента.

Весь этот период в Абхазии был полон провокационных выступлений экстремистов, сепаратистских движений, проявлений грузинофобии. Это был период безответственного политического поведения одной группы абхазских лидеров, эскалации сепаратистских эксцессов.

Противоправные действия и преступное бездействие экстремистов, как одно, так и другое, в результате давали экономическую блокаду Грузии, перекрытие жизненных хозяйственных артерий, взрывы на железной дороге, мостов, тоннелей, других объектов, которые осуществлялись с расположенных на территории Абхазии диверсионно-террористических баз. Абхазские сепаратисты систематически уклонялись от предложенного нами политического диалога, постоянно нарушали достигнутые соглашения и договоренности, что, как выясняется, зара-

нее было определено программой сепаратистского движения. Об этом скажу ниже. Настало время назвать своими именами события и факты. Все же, что произошло в Абхазии в августе нынешнего года?

Именно тогда, когда вроде договорились по поводу совместных действий, направленных на улучшение криминогенной ситуации, против диверсий, и абхазское руководство согласилось с нами в рамках закона передислоцировать части наших национальных вооруженных сил в направлении поселка Леселидзе для охраны коммуникаций и борьбы с бандами террористов, абхазская сторона вместо помощи открыла огонь против нас. Пролилась кровь, создалась тяжелая конфликтная ситуация, которая переросла в военные действия.

Считаю нужным вкратце напомнить предысторию этого столкновения. Приведу лишь несколько фактов.

Вследствие множества диверсионных актов на железной дороге Грузия потерпела ущерб в 12 миллиардов рублей. Армения не получила своих грузов стоимостью в 6 миллиардов рублей. Действовавшие на территории Абхазии диверсанты и террористы, незаконные вооруженные формирования в значительной степени расстроили нормальную экономическую, политическую и социальную жизнь двух суверенных государств. Речь шла о катастрофическом ухудшении условий существования почти 10 миллионов человек.

Они создали угрозу государственному порядку в Грузии и территориальной целостности страны. Основные базы диверсионно - террористической деятельности были расположены на территории Абхазии. Там вооруженные банды держали в заложниках руководящих работников республики. Это был открытый террор против правительства и власти Грузии. И даже в этой экстремальной ситуации власти Грузии осуществляли стратегию мирного урегулирования конфликта, проявляли большое терпение, политический такт, благоразумие, отдавая приоритет демократическому и гуманному подходу к событиям, но, к сожалению, ни одни переговоры не дали результата. Достигнутые соглашения, как правило, нарушались. На принятый 4 августа манифест экстремисты ответили новыми диверсиями и захватом заложников. А абхазские власти не обеспечили своими силами охрану железной дороги и ликвидацию диверсионных банд. В таких условиях охрана поездов, постов, тоннелей, других объектов стала не только жизненной, экономической проблемой, а делом защиты суверенитета Грузии.

10 августа 1992 года Президиум Государственного Совета Грузии принял постановление о введении чрезвычайного положения на железнодорожном транспорте с 16 августа 1992 года сроком на один месяц. Осуществление чрезвычайных мер возлагалось на вооруженные силы министерств обороны и внутренних дел, а также на военизированную охрану Управления железной дороги Грузии. Они должны были действовать в рамках, определенных законом Республики Грузия «О чрезвычайном положении» от 1 декабря 1990 года.

Власти Грузии противостояли не властям Абхазии, а действующим в Абхазии экстремистам, террористам, диверсантам, которые создали угрозу государственному строю в Грузии.

Был создан единый оперативный штаб, который подготовил план и схему охраны железной дороги, расчет нужного личного состава и вооружения, разработал программу действий.

Об этом плане и решении я по телефону сообщил Председателю Верховного Совета Абхазии. В принципе он с этим согласился, но мы, к сожалению, по техническим причинам не смогли выполнить одно условие. Об этом надо обязательно сказать. Перемещение войск осуществили согласно основному условию, но то обещание, что соответствующие руководители заранее приедут в Сухуми и этот план еще раз подробно согласуют с Ардзинба, не было выполнено. Не удалось это сделать только потому, что события стали развиваться неожиданно. Накануне ночью террористы взорвали большой мост и по оперативно-разведывательным данным готовился взрыв других мостов и тоннелей, железнодорожных объектов. Положение было настолько сложным, что нельзя было медлить ни одной минуты, ни одной секунды. В целом ряде регионов экономике и жизни людей угрожала катастрофа. Мы располагали сведениями о том, что некоторым районам Абхазии террористы угрожали взрывом плотины ИнгуриГЭС и затоплением. Надо было действовать без промедления. Опасность угрожала густонаселенным районам. Необходимо было защитить население и поэтому поспешили. Другого пути не было.

12 августа подразделения Национальной гвардии — всего 1.650 человек срочно перебросили в Самтредиа. Вскоре передовой отряд и другие военные части двинулись в сторону поселка Леселидзе, вдоль железной дороги.

Тут же отмечу: части грузинских войск шли не воевать или для свержения правительства Абхазии, как это утверждают оппоненты сегодня. Весь замысел операции и средства

ее осуществления были ориентированы на охрану коммуникаций жизненной важности, сопровождение поездов

Если у нас была именно такая цель, зачем же нужна была тяжелая техника? — спрашивают сейчас нас наши коллеги из России. Она нужна была хотя бы потому, что террористы, диверсанты сами имели тяжелую технику. Без соответствующего вооружения наших военных частей не удалось бы обеспечить безопасное передвижение подвижного состава, поездов, охрану плотины ИнгуриГЭС, Гальского водохранилища и т. д.

Как развивались события?

14 августа, в 12 часов дня в районе поселка Илори, на развилке дороги Очамчире—Меркули по колонне вооруженных сил Грузии неожиданно открыли огонь абхазские боевики. Разгорелся бой, во время которого погиб один гвардеец и несколько получили ранения. Пролилась кровь. Дальнейшему продвижению вперед частей грузинских войск абхазские формирования оказывали ожесточенное сопротивление. Первоначальный гуманный, мирный план провалился. Это были уже не мирная расчистка дороги, а настоящие территориальные бои; но хочу еще раз подчеркнуть тот факт, что война началась не по нашей вине.

Весь участок дороги от Илори до Сухуми, а это составляет 50 километров, наши подразделения преодолевали с боями. В тот же день, в три часа, части грузинских войск достигли Сухуми и укрепились около железнодорожного вокзала. Абхазские отряды отступили к новому району города и расположились там. Создалось очень тяжелое положение.

На состоявшемся в Сухуми военном совещании было высказано два основных мнения: первое — войскам немедленно продолжить движение вперед с боями и взять Гудаута; второе — сначала до конца очистить Сухуми от банд вооруженных экстремистов и только после этого идти вперед.

Первое стратегическое соображение было мотивировано, с одной стороны, необходимостью выполнения постановления Государственного Совета Грузии о чрезвычайном положении, с другой стороны, тем, что пока вооруженные формирования экстремистов не успели укрепиться, нанести им поражение и разоружить на том этапе было легче и реальнее, к тому же все это можно было сделать с меньшими потерями.

Второе стратегическое соображение вытекало из того, что с военной точки зрения нельзя было идти в наступление и продвигаться вперед, поскольку в тылу оставались неразору-

женные части противника, что создавало реальную угрозу. Это во-первых, во-вторых, впереди был Гудаутский район, где наиболее компактно живет абхазское население, позиции тоже хорошо укреплены и сопротивление надо было ожидать самое ожесточенное. Война могла принять тотальный и партизанский характер. В-третьих, впереди были расположены солидные части российской армии, которые, по имеющимся данным, из Москвы получили приказ в случае необходимости осуществить меры по охране объектов, имущества и семей военнослужащих. Постольку велик был риск военного конфликта с Россией.

С этим сегодня многие грузинские политики не считаются и несправедливо обвиняют армию в том, что она немедленно не уничтожила абхазских экстремистов. Дальнейшее движение вперед без подготовки и разведки могло иметь для Грузии еще более тяжелые последствия.

Поэтому на оперативном военном совещании было принято решение начать операции по очищению Сухуми от абхазских и северокавказских незаконных вооруженных формирований, а затем во избежание конфликтов и новых вооруженных столкновений, кровопролития в обход Нового Афона и Гудаута продолжить операции в направлении Леселидзе.

Был намечен план мирного установления порядка в Сухуми.

В тот же день с абхазской стороны было достигнуто временное словесное соглашение, согласно которому во избежание нового кровопролития из Сухуми должны были выйти абхазские части, а наши части не должны были входить в город. К сожалению, это соглашение тоже не было выполнено, в первую очередь, из-за вероломных действий тех абхазских снайперов, которые стреляли в наших бойцов. Части грузинских войск были вынуждены открыть ответный огонь и принять нужные меры. Вновь пролилась кровь и конфликт еще больше обострился.

15 августа наши главные силы, преодолев ожесточенное сопротивление абхазских боевиков, форсировали реку Гумиста. Одновременно с моря высадился десант, который занял стратегически важный пункт — поселок Леселидзе. Именно это было одной из главных целей изменения дислокации наших войск и первоначальной военной операции. Именно этим компенсировалось движение в обход Гудаута и Нового Афона.

18 августа подразделения Национальной гвардии со стороны Леселидзе вступили в город Гагра. Им никто не оказал со-

противления. 19—20 августа в Гагра вступили и другие подразделения грузинских войск.

Некоторые грузинские политики-максималисты неверно поняли стратегию и тактику изменения дислокации и перемещения наших войск. Они не понимают, что этим мы избежали нового кровопролития и в то же время укрепили позиции охраны не только железнодорожных коммуникаций, но и государственных границ Грузии, лишили бандитов и диверсантов возможности осуществить взрыв мостов, тоннелей, плотин ИнгуриГЭС и Гальского водохранилища, затопить районы, захватить новых заложников, похищать невинных людей, проводить массовые расстрелы и убийства.

После этого мы приступили к укреплению результатов военной операции мирными средствами.

Состоялась встреча на высшем уровне между Грузией и Россией, в ней участвовали также абхазская сторона и представители северокавказских республик. 3 сентября мы достигли известного соглашения. Приступили к его выполнению.

Некоторое время положение в гагрской зоне было стабильным, пока мы там проводили мирные мероприятия. Потом военно-оперативная обстановка здесь резко изменилась в пользу экстремистов. Грузинские войска потерпели поражение. Там сейчас силами абхазских экстремистов и северокавказских диверсантов проводится политика этногеноцида, этнической чистки. Грузия переполнена беженцами.

Гагрская трагедия сегодня является предметом специального разбирательства специально созданной парламентом комиссии.

Я считаю, что совместными усилиями Главы государства, парламента, правительства, судебной власти, прокуратуры республики надо глубоко изучить объективные и субъективные причины этой трагедии и всем воздать по заслугам.

Как Глава государства и Главнокомандующий вооруженными силами, Председатель Государственного Совета обороны и Национальной безопасности я вместе с правительством, Министерством обороны, информационно-разведывательной службой, Министерством внутренних дел, генеральным прокурором и другими соответствующими ведомствами, комиссиями парламента, заинтересованными депутатами работаю над вопросами гагрской трагедии и представляю вам объективную и беспристрастную информацию, когда работа закончится.

Из главных причин гагрской трагедии я сегодня назову лишь две.

Первая — это слабая организация наших войсковых формирований, отсутствие единого руководства, численное сокращение наших вооруженных отрядов по разным причинам.

Как вам известно, на сегодня эта ситуация исправляется, создается единое военное руководство, усилилось Министерство обороны, приступил к делу первый заместитель министра обороны генерал Камкамидзе, растет профессионализм в армии, решительные меры принимает Государственный Совет обороны и Национальной безопасности по улучшению дисциплины, порядка, вооружения и материально-технической базы в армии.

Верховное командование армией мне как Главе государства было поручено поздно, но обещаю народу и парламенту, что я не буду формальным главнокомандующим и не пожалею сил и энергии для повышения обороноспособности Грузии, с целью совершенствования моральных и боевых качеств единой армии Грузии с тем, чтобы любой агрессор получил должный отпор.

Второй причиной гагрской трагедии является то, что абхазские сепаратисты и наемные интервенты, которые хорошо были вооружены, вероломно воспользовались грузинско-российским соглашением по абхазскому вопросу от 3 сентября 1992 года, ввели в заблуждение созданную на основе этого соглашения мирную контрольную комиссию, хорошо замаскировали свои вероломные планы и именно в процессе конструктивной работы этой мирной комиссии в удобных для них условиях неожиданно начали и довели до конца вероломное кровавое военное наступление.

На гагрском фронте силы оказались явно неравными, поскольку в соответствии с российско-грузинскими переговорами 3 сентября грузинская сторона вывела из Гагра большую часть своих войск, а абхазские экстремисты напротив, скрыто, замаскированно увеличили свои военные силы и нарушили условия Московского соглашения.

По мнению специально приглашенных мной по этому вопросу квалифицированных военных экспертов, профессионалов, специалистов военной стратегии и тактики, силы, которые мы выделили в Абхазии, полностью соответствовали только заранее намеченной задаче: охранять хозяйственные объекты жизненного значения и железнодорожный транспорт от Леселидзе до Садахло. Поэтому большего от них требовать нельзя. Никакой другой задачи перед войсками не стояло, но во время операции резко изменились как военная обстановка, так и пер-

всначальная задача вследствие неожиданного нападения абхазских и северокавказских формирований и дальнейшего оказания ими вооруженного сопротивления. К проведению широкомасштабных военных операций части наших войск, передислоцированные в Абхазию, не были готовы, поскольку для войны нужно было совсем другое количество вооруженных сил и техники. Повторяю, это произошло потому, что мы не собирались воевать. Нас же вовлекли в войну! Именно поэтому мы не были готовы к ней, мы и сегодня не хотим войны, а желаем решить проблемы Абхазии мирным путем.

В связи с этим хочу ответить некоторым грузинским политикам.

Остановка основных частей наших вооруженных сил в Сухуми, по мнению военных экспертов, была оправдана. Движение войск вдоль железной дороги, как было задумано первоначально, оказалось невозможным. Понадобилась разработка наступательной операции со всеми необходимыми элементами военного искусства — стратегии и тактики, в том числе, с разведкой дислокации главных сил противника, их численности и вооружения, с подтягиванием дополнительных военных сил и средств и т. д. Без этого продвижение вперед грузинских войск, по мнению экспертов, было бы неоправданной авантюрой и весьма сомнительной акцией с точки зрения достижения успеха — это во-первых. Во-вторых, немедленное движение в сторону Гудаута вызвало бы кровавые карательные акции, что не соответствовало намеченной задаче. Это вызвало бы физическое уничтожение абхазского народа. Это не было и не могло быть нашей целью. Такое действие было бы сопряжено с большими жертвами и с нашей стороны среди мирного грузинского населения, личного состава грузинских войск.

16 августа я получил достоверное сведение, что готовится большой десант российских войск в Абхазии, за которым, если бы мы спонтанно продолжили наступление, как этого требуют некоторые грузинские политики, мог последовать вооруженный конфликт с Россией. Избежать этой опасности нам позволило то, что я лично обратился к Президенту Борису Ельцину.

Вы помните, под каким предлогом должен был войти десант: официально он в Грузии будто должен был защитить интересы русского населения, хотя в этом не было никакой необходимости, поскольку гарантом защиты прав человека и интересов национальных меньшинств в Грузии являются государство, власти Грузии. Мы располагаем всеми средствами

для осуществления этой функции, но, когда экстремисты ищут повод, от них можно ожидать всего. Поэтому власти Грузии предприняли соответствующие политические, дипломатические и военные шаги. Хотя и после этого высадили десант. Но это был уже другой десант. В нем и мы были заинтересованы и поэтому дали согласие Российскому правительству, поскольку хотели защитить Бомборский аэродром от возможного нападения абхазских экстремистов и авиации чужой страны.

Действия наших вооруженных сил на первом этапе войны боевые эксперты признали правильными как со стратегической, так и с тактической точки зрения. К сожалению, в те дни погиб 51 боец, получили ранения 90. Это большие потери. Вечная память павшим героям, честь и слава отважным защитникам целостности нашего государства!

Справедливость требует, чтобы мы дали правильную оценку моральным качествам некоторых частей наших войск. На войне рядом с героями, к сожалению, были и нелюди. Тяжело говорить об этом, но надо сказать: когда герои сражались за родину и гибли, нелюди мародерствовали и грабили народ, а затем нагруженные этими кровавыми награбленным и добычей дезертиры самовольно возвращались домой. Это горькая правда. Эти несчастье и кошмар особенно открыто имели место в течение первых четырех дней. Именно это изменило отношение определенной части местного населения к войскам. Радость первого дня сменилась тяжелым переживанием населения. Появились опасные симптомы.

Следует учесть и то, что для осуществления дальнейшего наступления у нас оставалось очень мало сил и надо было их пополнить, а необходимыми готовыми резервами мы не располагали.

Этих факторов не учитывают все те политики, кто сегодня постфактум утверждает, что после Сухуми надо было немедленно брать и Гудауту. Так рассуждают дилетанты. Как говорится, легко быть мудрецом в чужой войне. Каждый мнит себя стратегом, ведя бой со стороны. Так звучит один афоризм из «Витязя в тигровой шкуре» в русском переводе. Это я говорю для тех, кто не желает понимать ни сказанного по-грузински, ни справедливости. Мы не сомневаемся в их патриотизме, нас смущает их «компетентность».

У одного нашего выдающегося соотечественника, видного философа современности Мераба Мамардашвили хватило мужества сказать, что истина стоит выше Родины. Я позволю

себе добавить: без правды не существует Родины, не существует будущего. Ради истины, следовательно, ради Родины и ее будущего, ради лучшего будущего грузин, абхазов и всех тех, кто живет и будет жить на этой земле, мы обязаны всему дать свое подлинное имя. Сказать, почему произошло то, что произошло, и что должны сделать в будущем, чтобы ничего подобного больше никогда не случилось.

II

В качестве «взрывателя» во всех вспыхнувших на территории бывшего Советского Союза вооруженных конфликтов используется исторический материал. Своекорыстное и одностороннее истолкование экстремистами истории ставит целью обосновать справедливость претензий на «землю» и «территорию», правомерность требований суверенизации и самоопределения. Вместе с тем, вольно или невольно, за рамками видения современников остаются как объективные исторические реалии, так и истинные намерения действующих на раскол сил.

Выше я вскользь сказал и повторяю еще раз, что не ставлю целью рассматривать многовековую историю грузино-абхазских отношений, всю сложность исторического развития этого исконного грузинского уголка. Вопросы заселения и укоренения абхазов на этой земле могут еще долго быть предметом научной дискуссии, но тот, кто сделал все, чтобы перенести споры из научной сферы на поля сражений, — преступник перед своим народом. Я же, если и коснусь истории, то лишь для того, чтобы показать, какие силы и как разрушали мир в Абхазии.

Лев Толстой когда-то сказал: войны никто не хотел, но война все же началась. Войны не хотели ни грузинский, ни абхазский народы. Войны хотели абхазские экстремисты, и им удалось-таки начать ее, они навязали нам войну, которой не хотел никто.

Уже давно абхазский сепаратизм использует ложный тезис, будто грузины стремились «уничтожить» абхазов. На этом тезисе основана вся политика раскола и отделения Абхазии от Грузии, вся ее «философия». В известных нам программных документах этого направления приводится множество «доказательств», «аргументов», но нигде вы не найдете ни одного свидетельства того, что существовала и существует, и сегодня активно утверждается диаметрально противоположная тенден-

ция, ровесница имперского владычества в Закавказье. Не найдете потому, что это не на руку ни абхазским экстремистам и сепаратистам, ни стоящим за их спинами имперским силам. О какой же тенденции, в частности, речь? О великоимперской, самодержавной, ассимиляторской тенденции.

Вот несколько цитат, проливающих свет на вопрос. «Сухумскую епархию следует оторвать от весьма нежелательного грузинского влияния», писали оберпрокурору синода главноуправляющий гражданской частью на Кавказе князь Голицын и экзарх Алексей. Таков религиозный, духовный аспект этой опасной тенденции, берущей начало в историческом прошлом.

«Учреждение абхазской письменности не должно быть целью само по себе, а только средством ослабления через церкви и школы потребности в грузинском языке и постепенной его замены языком государственным» (то есть русским), отмечал известный апологет имперской политики на Кавказе Вейдембаум.

Такова антигрузинская, «культурологическая» основа этой тенденции.

«Грузинское движение в Сухумском округе служит тормозом к обрусению края», сетовал в 1897 году заместитель кутаисского военного губернатора. Таков был неприкрытый шовинистический исток этой тенденции.

Председатель тифлисского комитета по сословно-поземельным делам князь Святополк-Мирский рекомендовал активнее содействовать вытеснению, переселению абхазов в Турцию, чтобы затем заселить опустевшую территорию казаками. Такова была основанная на имперском фундаментализме доктрина этнической чистки.

«Если в наших руках будут пустые земли по обе стороны Бзыби, — писал Святополк-Мирский, — мы положить сможем начало русскому поселению». Эта «теория» была направлена как против абхазов, так и грузин. Такова была политика царизма. Положение не изменилось и после.

«Если говорить о границах Грузии, то нужно установить ее только до Абхазии», говорил в 1918 году представитель кубанского правительства Воробьев.

Фактически унаследовав имперскую политику самодержавия, большевистская Россия продолжала почти такую же политику, но под лозунгом сохранения завоеваний классовой борьбы и социалистической революции.

«Надо немедленно передвинуть границу России по правому берегу реки Бзыби, — писал правительству советской

России в секретном докладе военный атташе Российской Федерации Сытин. — Такой акт, кроме его огромного стратегического значения для Российской Федерации, передаст в наши руки все значительные богатства этой страны.

Вот путь расчленения Грузинской Республики на ряд автономных единиц, и чем меньше будут эти единицы, тем более они будут подчинены РСФСР...»

Думаю, вряд ли головыны, вейдембаумы, святополк-мирские, денкины могли с большим цинизмом выразить идею и кредо российского империализма, чем представители «первого в мире государства рабочих и крестьян».

То, что не удалось сделать их предшественникам — расчленить Грузию, чтобы удержать ее в пределах империи, — они осуществили под знаменем пролетарского интернационализма.

Меняются правительства, политические строи, эпохи, а имперское стремление в Грузию и Абхазию — нет! Оно остается неизменным даже после т. н. трех революций.

Имперским силам было ясно, что изнутри Грузию не изорвать никаким силам, кроме военной. Для ее же применения был нужен повод.

«Нельзя надеяться, — докладывали Орджоникидзе и Киров Центральному комитету РКПБ в начале 1921 года, — что внутри Грузии произойдет решающий взрыв: без нашей помощи ее советизация невозможна: повод для нашего вмешательства имеется. Для этого не нужно прямое нападение на Грузию. Имеем возможность начать движение в Абхазии...»

И начали, продолжили и продолжают теперь. Идут годы, меняются лозунги, установки, правители, но остается неизменным стремление использовать «абхазскую карту» в нечистой имперской игре с Грузией.

Помните «крылатую» фразу Хрущева: «Я натравлю на вас абхазов». Сопоставьте эту и подобные ей фразы и действия с высказываниями и действиями современных вдохновителей и организаторов внутренних раздоров, идеи расчленения Грузии на ряд малых единиц, ее удержания любыми способами, в том числе и военной силой, и линия преемственности имперской политики предстанет во всей своей полноте.

Исторически на этой почве друг с другом боролись две тенденции: реакционная, имперская, шовинистическая и прогрессивная — национально-освободительная, народно-демократическая.

Последовательной была борьба против этой политики на всем протяжении истории прогрессивно и реалистически мыс-

лящих абхазов и грузин. Их платформа, позиция, философия основывались и основываются на следующих непреложностях:

— ни абхазы, ни грузины не являются «пришельцами» и «гостями» этой земли;

— ни те, ни другие не захватывали, не подавляли, не изгоняли отсюда ни друг друга, ни представителей других национальностей;

— и те, и другие не имеют другой родины, кроме Грузии и ее неотделимой части — Абхазии; — невозможно и недопустимо изгонять один или другой этнос из мест их исторического бытования;

— совместное мирное проживание абхазов и грузин возможно лишь при условии солидарного учета, защиты и практического воплощения и гармонизации их законных интересов;

— не вправе кто-либо из абхазов претендовать на отделение от Грузии, игнорируя тем самым волю грузинской части населения Абхазии. Меньшинство не должно диктовать волю большинству.

По меньшей мере на протяжении последних полутора столетий в Абхазии противодействовали две партии. Первая — партия войны, проимперской ориентации и откола от Грузии, и вторая — партия единства с Грузией, межнационального мира и согласия.

Первая, получая мощную поддержку извне и всегда рассчитывая на нее, проводила и по сей день проводит пропаганду идеи вражды и розни, внушала и внушает абхазскому народу, в первую очередь, молодежи: эта земля — исконная абхазская земля, а грузины на ней пришельцы, завоеватели, ассимиляторы. В подтверждение этого тезиса ими приводится много абсурдных примеров, в том числе ложная статистика, отражающая прирост грузинского населения на фоне уменьшения численности абхазского. Вместе с тем делается все, чтобы доказать, будто это сознательная, целенаправленная политика со стороны грузин. Неужели эти люди не знают родную и мировую историю? Почему хотят они поставить собственное незнание выше мирового разума?! Неужели в Гудаута не знают того, что знают о грузинах и абхазах в Афинах, Лондоне, Париже и Нью-Йорке?! Римские и греческие источники свидетельствуют, что в Сухуми, исторической Диоскурии, почти две тысячи лет назад народ говорил на 70—80 языках. Абхазия никогда этнически не была «чисто абхазским краем». Абхазия всегда была заселена грузинским этносом. Пора отойти от политических иллюзий и мифов.

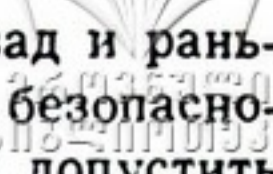
Если не верите нам, поверьте Страбону, отцу истории — Геродоту, другим историкам и источникам, «Житию Картли», почитайте изданную академиком С. Каухчишвили многотомную «Георгику», где собраны византийские и эллинские источники о Грузии и Абхазии, другие исторические книги, энциклопедии, и вы убедитесь, что позиция экстремистов и сепаратистов абсолютно ложна. Они фальсифицируют новую и новейшую историю, демографическую статистику. До каких же пор должно так продолжаться?!

Еще раз надо сказать, что ни раньше и ни в XIX веке грузины не были виновны в уменьшении численности абхазского населения этого края. Безосновательно и привлечение аргумента о том, что, начиная с 1926 года численность грузинского населения возросла в 3,5 раза. Да, это так, но тогда следует искать и то, что за этот же период темп прироста абхазского населения был таким же. Вместе с тем отмечу, что в течение последних ста лет численность русских и армян в Абхазии возросла в 10 раз и сравнялась с численностью абхазов. Как видите, мы имеем дело с тенденцией процесса естественного роста численности местного населения. Экстремисты же желают представить дело так, будто это — результат грузинской ассимиляторской политики.

Утверждают, что в 1916 году абхазы составляли 56 процентов населения Абхазии, грузины же — 18. Насколько мне известно, в 1916 году перепись населения не проводилась. Эти данные ложны. Перепись же 1917 года зарегистрировала следующее соотношение: абхазы составляют 21,4 процента, грузины — 42,1 процента.

Сегодня, когда число изгнанных из Абхазии грузин достигло 57 тысяч и цифра эта продолжает расти, лидеры абхазского сепаратизма могут быть довольны: инструментами войны и насилия изменена демографическая картина в Абхазии, разумеется, временно. Но я предлагаю им серьезно задуматься над следующим: в этой войне погибают не только грузины, сиротеют и становятся изгнанниками не только они. Осуществляя этноцид и этническую чистку грузинского населения, абхазская партия войны ставит на карту и физическое существование своего народа.

Задолго до 14 августа 1992 года именно они внедрились в сознание части абхазов экстремистские представления о реализации права на самоопределение посредством вооруженной борьбы, вооружили определенные слои ненавистью к другим народам.

Вам известно, что в свое время, 10—15 лет назад и раньше я рисковал своим положением и даже личной безопасностью, чтобы отстаивать законные права абхазов и не допустить кровопролития во время известных перманентных акций в Абхазии. Вместе с коллегами, друзьями и своим народом я настоятельно добивался диалога даже тогда, когда сепаратисты не желали со мной разговаривать, вести диалог, переговоры. Стремился и сейчас стремлюсь к мирным акциям, но, видимо, они не нужны некоторым сепаратистски настроенным лидерам абхазов и их экстремистскому окружению. Анализ событий свидетельствует, что к несчастью как абхазов, так и грузин, этой реакционной, экстремистски настроенной группе было необходимо прямое военное столкновение двух народов. Им была нужна эскалация войны.

Существует ряд документов, дающих возможность проследить, как шел к этим целям абхазский агрессивный сепаратизм. На этих документах лежит отпечаток экстремистского духа.

В первую очередь, это письменные обращения в высшие партийные и государственные инстанции бывшего Советского Союза — о выходе Абхазской Автономной Республики из состава Грузинской ССР, в которых дано обширное и внешне будто убедительное концептуально-теоретическое, так сказать «философское обоснование» проблемы.

Лейтмотив этих документов: Абхазия не сможет существовать в пределах Грузинской ССР, ее интересы в корне отличны от интересов Грузии. В этих письмах, как и в целом ряде выступлений, упорно проводится мысль: до тех пор, пока Абхазия будет находиться в составе Грузии, межнациональные конфликты неизбежны.

Авторы этих писем добивались «двойного эффекта»: с одной стороны, направляя письма высшим руководителям страны и ища у них опору, они натравливали Кремль на Тбилиси; с другой — были и иные, более важные адреса, в частности, определенная часть абхазской общественности, абхазского народа, которая легко воспринимала предлагавшийся ей «образ врага» в лице Грузии и грузин.

Авторы и вдохновители писем и обращений не могли не знать, что своими незаконными требованиями они вызовут протест, возмущение грузин, что любое предложение выхода из Грузии той или иной части ее исторической территории вызвало бы встречное движение, ответную реакцию такого масштаба и характера, что угроза межнационального конфликта стала бы неотвратимой.

Одним словом, авторы хорошо знали, что делали, что хотели и что ставили себе целью. Они создавали ситуацию вражды.

Нам долгое время удавалось избегать прямых столкновений. Однако настало время, когда искусственно созданная конфронтация вылилась в кровопролитие. Истоки целого ряда трагических явлений 1989 года следует искать и в известном «абхазском письме». Кровавый апрель и июнь—июль того года лежат на совести его авторов и подписавших его. Именно они спровоцировали вооруженные стычки, нападения на мирных жителей, убийство безоружных грузин. В Очамчире был разрушен памятник жертвам 9 апреля, в сухумских больницах не оказывали медицинской помощи раненым грузинам. Вооруженное противостояние на реке Галидзга стало предвестием новой, теперь уже милитаризованной агрессивности абхазского сепаратизма. Когда же отношения непосредственно с тоталитарными, имперскими силами не дали сепаратистам желаемого результата, экстремисты обрядились в тогу демократов и сформировались в общественную организацию.

С наибольшей полнотой и ясностью программные цели абхазских сепаратистов отражают документы Народного фронта Абхазии — «Айдгылары». Знакомясь с ними, видишь, что его лидеры, сохраняя в целом преемственность политической линии своих дальних и близких предшественников, уже не столь примитивно, как раньше, а более изощренно и, в итоге, с большей эффективностью стремятся к достижению главной задачи — разрыву с Грузией.

Они ставят себе в заслугу, цитирую: «консолидацию значительной части населения Абхазии... сегодня рядом с абхазами стоят многие русские, армяне, представители других наций...» Обратите внимание: грузины не названы. Подтекст предельно ясен, консолидация многонациональной общности для противопоставления самой многочисленной национальной группе в Абхазии — грузинам. «Айдгылара» превратилась в гнездо грузинофобии, абхазского национализма.

Гордясь завоеванием власти, его лидеры подчеркивают стремление осуществить сегрегацию грузинских парламентариев в Верховном Совете Абхазии, отстранить их от парламентского сотрудничества. В своих арифметических выкладках и подсчетах они не находят места в органах власти для депутации, представляющей почти половину населения Абхазии. Речь идет о грузинской депутации. Борьба ведется не только с грузинским парламентом, но и против грузин в абхазском парла-

менте. Политической клеветой на этом фоне считаем следующее рассуждение экстремистов: «самое печальное в этой ситуации то, что основная ставка в имперской политике Грузии делается на противопоставлении грузинского населения Абхазии — абхазскому и другим народам, населяющим нашу республику...» Грузинам приписывают то, что делают сами.

Их политические амбиции не имеют границ: «...отношения между Абхазией и Грузией должны быть отношениями двух суверенных государств». И здесь игнорируется воля грузинского населения Абхазии.

Грузинское население Абхазии не принимает и никогда не примет такую идею «суверенизации».

Задолго до сегодняшних событий стратеги «Айдгылары» зачислили Грузию в ранг сопредельных государств.

Это — политический цинизм. Они предполагают вести с нами «политический диалог о формах и способах взаимоотношений» как с сопредельным государством. Хотя тут же отрицают идею договоренности. Цитирую: «Сегодня выходить на переговоры с Тбилиси руководство Абхазии не считает возможным в силу целого ряда обстоятельств — нестабильность в Абхазии и прилегающих к ней регионах Западной Грузии, отсутствие в Грузии законно избранных органов власти».

В этом нет никакой логики. Казалось бы, именно перечисленный «ряд обстоятельств» должен был побудить руководство Абхазии вступить в переговоры. Но нет, это не входит в их планы. Привлечение же в качестве аргумента отсутствия законно избранных органов власти выглядит сомнительно в устах нарушителей законов, это лишь политическая маска.

У абхазских экстремистов иные планы. В частности, они хотят участвовать в создании конфедерации горских народов Кавказа, поселить в Абхазии граждан зарубежных стран и депортировать грузинское население из Абхазии.

Эти планы продекларированы и теперь уже осуществляются в ходе этнической чистки в захваченных районах. Об этом свидетельствуют расстрелы грузин по заранее составленным спискам, штампы о выписке в паспортах тех грузин, которых экстремисты и интервенты насильно изгнали из Гагра, Пицунды, Гантиади, Леселидзе, Ахалсопели и других мест компактного проживания грузинского населения, передача земельных участков и домов грузин в частную собственность наемникам из конфедерации горских народов Кавказа и многие другие явления и факты, которые не перечислить.

Так практически осуществляются программные положения

«Айдгылары» о механическом изменении демографической картины в Абхазии.

Откровенно следует сказать о том, что, к сожалению, грузины в некоторых поселках и селах тоже громили дома абхазов, но грузинская сторона не имела, не имеет и никогда не будет иметь намерения осуществлять этногеноцид абхазов и их этническую чистку, а то, что сделали абхазские экстремисты в отношении грузин в Гагра и Леселидзе, других прифронтовых городах и селах Абхазии, переходит всякие границы и ставит целью полную депортацию, геноцид и этноцид грузин. Но этой цели они никогда не достигнут.

Имущество, дома, достояние изгнанных грузин экстремисты, как средневековые абхазские феодалы, раздают пришельцам из-за Кавказских гор, наемным диверсантам, бандитам, террористам.

— Не плата ли это за участие в победе? — спрашивает Ардзинбу корреспондент «Известий».

— Нет, не плата, а выражение благодарности народа тем, кто пришел помочь в трудный час, — отвечает Председатель Верховного Совета Абхазии.

Он откровенно признает то, что представляется нам невероятным: сначала — интервенция в пределы территории, затем — ее оккупация и колонизация интервентами.

«Мы воюем не с грузинским народом, — заявляет далее Ардзинба, — а с теми преступниками, которые его порочат». Это фарисейство. Я хочу спросить десятки тысяч грузинских беженцев: кто они? Кем они себя считают? Грузинским народом, подвергшимся изгнанию из тех мест, где веками жили их предки, или преступниками, вся вина которых лишь в том, что они грузины?!

Нас обвиняют в том, что мы скрываем от собственного народа цифры наших потерь. Увы, скрыть их невозможно. Скрыть трагедию не может никто, а если бы и хотел это сделать, то все равно не смог бы: газеты и телеэкраны демократической Грузии заполнены некрологами и фотографиями павших в бою. Но, к несчастью, мы действительно не знаем точное число мирных граждан, расстрелянных абхазскими экстремистами и интервентами во дворах собственных домов, при попытках защитить честь своих близких и свое имущество. Но придет время, и все военные преступники будут установлены, им будет воздано должное.

В программных заявлениях «Айдгылары» сказано: «Право абхазского народа на самоопределение может быть реали-

зовано только через права человека... Свободен не тот, кто пользуется свободой, а тот, кто дает ее...»

Пора уже «Айдгыларе» понять, что это ее положение справедливо лишь в том случае, если самоопределение не может быть достигнуто за счет попрания прав другого народа, если свобода достанется тому, кто не отнимает ее у других...

Свобода одного должна быть гарантом свободы другого, а не ее основой.

Сложна философия свободы. Не думаю, чтобы у экстремистов был ее моральный и интеллектуальный потенциал, но все же лучше, чтобы они обсуждали эти проблемы, нежели осуществляли эскалацию войны.

Нарушение прав человека в Абхазии сегодня носит массовый характер. Сравним этот факт со следующим программным постулатом абхазских лидеров: «Мы сделаем все, чтобы показать миру подлинное лицо этой «демократии». Понятно, о какой демократии идет речь. Видите, эти экстремисты рассуждают об антидемократичности других! Большого фарисейства представить невозможно.

Не могу сказать о мире, но они действительно делают многое для того, чтобы в России, где политическая борьба сегодня вошла в довольно сложную и острую фазу, использовали против Грузии поддержку реакционной части общества, той части, которая борется с демократической Россией. Мое видение протекающих в России процессов таково, что эта борьба еще более обострится и будет напряженной.

В этой связи для сведения абхазских экстремистов и их имперских подстрекателей позволю себе одну аналогию: даже слабый намек на возможную передачу Японии четырех островов Курильской гряды вызывает в огромной, обильной землями России взрыв возмущения. Стоило, однако, маленькой Грузии предпринять ограниченные шаги в защиту своих суверенных прав на территорию, которая находится под ее юрисдикцией, как тут же нас обвинили в «агрессии», «оккупации», «вводе войск» и т. д. Разве это справедливо?! Разве это объективность?! Что же скажут русские тогда, когда им понадобится для спасения единого государства «ввести» воинские формирования в какой-либо регион России? Посмотрим.

В ходе своей поездки в Турцию господин Ардзинба неоднократно заявлял: «Еще ни одна страна не добивалась независимости конституционным путем... Для этого у нас есть достаточно сил и средств...» Понятно, что конкретно имел в виду господин Ардзинба, какие силы и средства он подразумевал.

Об этом будет сказано ниже. Пока же, в интересах истины следует с особой пристальностью рассмотреть не только «войну слов», но и ту «войну законов», которая предшествовала военной конфронтации в Абхазии.

III

Политическая и правовая оценка принятых высшими органами государственной власти и управления Абхазии актов должна базироваться на компетенции, объективных критериях, вытекать из общепризнанного статуса Абхазской Автономной Республики.

Согласно всем конституционным актам, территория Грузии едина и неделима. В соответствии с этими же актами Абхазия входит в состав Грузии. Законы Грузии обязательны и имеют юридическую силу на территории автономной республики. В случае несогласованности законов Республики Грузия с законами автономной республики действует Закон Республики Грузия.

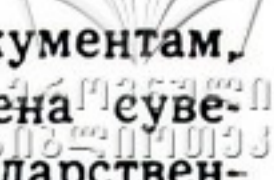
Аналогичные положения о статусе абхазской автономии содержит Конституция Абхазии 1978 года. Инициаторы незаконного признания конституции Абхазии 1925 года утверждают: власти Грузии, восстановив Конституцию 1921 года, будто бы объявили несуществующей абхазскую автономию, поскольку в Конституции 1921 года она вообще не упоминается. Так ли это? Нет, не так. Это ложь.

Декларация от 21 февраля 1992 года, восстановившая Конституцию Грузии 1921 года, в первой же своей статье отмечает, что вводит этот основной закон в действие с учетом сегодняшних реальностей, без изменения существующих границ Республики Грузия и статуса Абхазской и Аджарской автономных республик.

Принятый недавно грузинским парламентом конституционный закон о власти также окончательно снял основание для каких-либо подобных сомнений.

Однако совершенно по-иному выглядит деятельность части депутатов абхазского парламента, их сепаратизм.

За последние годы руководство Абхазской Автономной Республики неоднократно пыталось изменить статус республики. К примеру, 25 августа 1990 года Верховный Совет Абхазской АССР принял декларацию «О государственном суверенитете Абхазской АССР» и постановление «О правовых гарантиях за-

щиты государственности Абхазии». Согласно этим документам, Абхазская Автономная Республика была провозглашена суверенной советской социалистической республикой, государственно-правовые отношения которой с Грузинской ССР и Союзом ССР строились на договорной основе, устанавливался принцип территориального верховенства и гражданства исключительно Абхазской АССР и Союза ССР. Полностью игнорировался государственный суверенитет Грузии.

Все эти акты не выражали волю большинства населения Абхазии, нарушали территориальную целостность Республики Грузия, противоречили положениям действующей конституции и были приняты с нарушением порядка сессии, применением антидемократических методов, без учета мнения всего депутатского корпуса.

Самое крупное сражение этой «войны законов» абхазские сепаратисты дали 23 июля 1992 года. В этот день Верховный Совет Абхазии принял решение прекратить действие Конституции Абхазской АССР 1978 года и восстановить конституцию Абхазской АССР 1925 года. Это именно та конституция, о которой Нестор Лакоба сказал: «Вместо того, чтобы на пятом году существования советской власти в Абхазии снять с повестки дня вопрос о так называемых взаимоотношениях Абхазии с Грузией, мы, наоборот, размахнулись конституционной глупостью». И тогда же он заметил: «в Абхазии постановка вопроса о том, что она действительно независима и куда-то хочет уйти от Грузии, приведет к тому, что Абхазия, как карточный домик, построенный шаловливой рукой мальчика, распадется».

Мало кто знает о том, что конституция Абхазии 1925 года не была принята третьим всеабхазским съездом Советов. Съезд решил доработать представленный проект, согласовав его с конституциями Грузинской ССР и Закавказской Федерации. Текст конституции, рассмотренный третьим всеабхазским съездом советов, не публиковался, она не действовала ни одного дня. Именно эту конституцию «восстановили» абхазские сепаратисты и экстремисты.

Добавлю, что, согласно практике мирового парламентаризма, любые изменения в действующую конституцию вносятся квалифицированным большинством голосов, не говоря уже об отмене действующей конституции. Однако абхазские сепаратисты проигнорировали и этот принцип. Несуществующая конституция 1925 года была «восстановлена» простым большинством голосов.

Принимая во внимание, что это решение является попыткой нарушения территориальной целостности Грузии, 25 июля 1992 года Государственный Совет совершенно справедливо признал отмеченные акты недействительными и не имеющими юридической силы.

Несмотря на это, в основу всех своих последующих противозаконных действий абхазское руководство положило именно эти юридически несостоятельные акты. Вместе с тем следует подчеркнуть, что задолго до их принятия руководство Абхазии фактически неконституционным путем получило такую свободу, которая в дальнейшем превратилась в полный правовой произвол.

Речь идет об избирательном законе, принятом 9 июля 1991 года Верховным Советом Абхазии, который полностью игнорирует нормы и практику современного парламентаризма. Согласно этому закону, за абхазами (17 процентов населения) в 65-местном парламенте закреплялось практическое парламентское большинство — 28 мандатов, за грузинами (48 процентов населения) — 26 мест, за «остальными» — 11 мест.

Что это, как не апартеид де-юре, как не стремление меньшинства диктовать волю большинству, заведомо провоцируя угрозы межнациональных столкновений?

Принятие такого избирательного закона отнюдь не было случайным. Его концептуальная основа подготавливалась заранее, декларация Верховного Совета Абхазской Автономной ССР от 25 августа 1990 года «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» включала в себя, в частности, и такое положение: «В Верховном Совете Абхазской АССР обеспечено конституционное представительство нации, давшей название республике».

Теоретики-правоведы «Айдгылары» постоянно апеллируют к международному праву, силясь создать видимость нарушения Грузией его норм. На деле же именно их действия противоречат этим нормам. Например, приведенное выше положение избирательного закона грубо нарушает 2-ю, 7-ю и 21-ю статьи всеобщей Декларации прав человека 1948 года, 2-ю, 25-ю и 26-ю статьи Международного пакта «О гражданских и политических правах» 1966 года, требования других международных правовых документов, устанавливающих равенство каждого человека перед законом, равные возможности участвовать в выборах и принимать участие в управлении страной, независимо от национальной принадлежности и других обстоятельств.

Экстремисты думают по-иному, их логика — алогичность.

Ограничение политических прав человека по национальным признакам поставило проживающих в Абхазии грузин, составляющих почти половину населения, а также русских, армян, греков в явно неравноправное положение и приняло форму расовой дискриминации с практическим установлением этнодиктатуры абхазов.

Напомню, что статья 1-я Международной конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 6—7 марта 1966 года под «расовой дискриминацией» признает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни.

В соответствии с пунктом «г» статьи 2-й этой же конвенции государство обязано пресекать любые проявления расовой дискриминации и обеспечить равноправие каждого человека перед законом. Экстремисты не желают об этом даже слушать.

Вставшие на путь создания отделившегося от Грузии абхазского государства, сепаратисты не сделали ничего для уничтожения дискриминации. Напротив, часть руководства Абхазии, не остановившись перед нарушением собственной конституции, прибегла к крайней форме расовой дискриминации — политике апартеида. Опять-таки напомню: согласно статье 2-й Конвенции 1973 года «О пресечении преступления апартеида и наказании за него», апартеидом считается политика и практика, в том числе законодательного характера, целью которых являются установление и поддержание господства одной расовой группы над какой-либо другой расовой группой. Согласно этой же конвенции, апартеид рассматривается как преступление против человечества, нарушающее принципы международного права и создающее серьезную угрозу международному миру и безопасности. Абхазских же сепаратистов это абсолютно не волнует, они и ухом не ведут. Все происходит так, как в известной басне: «А Васька слушает, да ест».

После избрания господина Ардзинба Председателем Верховного Совета Абхазской АССР, кандидатуру которого на компромиссной основе поддержала вся грузинская депутация, быстро проявились его сепаратистские устремления. Это, а также совершенные им антиконституционные действия вынудили грузинских депутатов и часть депутатов от национальных меньшинств практически оставить парламент. В итоге высший ор-

тан государственной власти автономной республики — Верховный Совет и его президиум — фактически стали моноэтническими и по существу в таком качестве продолжают функционировать по сей день. Что хотят, то и делают.

По моноэтническому признаку создавались подразделения внутренних войск Абхазии. Они состоят только из абхазов и подчиняются непосредственно Ардзинба. Грузинам объявлено недоверие.

Апартеидно-дискриминационный принцип был положен и в дело кадровых назначений. Грубо нарушался закон Абхазской АССР от 17 августа 1991 года «О порядке выбора и назначения органов и должностных лиц Верховного Совета Абхазской АССР». По представлению Председателя Верховного Совета Абхазской АССР парламент назначил на пост Председателя Совета Министров Абхазской АССР человека, против кандидатуры которого возражали вся грузинская депутация и практически все грузинское население Абхазии. Однако тогда на этот факт никто не обратил внимания. Более того, незаконно, с применением вооруженной силы был изгнан министр внутренних дел Абхазской АССР — грузин, к тому же ему были нанесены физические оскорбления. Такова политическая культура и этика экстремистов. В связи с этим не могу не привести один эпизод, весьма ярко характеризующий стиль и линию поведения господина Ардзинба. Как помните, 24 июня сторонники экс-президента захватили в Тбилиси здание телерадиодепартамента. Возникла реальная угроза реставрации бывшего режима. Именно тогда мы узнали, что в Сухуми готовится штурм здания МВД Абхазии. Несмотря на всю сложность момента, я позвонил господину Ардзинба и попросил его не предпринимать этой меры, сказал, что мы способны миром уладить все спорные вопросы. Несмотря ни на что эта безумная акция была осуществлена, беззаконие, произвол и насилие все же свершились. Были нарушены конституция, закон и договоренность.

Так методично и планомерно, в обход права и морали часть руководства Абхазии проводила мероприятия, конечной целью которых были социальный взрыв и военное столкновение.

Президиум Верховного Совета Абхазии, подавляющее большинство которого составляли абхазы, присвоил себе законодательные функции, нарушив статью 13 Конституции Абхазской АССР. Президиум принял законодательные акты, противоречащие как Конституции Абхазской АССР, так и действующему законодательству Республики Грузия. Среди них — по-

становление «О законах Республики Грузия», «О денежно-кредитном регулировании в Республике Грузия», «О Национальном банке Республики Грузия» и «О банках и банковской деятельности», объявляющие эти законы не имеющими юридической силы на территории Абхазии. В действительности же все наоборот: именно принятые сепаратистами акты не имеют юридической силы.

То же самое следует сказать и о постановлении, согласно которому Совету Министров поручено взять под юрисдикцию и принять в ведение органов государственного управления Абхазской АССР предприятия, учреждения и организации союзного и союзно-республиканского подчинения, находящиеся на территории Абхазии.

Целый ряд постановлений президиума предусматривал изменение статуса, в частности, переподчинение дислоцированных на территории Абхазии воинских и милицейских частей, органов прокуратуры и внутренних дел республики.

Президиум принял дискриминационное постановление «О временном запрещении прописки граждан на территории Абхазии», согласно которому до принятия закона Абхазии «О гражданстве» была запрещена прописка тех, кто прибыл из-за пределов Абхазии. Как мы увидим дальше, абхазские власти сами же грубо нарушали этот акт, разрешая прописку гражданам зарубежных государств, членам тех наемных вооруженных банд, которые использовались в боях против грузинских войск.

Такие незаконные, антиконституционные действия, грубые нарушения прав человека, проведение политики апартеида и расовой дискриминации, попытка нарушения территориальной целостности, посягательство на суверенитет Грузии крайне обострили обстановку в абхазском регионе.

Теперь, когда за всем этим практически последовала гражданская война в Абхазии, стало ясно, что правовой произвол, столкновения, другие подобные действия были своеобразной пробой сепаратистских сил. Все это представляло собой подготовку к предельно широкомасштабному вооруженному конфликту. Так постепенно экстремизм и сепаратизм вошли в новую, милитаристскую фазу, перешли в новое негативное качество.

IV

Начиная с прошлого года, экстремистское крыло руководства Абхазии в основном возлагает все надежды на военную

силу, создание своих вооруженных сил, поиски источников и средств для приобретения оружия, осуществляет милитаристскую политику.

В сентября 1991 года глава парламента Абхазии обратился к заместителю командующего внутренними войсками СССР генералу В. С. Гафарову с просьбой об увеличении численности внутренних войск в Абхазии.

Спустя некоторое время был принят акт о переподчинении воинских частей 5482, 3687 внутренних войск МВД СССР Министерству внутренних дел Абхазии.

В течение всей второй половины года руководство Абхазии собирает сведения о наличии вооружений и боевой техники дислоцированных на территории автономной республики воинских частей.

В июне этого года Ардзинба предписывает командирам воинских частей 74545, 10933, 10935, — обратите внимание на формулировку — «В связи с создавшейся на территории Республики Абхазия чрезвычайной ситуацией и для обеспечения безопасности населения республики, личного состава и членов семей военнослужащих СНГ и Российской Федерации незамедлительно передать оружие и боеприпасы представителю внутренних войск Абхазии».

Создается «правовая» база для попытки завладеть оружием, разрабатывается проект соглашения между Абхазией и Министерством обороны Российской Федерации, которым, — цитирую тоже весьма любопытный пассаж — «Республика Абхазия передает под юрисдикцию России объекты, ранее принадлежавшие Министерству обороны СССР и КГБ СССР, а также объекты военно-промышленного комплекса и образует единое военное пространство». Со своей стороны, в соответствии с проектом соглашения, Министерство обороны России оказывает необходимую помощь Абхазии в оборонном строительстве и гарантирует ее безопасность от третьей стороны (т. е. Грузии), а также защиту государственной границы Абхазии. Этот проект, конечно, не стал действующим соглашением. Российская сторона поступила разумно, однако направление действий экстремистского крыла руководства Абхазии и его цели достаточно полно отображены в нем. Это было антиконституционное действие.

В одностороннем порядке, без согласования с руководством Грузии, Ардзинба ставит перед командующим объединенными вооруженными силами СНГ, маршалом Е. Шапошником

вым вопрос о привлечении к совместному патрулированию подразделений ЗакВО.

Не добившись каких-либо результатов, Ардзинба принимает постановление о приватизации имущества расформированной воинской части 68087 и готовит аналогичные решения в отношении других воинских частей.

Командующий войсками ПВО России дает ему согласие на использование самолетами гражданской авиации «Республики Абхазия» Гудаутского (Бомборского аэродрома). Сейчас нам ясно: Ардзинба готовил запасные позиции в предвидении такой ситуации, когда ему понадобятся дополнительные взлетно-посадочные полосы. Это была противозаконная сделка за спиной Грузии, на что не имели права ни российская сторона, ни экстремистское крыло правительства Абхазии.

По имеющимся у нас сведениям, в течение последних двух с половиной лет в Абхазии велся сбор денежных средств для финансирования пропагандистской кампании и закупки оружия. При содействии Ардзинба в автономной республике и некоторых пунктах Северного Кавказа по специальной программе осуществлялась подготовка «боевиков», готовились к войне с Грузией.

Задолго до начала военных действий на территории Грузии из прилегающих к ее границам регионов осуществлялась засылка хорошо вооруженных групп конфедерации. Они расселялись в домах местных жителей и с первых дней конфликта с войсками Грузии включались в боевые действия.

Одновременно со стороны Абхазии и известных кругов России осуществлялись мероприятия по приостановлению законной передачи Республике Грузия оружия и боевой техники.

Все это неопровержимо свидетельствует о том, что экстремистская часть руководства Абхазии уже давно взяла курс на развязывание военной авантюры и планомерно готовилась к ней.

Это же подтверждают планы террористической деятельности и диверсионных актов. У нас на руках прокламация «Возмездие» созданной в Гудаутском районе националистической «группы мести», в которой названы фамилии абхазов и грузин, подлежащих уничтожению за «предательство перед абхазским народом». Цитирую: «Абхазия, — говорится в одной из таких прокламаций, — ничего не потеряет, если не досчитается этих ублюдков». Такому цинизму позавидовали бы даже человеконенавистники-мизантропы. Экстремисты не

щадят абхазов правильной ориентации. Мы должны поддерживать их. Это соответствует общим интересам грузин и абхазов.

Теперь, когда «группа мести» перешла от слов к делу, когда составленные загодя проскрипционные списки будущих жертв этноцида залиты кровью сотен расстрелянных людей, когда Ардзинба открыто рассуждает о том, кто может быть помилован, а кто покаран, — у нас уже нет вопросов о том, с какой силой мы имеем дело.

«Я горжусь высокими нравственными достоинствами моего народа, — сказал нам Ардзинба 3 сентября в Москве, — ибо он не тронул ни одного грузинского села, ни одной грузинской семьи в Гудаутском районе». Упаси нас Бог отождествлять убийц и экстремистов с абхазским народом, но едва ли не каждый из десятков тысяч беженцев из Ахалсопели, Пицунды, Гагра, Гантнади, Леселидзе и других мест может свидетельствовать о том, как их «трогали» в этом и других районах Абхазии. Заявление Ардзинба в Москве было фарисейским.

Сепаратисты перешли все границы допустимых действий, в их сознании созрел план затопления Гальского района посредством повреждения Гальского водохранилища, что могло привести к гибели десятков тысяч людей. О существовании таких планов свидетельствуют обнаруженные в Сухуми документы.

Авторы подобных планов смотрели далеко вперед, когда — привожу цитату из напечатанной в Гудаута прокламации — «разгром врага станет неизбежен». Понятно, о каком враге идет речь. Они выдают грузин за врагов.

В июне 1992 года Совет Министров Абхазии заключил контракт с зарубежной фирмой на изготовление паспортов для граждан «Республики Абхазия». «Тираж данного изделия, — сказано в контракте, — должен быть от пятисот тысяч до одного миллиона и будет уточняться позднее».

Почему так много? Ведь население Абхазии много меньше. И почему тираж будет уточняться позднее? Чтобы установить истину, давайте сопоставим с данным контрактом еще один документ — проект постановления Верховного Совета Республики Абхазия «О разрешении по желанию граждан изменять их фамилии и анкетные записи об их национальной принадлежности». Цитирую преамбулу этого акта: «В целях предоставления гражданам Республики Абхазия свободы в выборе фамилий и анкетных записей о национальной принадлежности»...

В действительности у этого акта другая цель: механически изменить национально-демографический состав Абхазии «узаконить» укоренение на этой земле захребетных наемников и граждан других государств, заставить людей иных национальностей, не желающих или не способных променять жизнь на земле предков на чужбину, смириться с насильственной ассимиляцией, принудительным растворением в абхазском этносе. Планы колонизации Абхазии, вытеснения из нее коренных жителей рассчитаны на долгое время. А тираж паспортов будет уточнен лишь после того, как военным насилием будет расчищено «жизненное пространство» для миллиона граждан, воспользовавшихся «свободой» записаться в абхазы. Словом, абхазским экстремистам необходимо известное в истории «Лебенсраум», т. е. «жизненное пространство».

V

Среди множества политических мифов, которыми оброс конфликт в Абхазии, главенствует, пожалуй, такой: большой и сильный напал на маленького и слабого. Симпатии, естественно, отданы маленькому и слабому. Насчет нападения, кажется, все ясно. А вот с категориями силы и слабости следует разобраться.

«Время показало, что одним из просчетов нашего движения была чрезмерная ориентация на сохранение СССР», — признает один из лидеров «Айдгылары».

Эта ориентация в первую очередь проявилась в безоговорочной поддержке августовского путча 1991 года. Сепаратисты заявили о «решительной поддержке действий и мер, предпринимаемых Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР, направленных на стабилизацию политической, социальной и экономической ситуации в стране», и призвали народ Абхазии «всемерно содействовать проведению в жизнь всех решений ГКЧП» (газета «Советская Абхазия», 20 августа 1991 года).

«Объективно говоря, — продолжает теоретик «Айдгылары», — это соответствовало интересам абхазского народа в существующих исторических условиях».

Скажем иначе: по замыслам вожаков сепаратизма, их интересам соответствовала ориентация на самые реакционные силы уходящей империи, олицетворяемые главарями ГКЧП, и не только ими.

О политическом родстве господина Ардзинба с лидерами

известной группы «Союз», активнейшим членом которой он был, сказано много. Чуть меньше известно о постоянном взаимодействии «Айдгылары» с лидерами русского национального собора, парламентской фракции «Русское единство» и другими ультрашовинистическими организациями, вошедшими ныне во «Фронт национального спасения» России.

В окружении Председателя Верховного Совета Абхазии есть люди, афиширующие свои тесные связи с Жириновским, партия которого самые крупные свои активы, людские и материальные, имеет в Абхазии.

Именно об этом сказано: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Ориентация и тенденция опоры на российские круги крайне правого толка проявились и проявляются во взаимодействии с самыми одиозными членами российского парламента, инспирировавшими в Верховном Совете России принятие 25 сентября документа «По Абхазии». В то время я воздержался от публичной обоснованной оценки этих парламентских документов. Направленные, по существу, не только против Грузии, но и против Президента России и его правительства, именно они поощрили Ардзинба на срыв выполнения положений Итогового документа Московской встречи от 3 сентября.

Сейчас, когда эти имперские силы перешли в прямую атаку против политики демократических преобразований в России, что представляет серьезную угрозу и для Грузии, я считаю своим долгом вернуться к этим документам.

Одним росчерком пера их авторы придали конфликту в Абхазии новое измерение. Серьезнейшему испытанию были подвергнуты отношения между Грузией и Россией, подорваны наши усилия и действия, направленные на то, чтобы проблема пребывания российской армии в Республике Грузия решалась цивилизованно, с учетом интересов наших государств. После этих документов нам стало намного труднее регулировать межнациональные отношения, устранять напряженность там, где прежде ее никогда не было.

В свое время Верховный Совет России никак не реагировал на незаконные действия конфедерации горских народов Кавказа, представляющие прямую угрозу интересам России в регионе. А когда территория России фактически используется для агрессии против Грузии, российский парламент называет террористическую организацию «национальными и общественными организациями». Парламент закрыл глаза на то, что это преступное объединение объявило нашу столицу «зоной бед-

ствия», призывая к террору «в зоне». «Зона», в их понимании, конечно, не только Тбилиси, а все суверенное грузинское государство. Весьма сомнительную, двусмысленную позицию занял парламент. Это парадоксально, но факт.

На территории Абхазии свили гнездо реакционные организации, имеющие штаб-квартиры в Москве, но и это прошло мимо внимания парламента. Там же формировались базы, с которых осуществлялись диверсионно-террористические акты, причинявшие ущерб государствам — членам СНГ, но Верховный Совет РФ не счел нужным замечать и этого, умышленно подстрекал к событиям.

В своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября я призвал мировое сообщество поддержать демократические преобразования в России. В тот же день российский парламент принял документы, отражающие стремление использовать любой повод для ослабления исполнительной власти, положения правительства.

Крайне тенденциозное толкование Итогового документа Московской встречи 3 сентября с. г., искажение его положений явно свидетельствует о стремлении ревизовать его и направить события в нужное известным экстремистским и сепаратистским силам русло.

Непонятно (если мы не имеем дело с «политическим склерозом»), как можно требовать выполнения Московского соглашения, забывая, что ни о каком «выводе грузинских воинских формирований с территории Абхазии» речи нет в этом документе. Однако, к сожалению, именно так поступает экстремистское крыло абхазского руководства.

Чем, как не прямой ревизией Итогового документа 3 сентября можно назвать требование одновременно вывести из Абхазии вооруженные силы Грузии и «добровольческие вооруженные формирования и группы», которое было отвергнуто в ходе московских переговоров. Разве не означает это, что определенные круги ставят знак равенства между вооруженными силами Грузии и бандами наемников-диверсантов?

Участники Московской встречи помнят: речь шла об осуществлении вооруженными силами Грузии изначально заявленной задачи — обеспечения безопасности транспортных коммуникаций и границ в сотрудничестве с вооруженными силами России. По другим аспектам никакого соглашения не было.

Ни о каком полном выводе грузинских воинских формирований из Абхазии речи не могло быть, ибо мы с этим, естественно, никогда бы не согласились. Куда мы выведем свои

войска с территории собственного государства? Где здесь логика?!

Столь же неприемлемо требование ввести в Абхазию необходимый контингент так называемых миротворческих сторонних сил «для обеспечения безопасности граждан и функционирования дорог и ключевых промышленных объектов». И это исключено, ибо одним из основных положений Московского соглашения является международное признание суверенных прав Республики Грузия, как правило, на всей территории грузинского государства и, конечно, в одном из его регионов — в Абхазии. Итоговый документ допускает использование войск России в Абхазии только совместно с войсками Грузии в соответствии с нормами, принятыми в международной практике. Об иных силах ничего не говорится.

К сожалению, российские парламентарии фактически благословили интервенцию чужих банд в Грузии под «флагом миротворчества».

Естественно, мы не можем допустить посягательства на наши границы, как не можем допустить, чтобы игра на национальных чувствах завершилась прямым новым конфликтом, теперь уже между Грузией и Россией. Парламент России должен задуматься над своим решением. Никогда не поздно исправить ошибку.

В Грузии не существует русофобии и никто не ущемляет права граждан русского происхождения и в будущем не будет ущемлять их. Власти Грузии дают полную гарантию этого.

И если бы парламент России действительно был озабочен этим вопросом, то он забил бы тревогу намного раньше, когда принятый в Абхазии антидемократический избирательный закон поставил в унижительное положение не только грузинское большинство автономной республики, но и десятки тысяч русских, лишив их равного со всеми избирательного права.

О многом свидетельствует тот факт, что в проекте постановления российского парламента первоначально был пункт об уважении территориальной целостности и границ Грузии, но потом он исчез.

Российский парламент потребовал приостановить передачу Грузии вооружений и техники, забывая о том, что мы, парламент и власти Грузии, могли бы решить этот вопрос без него, так, как решали его в других республиках бывшего СССР: односторонне и однозначно, но предпочли для достижения двустороннего консенсуса действовать по-добрососедски, на основании обоюдного согласия.

Принятые парламентом России документы — мандат, выданный антигрузинскому сепаратизму и экстремизму, а главное, не только в Абхазии.

Это попытка затушевать истинные причины конфликта и увести в тень его истинные цели и вдохновителей.

Это рецидив имперской политики «разделяй и властвуй!», которая великодержавным шовинизмом стимулирует местный национализм и манипулирует им в собственных интересах.

Яснее ясного должно быть, на кого опирались, рассчитывали, надеялись, замышляя войну, «маленькие и слабые» правители Абхазии. Подстрекаемые силами имперского реванша, они бросили вызов миру в республике, в абхазском регионе, на юге России и все-таки остались ненаказанными. Им была оказана мощная политическая поддержка, чему примером служат решения российского парламента.

Абхазским экстремистам помогают не только имперские силы российского парламента. Им обеспечила надежное прикрытие инертность российской части двусторонней комиссии по контролю и инспекции, сформированной в результате переговоров 3 сентября, замалчивание ею фактов агрессии. В первую очередь, именно это дало сепаратистам выигрышный шанс внезапного штурма Гагра. Пока существуют только косвенные улики и аргументы, но мы можем предполагать, что снабжение сепаратистов новейшей военной техникой с севера осуществляется планомерно и стабильно. Но в том, что им оказывается солидная военная помощь, сегодня не приходится сомневаться. Это очевидно.

Я далек от того, чтобы утверждать: в Абхазии с Грузией воюет Россия. Однако я вправе сказать: в Абхазии с Грузией ведет войну красно-коричневая армия имперского реванша, которая теперь уже угрожает и России смещением законной власти, реставрацией тоталитарной системы.

С нами ведут войну имперские силы, реакция, использующие ситуацию в абхазском регионе Грузии для разрыва слабого звена цепи социальных явлений. Это с одной стороны, с другой, с нами ведет войну разного толка фундаментализм, который тоже жаждет реванша. И по логике ненависти, эти две крайности, сегодня как будто бы несовместимые как социально, так и политически, сходятся в одном бою против Грузии. Эти две силы, имперская и фундаменталистская, — временные политические союзники. В конечном счете они будут противостоять друг другу, однако сегодня, на данном этапе они являются опасными врагами Грузии, как вместе, так и отдельно. Их

единство призрачно, их противоречие — реальное. Политика Грузии должна предусмотреть этот фактор.

Конфедерация горских народов Кавказа была учреждена на съезде в Сухуми в ноябре 1991 года. Именно этот город с преобладающим большинством грузинского населения был провозглашен столицей фундаменталистской кавказской конфедерации. Это нелогично, парадоксально, но факт. Идеологи и теоретики этого движения пишут о том, что у конфедерации одна стратегическая цель: создание суверенного конфедеративного союза горских республик Кавказа. Такова официальная доктрина, однако иногда в своих речах они откровеннее: не скрывают, что хотят образовать горскую республику с территориальным переделом Грузии и не только ее.

У них далеко идущие замыслы. Составной частью горской конфедерации должна стать «великая Черкессия», которая, в соответствии с их планом, кроме Абхазии, должна включать определенную часть территории Ставропольского и Краснодарского краев, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и др. Такому объединению горских народов, оказывается, необходим выход к морю, не в последнюю очередь для вывоза нефтепродуктов и сырьевых материалов. Искать и отвоевывать выход к морю на территории Российской Федерации небезопасно. Конфедералисты хорошо знают это, испытали на собственной шкуре, но ведь есть Абхазия, есть Сухуми?!

Абхазия — это Грузия, однако, по их мнению, раз Грузия не Российская империя, то агрессор останется ненаказанным. Они обнадеживают себя и подстрекают абхазских экстремистов. Выходит, что заявленная ими бескорыстная братская помощь Абхазии отнюдь не бескорыстна. Ими движут далеко идущие, не совсем благие для самой Абхазии цели.

Свои цели и у абхазской этнократии. Желая сохранить источники своих богатств и влияния, она готова поделиться награбленным в этой войне со своими союзниками. В действительности этнократия жертвует иностранцам и жизненный плацдарм своего народа.

Захребетные интервенты ищут в Абхазии земельные участки, но непременно найдут могильные. Грузия не оставит своих врагов ненаказанными, и пусть услышат меня абхазы: у грузин и абхазов одна родина — Грузия. Как сказал один грузинский писатель: кто бежит от матери, тот найдет мачеху.

Чтобы не растревожить Россию, идеологи конфедерации оговаривают повышение статуса и сфер влияния республик Кавказа без нарушения территориальной целостности России.

Это политические уловки, выдуманные для успокоения северного гиганта.

В то же время вожаки фундаменталистской конфедерации конфиденциально советуют парламентам республик Северного Кавказа внести в федеративный договор такие исправления, реализация которых со временем приведет к подписанию декларации о независимости союза горских республик Кавказа, готовят «конституционную» и «правовую» базу для одновременного выхода из России и Грузии.

Над этим должны задуматься не только Грузия и ее неделимая часть Абхазия, но и парламент, президент и правительство России. Пусть никто не думает, что это региональный, локальный вопрос. Это геополитическая проблема. Это не только антигрузинское, но и в конечном счете, антирусское явление. Его антигрузинская сущность находится на поверхности событий, а антирусская — латентарна, скрыта, но со временем станет явной.

Этот фундаменталистский сценарий кое-где уже осуществляется. Имперская поддержка абхазского сепаратизма бумерангом бьет по целостности не только Грузии, но и России, ибо в соответствии с планом сепаратистов «отделившаяся от Грузии Абхазия должна присоединиться «к великой Черкессии», конфедерации горских народов, которая со своей стороны стремится к свободе и, подобно Чечне, отделению от России. Те, кого подстрекают к расчленению Грузии, берут на вооружение, цитирую, «исторические традиции освободительной борьбы горцев на Кавказе, общий религиозный, культурный и нравственный опыт горских народов Кавказа».

На первый взгляд, здесь многое приемлемо и понятно, ни исторические традиции освободительной борьбы горцев, ни культурный и нравственный опыт, ни стремление к формированию межгосударственного сообщества не вызывают у меня возражений.

Грузия тоже горная страна, грузины с определенной точки зрения тоже горцы. Идея «общекавказского дома» близка и нам. Меня удивляет лишь то, почему имперские силы России считают силы фундаментализма конфедерации своим союзником? Кто кого обманывает? Конфедералисты — имперские силы, или имперские силы — фундаменталистов-конфедералистов? Кто чьими руками намеревается без шипов сорвать в политике «розы зла»?!

Подобно многим своим северокавказским друзьям, я тоже не считаю Кавказский хребет непреодолимой преградой для

сотрудничества и консолидации. Но я не хочу, не желаю, чтобы по этому хребту проходил геополитический водораздел, надолго закрепляющий губительное для всех нас противостояние.

Мне хочется напомнить проектировщикам «общекавказского дома», кавказским фундаменталистам общеизвестную истину: сегодня Кавказ многообразный, однако почти единый хозяйственный механизм, регион многообразной, но единой кавказской культуры, одно звено евроазиатской системы геополитики. Надо беречь это историческое завоевание. Хрупкая и ранимая, как пласт животворного гумуса, эта система почти незащитима перед насильственным воздействием на нее. Уничтожается вековой пласт цивилизации — уничтожается все.

Общекавказский дом не может быть построен из камней разрушенных очагов и жилищ. Он не будет мирно существовать в атмосфере горя и ненависти, порожденных дроблением и распадом государств. Разрушение лишь тогда хорошо, когда является залогом строительства лучшего. В противном случае оно не имеет смысла.

Объединение на зыбком фундаменте сепаратизма невозможно. Фундамент должен быть прочным.

Теоретики горской республики ссылаются на пример Европейского сообщества, на данную модель. Это такой модный эклектизм и схоластика, что ее даже не стоит обсуждать. Но я все-таки отвечу им предостережением одного из главных строителей Европейского сообщества, который увидел в самом цивилизованном сепаратизме своеобразный «европейский трибализм», угрожающий превратить Европу в конгломерат мини-государств, на племенной основе ведущих экономические войны. На Кавказе такие экономические войны будут носить более острый, перманентный характер.

Европейские и американские матрицы и модели механически не могут быть применены к экономическим и политическим особенностям Кавказа. У Кавказа свой путь в будущее, и все народы Кавказа должны сыграть конструктивную, а не деструктивную роль в строительстве его будущего. Такова наша позиция.

Кавказу с его уникальной этнической культурой, тяжелым политическим и историческим наследием, широким спектром клановых и племенных связей и компонентов более угрожают негативные стороны Европейского сообщества, нежели самой Европе. Путь фундаменталистской конфедерации — не путь Кавказа в будущее.

Осетино-ингушский конфликт продемонстрировал полити-

ческий крах конфедерации народов Кавказа. Созданная по декларациям ее отцов-основателей как миротворческая организация, призванная профилактировать конфликт, она не предотвратила и не могла предотвратить столкновения двух народов, входящих в ее состав. Напротив, самой сутью и практикой своего бытия усилила это столкновение.

Конфедерация ничем не похожа на Европейское сообщество и не может быть похожей на него. Она более напоминает политическую карикатуру на него. Пусть никто не обижается на правду.

Думаю, хватит примеров, фактов и комментариев, и так ясно, как «большой и сильный» напал на «маленького и слабого». В Абхазии мы, и не только мы, имеем дело с гигантской черной, реакционной силой, пытающейся превратить Грузию и Кавказ в опытное поле для селекции новых способов и средств фундаменталистской и великодержавно-шовинистической переделки мира. Надо научно осознать действительность и рационально, конструктивно преобразовать ее. Иного пути не дано.

VI

Задаваясь вопросом «что делать?» в создавшейся ситуации, мы должны прежде всего уяснить: исчерпали ли себя все политические возможности урегулирования вопроса, продолжать ли переговоры?

Мой ответ: приоритетным должно быть мирное решение проблемы.

Способна ли политика силы увенчаться успехом? И если военный успех политики силы возможен, то для обеих сторон он адекватен почти поражению, в первую очередь, морально и экономически, особенно для абхазского народа, чьи малые жизненные и материальные ресурсы катастрофически истощаются в этой войне. Надо реалистически смотреть на действительность.

Хорошо сказал один мыслитель: часто войну начинает плохая политика, но всегда выигрывает хорошая экономика.

У экстремистов есть немало фальшивых концепций, интерпретаций проблем войны и мира в Абхазии, а также подходов к ним.

Расчет на постоянный приток людских и материальных ресурсов с Северного Кавказа — эфемерная иллюзия. Если кто и думает так, тот заранее проиграл эту войну. Идею объедине-

ния и поддержки под флагом «священной войны» востребуют только фанатики и обманутые, большая же здравомыслящая часть народов Северного Кавказа осознает губительность продолжения кровопролития.

Если рассматривать происходящие события с точки зрения политической прогностики и научной футурологии, то открывается интересная панорама. Сепаратистов и экстремистов ждет черная перспектива.

Для осуществления своих темных замыслов Ардзинба и компании уже приходится осуществлять этноцид и этническую чистку в масштабах всей Абхазии, что явно им не по силам, не говоря уже о будущих проблемах и перспективах существования такого режима, обремененного виной за преступления перед человечеством. Подобное развитие событий, по нашему мнению, практически невозможно, грузинский народ и власти Грузии не допустят этого.

Экстремисты предполагают, что победа реакции в России, успех наследников святополк-мирских и сытинских теоретически, конечно, увеличат размеры материальной поддержки абхазского сепаратизма, но такое развитие событий невозможно. Демократические силы России так легко не уступят позиции.

Таким образом, у абхазских экстремистов и в этом отношении нет больших перспектив, хотя они возлагают немалые надежды именно на этот фактор.

Даже в случае подобного развития событий российским правым придется пожинать горькие плоды. Это будет для них катастрофой не только регионального, но и национального и международного масштаба.

Используя военный потенциал, российская реакция, конечно, может, как об этом мечтают абхазские экстремисты, одолеть Грузию и силой присоединить Абхазию, ибо мы имеем дело с гигантской силой, однако, фактически, и это пустая иллюзия абхазских экстремистов. У Грузии и России хватит ума, чтобы не довести дело до такой катастрофы, упаси Бог нас от этого, но если это произойдет, то только ценой подрыва всеобщего мира и безопасности, настоящего и будущего самой России. Вряд ли мировое сообщество, ООН, членами которого являются обе страны, останутся безучастными к этому. Эта мечта экстремистов практически неосуществима. Цивилизованное человечество и международное право не допустят этого.

Нас интересует политическое, мирное, гуманное урегулирование абхазских проблем, ибо, с одной стороны, курс на

военный успех чреват огромными издержками, с другой стороны, в этой войне гибнет цвет нашей молодежи, наше будущее.

Те, будь то абхаз или грузин, для кого война — средство наживы и поле для грабежей, мародерства, захвата оружия — еще крепче запирают перед Грузией выход из кризиса. Фактически, они предают родину, наносят своей земле намного больше ущерба, нежели противники. Они провоцируют анархию и хаос, подрывают народную веру в возможность победы, идею целостности грузинского государства, усугубляют криминальную ситуацию, усиливают мафиозные структуры, препятствующие нормальному экономическому и военному строительству. У таких людей нет национальности, они дегуманизированные элементы, с ними надо жестоко бороться.

И абхазские экстремисты — граждане Грузии и подчиняются юрисдикции грузинского государства.

Поэтому они ответственны перед грузинским государством.

Надо продолжать поиски политических, разумных, мирных средств развязки абхазского узла. К сожалению, шансы мирной политики сегодня минимальны. Руками Ардзинба внешние и внутренние силы стремятся еще более обострить кризис. Эти силы хотят вместе с абхазами удушить и нас. Им это не удастся, если грузинский и абхазский народы пойдут по пути компромисса, соглашения, мира и дружбы. Это путь к храму, это путь спасения наших народов.

Реальность очень тяжелая: сегодня нарушена территориальная целостность суверенной Грузии, попораны ее рубежи, признанные в международном масштабе. Впервые за последние столетия военной силой совершено посягательство на национальную территорию, нашу землю. Грузинское население подверглось депортации. Фактически идет отечественная война с иноземными интервентами.

Ни один грузин, ни один из нас, пока жив, не смирится с тем, что происходит сегодня в Грузии. Не смирятся с этим будущие поколения, наши дети и внуки, потомки изгнанных и обездоленных.

Надо установить мир, восстановить дружбу. И если интервенты, экстремисты и сепаратисты не учтут этого, нам не остается ничего другого, как продолжать кровавую войну до последнего. Продолжать любой ценой, включая наше существование. Надо осознать, что сегодня в повестке дня вопрос о существовании.

У каждого грузина, у тысяч наших соотечественников,

изгнанных из мест, где остались их корни, нет иного выхода: или смерть, или победа! Невозможно одним ударом вышибить из нас тот патриотический, национальный, гуманный дух, который формировался и утверждался веками, становясь душой, сознанием, национальной энергией и волей нации. А это такая сила, которая может свернуть горы с места.

Если эту простую истину не понимают Ардзинба и его окружение, то мы верим, что ее понимают другие достойные представители абхазского народа, истинные абхазские патриоты.

В последнее время я несколько раз побывал в Сухуми и встречался с представителями абхазского народа. Среди них были ученые, писатели, общественные и политические деятели. Они не то что не разделяют, а осуждают экстремистский курс и реакционную политику Ардзинба, достойные сыновья и дочери абхазского народа ищут приемлемые, гуманные пути урегулирования конфликта, будущих взаимоотношений с грузинским народом, истинные абхазские патриоты считают Абхазию единой, неделимой частью Грузии и именно под этим ракурсом подходят к проблемам будущего.

С опорой именно на эти прогрессивные силы было создано временное правительство Абхазии, в состав которого вошли абхазы, грузины, русские, армяне и представители других народов, проживающие в Абхазии. Создан и успешно функционирует Комитет национального спасения абхазского народа, который возглавил известный абхазский ученый и политический деятель господин Лорик Маршания.

Глава государства, премьер-министр, парламент Грузии выразили доверие и избрали членом Кабинета министров Грузии, назначили и утвердили министром Республики известного абхазского деятеля Константина Салия. Член парламента Грузии абхазская деятельница Ада Маршания. В кризисных ситуациях люди проходят исторические испытания, именно такие силы могут восстановить вековую дружбу грузинского и абхазского народов, мы должны всесторонне поддержать их.

Верю, что серьезность ситуации осознают и руководители России, которые за последние месяцы дважды подтвердили принцип территориальной целостности Грузии и нерушимость ее границ.

Надеемся, что парламент России, экстремистское крыло руководства Абхазии и их северокавказские союзники услышат призыв Ассамблеи парламентов независимых государств к мирному урегулированию абхазского вопроса.

Мы будем продолжать апеллировать к международным институтам, ООН, другим мировым сообществам, Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, предъявляя им доказательства социальной опасности, угрожающей не только нам, но и России, и всему миру.

Основой политического урегулирования абхазского конфликта остаются для нас положения Итогового документа Московской встречи 3 сентября, и никакие наши требования неукоснительно соблюдать их никто не может признать чрезмерными и невыполнимыми, если им движет добрая воля.

Наше требование отвести вовлеченные в военный конфликт стороны на позиции, которые они занимали до 2 октября, означает:

— восстановление нарушенного принципа целостности территории и нерушимости границ. Иначе говоря, восстановление уважения к международному праву;

— признание того, что Итоговый документ Московских переговоров сохраняет силу и может служить правовой основой политического урегулирования конфликта;

— осуждение депортации тысяч наших граждан из Абхазии, уничтожения и захвата их собственности и имущества, попытки колонизации территории Грузии.

Неразумно было бы усматривать причины сепаратизма лишь в недоброй воле отдельных лидеров и происках внешних сил. Множество внутренних факторов, питавших сепаратистские настроения и соответственно готовивших почву для межнациональных конфликтов, должны быть устранены. Над этим должна задуматься вся Грузия.

Мы, как говорили, неоднократно предлагали абхазским властям начать политический диалог, однако, все решив для себя и определив цели, они предпочли разрешать противоречия средствами войны.

Мы можем и хотим наполнить существование Абхазии как автономного формирования, в рамках единого грузинского государства, таким содержанием, которое будет отвечать интересам, мечтам, ожиданиям всех населяющих ее народов.

Мы предлагаем исходить из того принципа, что невозможно защитить законные права абхазов, не гарантировав равным образом защиту законных прав грузин, армян, русских, украинцев, греков в любой сфере многонационального взаимодействия, в том числе в государственной, общественной, законодательной, экономической, культурной сферах.

Должен быть восстановлен баланс цивилизованных конституционных норм.

Мы вправе и обязаны взглянуть на проблему и с более широких позиций, сквозь призму реальных интересов народов и республик Кавказа.

Восстановив естественные хозяйственные связи, наладив торгово-экономический обмен в рамках единого экономического пространства, которое веками складывалось в этом регионе, мы можем значительно ослабить действия экстремистских деструктивных сил, лишить партии войны, питающих их источников и проложить реальные пути для более широких интеграционных процессов.

Алогично и неразумно отворачиваться от соседей, игнорируя общие интересы. Недавно руководители большой соседней страны — Турции сказали нам, что нет у нее более близкого соседа, чем Грузия. Подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, открывший качественно новую главу в многовековой истории грузинско-турецких отношений.

Такого договора с Россией у нас пока нет, однако фактически он готов, переговоры успешно продолжаются. Работают делегации. Отношения с Россией продолжают оставаться для нас важнейшим приоритетом.

Однако Россия сегодня не соблюдает данные нам гарантии охраны северных наших границ. Думаю, что соответствующие ведомства России сделают должные выводы.

Ориентация на окончательную изоляцию от России, как это предлагают некоторые политики, причинит Грузии прежде всего экономический урон, масштабы которого не поддаются исчислению. Тот кризис, который мы сейчас испытываем, — прямые последствия самоблокады, организованной прежним руководством республики.

Грузия снабжается энергоносителями, зерном, другими важнейшими продуктами в основном из России или через Россию. Российское сырье, российская продукция, российский рынок, транспорт для нас сегодня жизненно важные факторы. Такова экономическая реальность, которая находит отражение в политике, и этого нам не избежать, поэтому, говоря о российско-грузинских отношениях, мы должны хорошо проанализировать уроки прошлого, видеть настоящее и безошибочно предвидеть будущее.

И уроки прошлого, положительные и негативные, современная жизнь, сегодняшней уровень отношений двух суверенных государств, реалистическое видение будущих интересов

дают нам основание говорить о качественно новом этапе российско-грузинских отношений, новом особом отношении между двумя странами, которое будет основано на полном равенстве, добрососедстве, широкомасштабном сотрудничестве в политике и экономике, различных сферах человеческой жизни.

Пусть не пугает это слово «особое», ведь необычен путь, пройденный обоими народами на протяжении веков. Необычна эпоха, в которой нам приходится и придется жить. Необычен и вклад, который мы должны внести в борьбу за новый мировой и региональный порядок в результате сотрудничества обоих народов.

Прямо скажем: для Грузии жизненно важное значение имеют нормальные, признанные в международной практике отношения с Россией.

Однако никто не должен понимать это как односторонний процесс. Национальным интересам России также соответствуют добрососедские, дружеские отношения с независимой суверенной демократической Грузией. Если оба суверенных государства так понимают основополагающий принцип сотрудничества, то перед нами не существует непреодолимых и нерешенных проблем. Я говорил и повторяю: политика — искусство возможного, а не сфера осуществления чьих-либо субъективных, эгоистических, сепаратистских замыслов, в политике побеждает тот, кто правильно понимает это.

Я хочу подчеркнуть, что российско-грузинские добрые отношения не направлены против третьей стороны, они не противоречат, а подразумевают наилучшие и особенно добрососедские отношения с Турцией, Арменией, Азербайджаном, Украиной.

Сегодня мы закладываем основу особым отношениям с Европой и Соединенными Штатами Америки.

Результатом правильных политических отношений Грузии с Турцией и Россией является то, что абхазские экстремисты не смогли использовать против Грузии так, как они надеялись, турецких добровольцев, «турок-месхетинцев» и другие внешние силы.

Я убежден, что большое будущее у грузинско-иранского сотрудничества, принципы которого мы обсудим в Тегеране, в это сложнейшее время в ходе моего предстоящего визита.

С таких же конструктивных позиций мы подходим к строительству дружеских отношений с республиками бывшего Советского Союза — сегодня уже независимыми суверенными странами, всем миром.

Предмет нашей особой заботы — кавказский регион, отношения со странами Кавказа.

Если будет добрая воля партнеров, мы станем нужными и надежными соседями для Чечни, Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Черкессии и Адыгеи, всех народов, кому дорога кавказская земля и кавказское небо. Как сказал один писатель, мы хотим, чтобы наши связи с этими народами были такими же чистыми и неоскверненными, как снег Казбека и Эльбруса.

У нас должны быть совершенно новые отношения с республиками Средней Азии. Возьмем, к примеру, хотя бы такую страну богатейших возможностей, как Туркменистан. Наши отношения с этой страной имеют очень широкие и выгодные перспективы.

Выше я уже говорил и повторяю сейчас: у нас должны быть хорошие отношения и сотрудничество с Дагестаном, Чечней. Недавно господин Ираклий Кадагишвили находился там с миролюбивой конструктивной миссией, необходимо расширять такие контакты. Опасны не контакты, а самоизоляция и политический вакуум.

Мы придаем большое значение деловым отношениям с такими большими регионами, как Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область и т. п.

Прошу господина Тамаза Гамкрелидзе, парламентскую комиссию по внешним отношениям со всей серьезностью работать над этими проблемами. Парламент может сыграть большую роль в этой сфере.

Мы никогда не рассматривали, а тем более сейчас не рассматриваем северный край как абстрактный феномен. Входящие в Российскую Федерацию республики Северного Кавказа — наши ближайшие соседи, и ничто не мешает нам налаживать достойные нашего соседства конкретные связи, ничто, кроме этнического экстремизма и национал-патриотизма, которые всегда сеют раскол и разрыв. Но, как я надеюсь, эти препятствия преодолимы, как преодолима угроза неоимпериализма, провоцирующего конфликты в надежде вернуть утраченное господство.

Абхазский конфликт — не частный случай, а звено обширной имперской и фундаменталистской цепи, сковывающей новые независимые государства.

Теперь следует рассмотреть один, быть может, самый значительный вопрос — вопрос о государственно-правовом статусе Абхазии в составе Грузии, о будущем месте Абхазии в едином грузинском государстве. Хотя это и тема для более обширного и специального рассмотрения, в этом докладе я постараюсь вкратце изложить некоторые свои принципиальные соображения. Существуют две концепции.

Радикально настроенные абхазские деятели требуют объединения Абхазии с Грузией на конфедеративных началах; мы предлагаем им сохранение существующего сегодня автономного государства, уточнение его правового статуса в некоторых вопросах, возможно, в направлении расширения прав, на основе взаимного соглашения о рациональном разделении предмета управления и прав между органами высшей власти Республики Грузия и Абхазской Автономной Республики.

Какая разница между двумя этими подходами? Возможно ли их такое сближение, чтобы не было ничего спорного? Возможно ли наше соглашение? Вот волнующие нас сегодня вопросы.

Мы хотим не временного прекращения огня, которое может вновь повлечь за собой ожесточенное противостояние, а настоящего, полного, окончательного согласия, которое станет прочной основой установления мира и законности как в Абхазии, так и во всей Грузии.

Мы не должны избегать острых дискуссий, диалогов, публичных, нелицеприятных обсуждений по кардинальным вопросам двух этих концепций, поскольку они являются основой основ урегулирования абхазского конфликта. От их правильного решения зависит вся перспектива наших дальнейших отношений, судьба Грузии как единого неделимого государства и Абхазии как ее составной части, будущее государственного устройства и строительства Грузии и Абхазии. Думаю, конституционное решение этого вопроса может стать одним из основных условий мирного разрешения нынешнего конфликта. Вопрос этот должен решаться комплексно, логично, масштабно, с учетом мирового опыта.

Посмотрим мировую практику.

Что означают для современного мира автономия и федерация, что между ними общего и какая разница?

В первую очередь, хочу подчеркнуть, что минимум прав национального меньшинства, в том числе коренного этнического

элемента данной территории, современное международное право определяет нормой, представленной в статье 27 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года, которая в различных формах повторяется в других основополагающих международных правовых актах (Заключительный Хельсинкский акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года, Парижская хартия 1990 года для новой Европы и т. д.), создание для подобных меньшинств условий гарантий беспрепятственного пользования своей культурой, религией и языком, или культурной автономии. Культурная автономия осуществляется без всякой дискриминации представителей национального меньшинства, соблюдением их равенства перед законом, сохранением им всех прав граждан данного государства, в том числе политических и основных свобод.

Больше этого минимума, т. е. присвоение тому или иному меньшинству дополнительных, или специальных прав — внутреннее дело каждого государства и определяется конкретным положением соответствующего меньшинства в данном государстве, историческими отношениями его и основного этноса государства. Диапазон этих специальных прав достаточно широк — начиная с права создания частных начальных школ на языке меньшинства и кончая осуществлением полного контроля меньшинством над природными ресурсами региона своего проживания. Таковы основные принципы культурной автономии.

Что же касается территориальной автономии, она рассматривается как особый, исключительный случай осуществления прав этнического или религиозного меньшинства. Вместе с тем, даже в условиях самой широкой автономии, внешние сношения, оборона и финансы составляют прерогативу единого суверенного государства.

Абхазские экстремисты этого не хотят даже слышать, наш долг — терпеливо разъяснить им эту истину (политика бывшего Советского Союза и нынешней России в вопросе автономий больше исключение, нежели норма).

Во всех соответствующих международно-правовых актах подчеркивается, что осуществление меньшинством специальных прав, в первую очередь, разумеется, права на территориальную автономию, не должно создавать опасности территориальной целостности и политической стабильности суверенного государства, ограничивать права и основные свободы представителей большинства населения.

Абхазские экстремисты не уважают эту норму.

Как решается проблема меньшинств в различных государствах мира?

Должен сказать, что каждое государство по-своему решает этот вопрос в соответствии с историческими традициями, этнодемографическим, религиозным, экономическим и т. д. положением. Общее же для них то, что все эти решения помещаются между двумя упомянутыми выше моделями — минимальной (культурная автономия) и максимальной (территориальная автономия).

Максимальный вариант осуществления прав национально-го меньшинства — территориальная автономия в мировой государственно-правовой практике встречается довольно редко.

В современную государственную традицию Грузии изначала же, с объявления в 1918 году независимости, была утверждена высшая форма самоопределения — территориальная автономия — как этнического (Абхазия), так и религиозного (мусульманская Грузия, или Ачара-Шавшети), закрепленная статьей 107-й Конституции Грузии 1921 года. Подобное национально-территориальное устройство нашего государства — унитарная Грузия с двумя автономными единицами — Абхазия и Аджария — по существу не изменилось до наших дней.

Территориальная автономия, согласно мировой практике, как форма политико-административного устройства подразумевает допущение создания для части населения унитарного государства на территории ее проживания таких органов самоуправления, права которых значительно превосходят компетенцию обычных органов управления.

Опять-таки, в соответствии с мировой практикой, органам автономного управления присваивается ограниченная законодательная функция, правовой статус автономной единицы определяется законом (статусом), как правило, принимаемым органом автономной власти и затем утверждаемым органом центральной власти (парламентом).

В ряде случаев, по мировой практике, у автономной единицы имеется и своя конституция, принимаемая в установленных законодательством той страны, в которую входит эта автономная единица, рамках. Как правило, она принимается законодательным органом автономии. В таком случае мы имеем дело с высшей формой национально-территориальной автономии — национально-государственной автономией.

Именно такие автономии имеются в Грузии в лице Абхазской и Аджарской автономных республик.

Другой формой государственного политико-административ-

ного устройства, как вам известно, является федерация. Сегодняшний мир знает 20 федеративных государств, среди которых есть высокоразвитые страны как Европы, так и Америки (Германия, США, Канада и др.), так и бывшие социалистические страны (Чехо-Словакия, Югославия, Россия), а также государства Азии, Африки и Латинской Америки (Мексика, Индия, Нигерия и т. д.)

Федерация, как известно, определяется как государство, состоящее из нескольких самоуправляющихся единиц или государственных образований.

Основным отличительным признаком федерации от унитарного государства является то, что она именно состоит, подчеркиваю, из государственных образований самоуправляющихся, автономных единиц, или вся территория федерации, обратите внимание, а не лишь ее часть делится на эти самоуправляющиеся, автономные единицы.

Здесь следует отметить также, что в большинстве государств федеративное устройство не используется как средство решения национального вопроса (напр: Германия, США, Австрия и т. д.).

Я говорю об этом потому, что абхазские сепаратисты и экстремисты требуют, можно сказать, исторически беспрецедентных норм и привилегий.

Суверенная Грузия приводит свою конституцию и законодательство в соответствие с нормами международного права, а не с правовым самоуправством, субъективизмом и волюнтаризмом абхазских экстремистов.

В ряде стран субъекты федерации не имеют собственной конституции, в некоторых (напр: в Швейцарии) конституция субъекта федерации кантона вступает в силу только после санкционирования федеральным парламентом. Субъекты лишь нескольких федеративных государств (напр: Германии) имеют право в пределах своей компетенции самостоятельно принимать или изменять конституцию, но там образование субъекта федерации происходит не по этническому признаку. Я говорю это к сведению абхазских экстремистов.

Ясно видно, что между структурами автономных единиц и субъектов федерации с точки зрения присвоенных им прав существует глубокая аналогия. Эту аналогию можно продолжить: ни автономная единица и ни субъект федерации не являются суверенными. Ни одному из них не дано права выхода из соответствующего государства. Абхазские же экстремисты требуют именно этого.

Центральный (федеративный) закон повсюду верховенствует над законом местным (автономии, штата, кантона и др.). Абхазские экстремисты, наоборот, хотят поставить закон автономии над законом Грузии. Так была развязана «война законов».

Ни автономная единица, ни субъект федерации не являются субъектами международного права. Во всем мире в ведение только центральных органов как в унитарных, так и в федеративных государствах входит защита граждан от массовых волнений и стихийных бедствий, выражающаяся в неограниченных правах на введение чрезвычайного положения, применение армии, осуществление других чрезвычайных мер.

Именно этими, принятыми во всем цивилизованном мире нормами руководствовались власти Грузии, когда изменили место дислокации войск в Абхазии, но в ответ абхазские экстремисты открыли огонь.

Согласно мировой практике, федеральные органы имеют право непосредственно действовать на территории как автономных единиц, так и субъектов федерации в таких сферах, как централизация бюджетно-финансовой политики, единая валюта и налоговая система, единая таможенная система, недопущение существования внутренних валюты, товара или рабочей силы и т. д. Перечень этот можно продолжить, но, думаю, его достаточно для показа идентичности прав автономной единицы и субъекта федерации.

Это что касается схожести. Что же создает различия между территориальной автономией и субъектом федерации?

Выяснить этот вопрос необходимо в связи с разработкой программы урегулирования абхазского конфликта. Думается, из дефиниции их обоих ясно видно, что в случае автономии мы имеем дело с присвоением права на самоуправление только части территории, федеральное же устройство подразумевает деление всей территории на самоуправляющиеся автономные единицы.

Это весьма значительное положение, и оно имеет существенное значение для признания недействительными «аргументов» абхазских экстремистов.

Грузия потому и является унитарным, а не федеративным государством, что, во-первых, федерация ее конституцией не узаконена и, во-вторых, рядом с Абхазией и Аджарией на остальной ее территории по площади, населению и, что главное, по правовому статусу нет равноценных этим двум автономным республикам административных единиц. Постольку ясно, что

как бы ни определялся статус составной части Грузии — Абхазии, каким бы он высоким ни был, это не вызовет автоматического превращения Грузии в федерацию, поскольку в правовом положении остальной территории республики Грузия ничего не изменится.

Постольку, для превращения Республики Грузия в федеративное государство необходима коренная реформа существующей административно-территориальной системы страны. Такую реформу поддерживают некоторые уже разработанные проекты. Вопрос этот, думаю, может стать предметом будущего обсуждения нашего парламента, особенно в контексте разработки новой конституции Грузии.

Сейчас же следует признать, что сегодня наша страна не готова к такой реформе. Тем более, что, как выяснилось, вопрос об унитаризме или федерализме в Грузии не находится в прямой связи с определением государственно-правового статуса Абхазии. Он больше должен интересовать остальное население Грузии. И это, в итоге, может стать вопросом референдума.

Как видим, с точки зрения международных правовых норм по соблюдению прав национальных меньшинств и существующей на сегодня в мире государственно-правовой практики форма самоустройства абхазского народа в грузинском государстве удовлетворяет высшие, максимальные стандарты, и это соответствует желаниям и интересам грузинского и абхазского народов, всего населения Грузии.

Следовательно, можно заключить, что принцип федеративного устройства сегодня для нас неприемлем и неосуществим не только потому, что в таком случае Абхазии будет присвоен более высокий государственно-правовой статус, — как мы увидели, иметь статус субъекта федерации совершенно не означает иметь более высший статус, чем статус автономной республики, государственной автономии. Идея федерации сегодня неприемлема по той причине, что, в случае постановки этого вопроса, автоматически должен быть поставлен вопрос о делении всей остальной территории Грузии на такие же самоуправляющиеся единицы, или субъекты федерации (скажем, кантоны, штаты и т. д.) Между прочим, административное деление России опирается примерно на такой же принцип.

Еще раз должен повторить, что, по нашему мнению, сегодня мы не готовы к рассмотрению этого вопроса и однозначному ответу на него.

В случае, если радикально настроенных абхазских деяте-

лей действительно беспокоят правовое положение абхазского народа, его самоустройство, государственно-правовой статус, ими движут не сепаратистские устремления и политические амбиции, если они действительно не являются проводниками дальновидной и авантюристической политики общего врага грузинского и абхазского народов, то они срочно должны сесть за стол переговоров с нами и объективно, честно рассмотреть предложенные нами перспективы политического развития.

Вместе с нами должны рассмотреть они вопросы дальнейшего совершенствования прав Абхазской Автономной Республики, разделения предметов и полномочий, подведомственных центральной власти Грузии и автономной республики и не пытаться использовать для обоснования своих сепаратистских намерений неправильно, ложно понимаемый термин «дефиниция».

К такому мирному обсуждению проблемы, такому политическому диалогу мы и раньше неоднократно призывали представителей абхазских властей, но тщетно.

С этой высокой трибуны парламента я хочу сегодня вновь публично, всенародно призвать к мирному, политическому урегулированию конфликта.

Именно такое решение проблемы соответствует жизненным интересам грузинского и абхазского народов.

VIII

Сегодня в Абхазии очень сложное положение. Недостаточно предпринимать политические шаги, рассчитанные только на перспективу. Парламент, правительство, Глава государства, депутаты, комиссии, блоки, фракции обязаны принять оперативные меры, надо попытаться как можно скорее восстановить нормальный ритм жизни, использовать весь арсенал политических средств, дополнить их комплексом широких организационных, экономических, социальных мер. Все это необходимо сделать в оптимальные сроки.

Парламент Грузии утвердил новое правительство республики. Сейчас формируются стиль, формы и методы его работы.

Краеугольным камнем работы всех структурных подразделений правительства, министерств, департаментов, ведомств должно стать отношение к проблеме Абхазии. Под этим критерием мы должны подойти к оценке их работы. У всех мини-

стерств и ведомств есть неотложные дела в Абхазии, однако в первую очередь дело касается военного ведомства.

Многое следует пересмотреть с точки зрения военной стратегии и тактики. Многое требует усовершенствования. Это должно стать предметом отдельного обсуждения.

Максимально должен задействовать Совет обороны и Национальной безопасности. В чрезвычайном положении все его решения имеют силу закона на всей территории республики и на временно оккупированной территории Абхазии. Ибо оккупированные территории — неделимая часть Грузии.

Надеемся, что постоянная парламентская комиссия по национальной обороне и безопасности внесет весомый вклад в решение абхазских проблем.

Верю, что активнее будут работать депутаты парламента, избранные и направленные в парламент Грузии жителями Абхазии. Нужны повседневные конкретные дела.

Сегодня особые задачи стоят перед Министерством транспорта и его департаментами. Во что бы то ни стало мы должны воосстановить нормальное движение на железной дороге и автомобильной магистрали от Сухуми до Самтредиа. Для этого у нас достаточно сил. Правительство должно принять решительные меры в этом направлении, ибо решение именно этого вопроса стало поводом военного конфликта. Надо довести до конца начатое дело.

Прифронтовым городам — Сухуми и Очамчире нужна действенная экономическая и военная помощь. В кратчайшие сроки должна быть восстановлена подача электроэнергии и воды, доставка продовольствия, медикаментов, других необходимых продуктов, приведены в действие все важнейшие объекты и структуры жизнеобеспечения.

Министерства экономики, промышленности, топлива и энергетики, связи, торговли и материального снабжения, финансов, управления государственным имуществом, социального обеспечения, труда и отдыха и другие должны сделать все для того, чтобы создать необходимые условия для жителей Абхазии. Это жизненно важный вопрос.

Парламент, Глава государства, правительство будут судить о руководителях министерств и ведомств, их компетентности по тому, насколько они соответствуют занимаемой должности, в первую очередь, как они решают проблемы Абхазии.

Необходимо в абхазском регионе, во всей Грузии радикально улучшить охрану правопорядка, Министерства внутренних дел и юстиции, генеральный прокурор республики, информа-

ционно - разведывательная служба и другие соответствующие министерства и ведомства должны сделать все для установления порядка в Абхазии.

На Сухуми обрушивается волна мародерства и грабежей. Беззащитность сухумцев, жителей Абхазии перед преступностью усиливает охватившее их чувство безысходности и отчаяния.

Усиленные недавно военной полицией силы правопорядка в Абхазии, к сожалению, пока слабо борются с преступностью, часто сами создают проблемы. По-прежнему остается сложной криминогенная ситуация. Большие масштабы приняла вымогательство, коррупция, взяточничество, грабежи, бандитизм, террор, убийства, межнациональная рознь.

Пустые прилавки и рынки, высокие цены и низкая зарплата, тысячи других негативных явлений не дают местному населению возможности нормально жить. Об этом детально проинформировал парламент чрезвычайный государственный министр по Абхазии господин Гога Хаиндрава, который ведет большую работу в регионе.

Следует положить конец элементам анархии и хаоса в Абхазии.

Нам предстоит пересмотреть сложившуюся систему управления городом Сухуми с точки зрения ее способности вести эффективную борьбу с преступностью.

Все руководящие лица, Глава правительства, министры, руководители департаментов, ответственные за охрану правопорядка в Абхазии и по всей Грузии, должны предстать с отчетом перед парламентом.

Большие задачи возложены на временное правительство Абхазии, органы местного управления, государственного министра по Абхазии, председателей правлений и сакребуло, депутатов.

Особая задача в Абхазии поставлена перед государственными комитетами по защите прав человека и межнациональным отношениям, по делам беженцев и расселению.

Как я уже сказал, сегодня в Грузии 57 тысяч беженцев. Точнее — 56.749. Но это данные на 30 октября 1992 г. С тех пор число беженцев возросло. Они рассеяны по всей республике, размещены в санаториях, пансионатах, домах отдыха, гостиницах, в семьях родственников, просто у людей доброй воли. Несмотря на то, что была создана специальная правительственная комиссия, забота о беженцах пока не стала общенациональным и общегосударственным делом. Сама правитель-

ственная комиссия работает весьма неоперативно и поверхностно, без должного старания. Необходимо разработать и осуществить общегосударственную программу помощи беженцам. Время не терпит, народ в крайней нужде. В этом отношении мы возлагаем большие надежды на недавно созданный Государственный комитет, который возглавил господин В. Вашакидзе.

Министерству иностранных дел и соответствующим подразделениям Кабинета министров давно следовало бы привлечь к этой проблеме внимание Верховного комиссара ООН по делам беженцев, других международных институтов, поставить перед ними вопрос о выделении необходимой помощи. Следует усилить международную гуманитарную помощь.

Считаю, что по запросу депутатов парламента здесь должны быть заслушаны отчеты, доклады, информации руководителей правительственной комиссии и министерств по проблемам беженцев и не только об этом.

Большие задачи возложены на Министерство здравоохранения. Я ознакомился с тем, как у нас организовано лечение раненых. Делается многое, но все-таки недостаточно. Необходимы комплексные мероприятия, коренное преобразование работы системы здравоохранения.

И конечно же общенациональной, государственной заботой должны быть окружены семьи павших воинов. Их близкие, жены, дети, родители нуждаются в материальной и духовной поддержке, человеческом тепле.

В этом направлении большая работа предстоит системе социального обеспечения, соответствующему министерству, благотворительным организациям, всей общественности.

Большие задачи возложены на Комитет по земельным ресурсам и земельному кадастру.

Грузинская земля в Абхазии не должна быть незаконно отдана пришельцам.

Необходимо улучшить практику правильного объективного информирования мировой общественности по вопросам абхазского конфликта. Пресса, радио, телевидение, грузинская служба мировой информации должны сделать все для решения этой проблемы.

Министерство иностранных дел и другие заинтересованные ведомства должны предпринять соответствующие дипломатические шаги на международном поприще, своевременно обеспечить ООН, СБСЕ, другие международные организации соответствующими документами и информацией.

Комитет по внешнеэкономическим отношениям уже сейчас

должен позаботиться об обеспечении эффективного участия международных экономических и финансовых организаций в комплексных мероприятиях по заживлению ран, нанесенных войной в Абхазии, о стимулировании инвестирования иностранного капитала.

Большая работа предстоит в Абхазии министерствам образования и культуры. Бисмарк как-то заметил: войну выиграл сельский учитель. В этой сентенции заложена глубокая мысль.

Мы ждем от Кабинета министров, руководителей парламентских комиссий, депутатов, партий, фракций, блоков программных предложений по всем этим вопросам.

Я ознакомил вас с моим видением абхазских проблем и некоторых возможностей их решения. Для меня большое значение имеют ваше мнение, оценка, советы, рекомендации.

Заявления парламента по вопросу Абхазии — важный политический документ, и он безусловно сыграет конструктивную роль в урегулировании данного вопроса.

Думаю, у всех был и есть один взгляд: Абхазия — это Грузия. Грузия не существует и не будет существовать без Абхазии!

Таковы те рубежи и критерии, которыми мы можем обозначить пространство, содержание и перспективы нашего политического диалога.

Пусть меня услышат абхазские экстремисты: как сказал великий Важа Пшавела, мы ни у кого не отнимем родину и пусть никто не посягает на нашу.

Мы никому не уступим ни одной пяди грузинской земли в Абхазии!

Мир — Абхазии, территориальная целостность, демократический порядок — всей Грузии!

Леван СУЛАКВЕЛИДЗЕ

НАМ НУЖНА ДЕЛОВАЯ ГРУЗИЯ

Научно-техническая революция, набирающая небывалые темпы на исходе XX столетия, настолько ухудшила экологическую ситуацию почти на всей планете, что привела ее на грань катастрофы. Особенно тяжелое положение сложилось на территории бывшего Советского Союза, где подлинная деятельность заменялась пышными лозунгами. Сегодня в Грузии лозунги ушли в прошлое, и, слава Богу, что это наконец произошло. Как показала жизнь, нас, оказавшихся в бедственном положении, не спасут «высосанные из пальцев» проекты. Сегодня каждый должен заглянуть в себя и, вместе с молитвой о покаянии, добросовестным трудом попробовать залечить раны, возродить во что бы то ни стало «семь даров святой души» (любовь, радость, мир, великодушие, терпимость, благость, веру) и общими усилиями превратить нашу страну в процветающую и деловую Грузию.

Для обретения полной независимости Грузии и ее развития в первую очередь необходимо решить четыре проблемы (разумеется, при условии установления мира и спокойствия, без чего плодотворная деятельность просто немыслима), отсрочка выполнения этих решений еще более осложнит экономическое положение республики.

1. Улучшим или хотя бы сохраним на прежнем уровне сегодняшнюю экологическую ситуацию

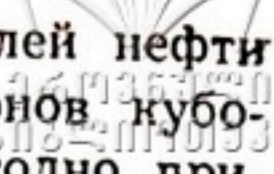
Возможно ли, чтобы грузины мечтали о свободе, не принимая во внимание дарованную милостью Божьей природу Грузии? Разве способен грузин жить в Сахаре, Каракумах или в другой столь же пустынной местности, где нет ни лесов, ни богатых пастбищ, ни гор с белым до ряби в глазах снегом на вершинах, ни чистых родников и маленьких, бурных речушек? Конечно же, нет! Это невозможно себе представить. Но

сейчас, и не только у нас, но и во многих других странах все делается (или делалось) для того, чтобы довести нашу планету до экологической катастрофы. В настоящее время существует опасность потепления климата, а значит интенсивного таяния ледников, повышения уровня моря, что приведет к затоплению значительной части прибрежной полосы, частым засухам, проливным дождям, снегопадам, наводнениям, снежными лавинами, оползням и другим стихийным явлениям; активизируется процесс исчезновения рыб и различного вида растений, распространяется эрозия земель и другие негативные последствия. Вспомним нашего великого поэта Важа Пшавела, заступника и покровителя природы, который задолго до нас сказал с болью: «Природа напоминает умирающего, хотя и не взывает: умираю, придите, люди, на помощь».

Обострение экологической ситуации нашей планеты вызвано главным образом интенсивным развитием производства (ежегодно в атмосферу выбрасывается 22 миллиарда тонн углекислоты), транспортных средств (в мире имеется 400 миллионов машин, которые ежегодно загрязняют атмосферу 500 миллионами тонн углекислоты), интенсивным загрязнением и уничтожением гидросферы, безжалостной, не знающей границ вырубкой лесов и вопиющей эксплуатацией пастбищ (175 миллионов га территории бывшего СССР заражено эрозией, именно здесь образовалась первая в Европе пустыня, площадь которой составляет приблизительно 1,0 миллионов га, которая ежегодно увеличивается на 50—60 тыс. гектаров; в Грузии эрозией заражено 500 тыс. гектаров пастбищ и 50 тыс. гектаров посевных земель). В настоящее время в республике заражено эрозией 250 тысяч гектаров пахотной земли. Безрассудное применение в сельском хозяйстве в больших количествах неорганических удобрений и пестицидов (по сравнению с 60-ми годами применение минеральных удобрений в стране накануне развала СССР возросло в 350 раз и 87 процентов земель обрабатывалось пестицидами), участившиеся на протяжении последних 30 лет аварии в химической и нефтяной промышленности (ущерб от аварий составляет 3,5 миллиона долларов; необходимо также отметить, что в первые 10 лет имело место 13 крупных аварий, в следующие — 29, а в последние 10 лет число крупных аварий по сравнению с прошлыми годами увеличилось вдвое) и многое другое.

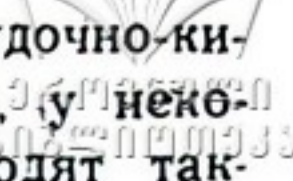
Сегодня никто достоверно не знает о последствиях пожара 500 нефтяных буровых скважин в Кувейте (погасить которые удалось только в ноябре 1991 г. с помощью 16 стран),

где ежедневно (!) сгорало свыше 3 миллионов барелей нефти (один барель примерно 160 литров) и 70 миллионов кубометров газа (для сравнения — Грузия тратит ежегодно примерно в 20 раз меньше), вследствие чего в воздух выбрасывалось 40 тысяч тонн двуокиси серы, 3 тысячи тонн окиси азота, 500 тысяч тонн двуокиси углерода и других химических элементов. По некоторым подсчетам, «кувейтский пожар» имеет лишь локальный характер — касается только региона Персидского залива, где в настоящее время вследствие растворения в атмосфере большого количества копоти резко увеличилось число заболеваний дыхательных путей, к тому же воздействие этого пожара почувствовали на себе и жители индийского штата Кашмир, отдаленного от места происшествия на 2600 километров (там выпал черный снег).

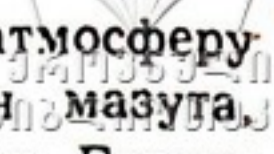
Строго засекречен и не изучается на должном уровне вопрос о последствиях интенсивного освоения космоса, в особенности использования тяжелых ракет типа «Шатл» (США) и «Энергия» (бывший СССР). Сегодня уже высказываются далеко не обоснованные соображения относительно того, что частый запуск космических кораблей (и не только их) не только влияет на климат и озоновый слой, но и воздействует на кору земли и способствует землетрясениям. Неизвестны также последствия атомных взрывов, осуществляемых в трех областях Казахстана (Семипалатинске, Караганде, Павлодаре), где проживает около трех миллионов человек, а территория полигонов составляет несколько тысяч квадратных километров. За период с 1949 по 1989 годы было произведено 467 ядерных взрывов (с 1949—1963 гг. 124 подземных; 1963—1989 гг. — 343). Полная картина воздействия этих взрывов на население неизвестна. Имеются лишь сведения относительно того, что с 1975 по 1985 гг. в Семипалатинской области в семь раз увеличилось число больных лейкемией и резко возросло количество психических больных. Вероятно, небезосновательна и тревога генетиков в связи с тем, что воздействие этих взрывов сказывается на потомстве жителей тех мест. Следовательно, многое еще требует уточнений и тщательного изучения.

Загрязнение окружающей среды и стремительные экологические изменения значительно повысили число больных аллергией (образуются все новые и новые аллергены), с воспалением дыхательных путей и пониженным гемоглобином. Женщины стали чаще жаловаться на анемию и токсическую беременность, а среди новорожденных участились случаи детской

патологии (порок сердца, заболевания мозга и желудочно-кишечного тракта). Люди жалуются на головные боли, у некоторых вдруг начинает идти из носа кровь, происходят также и другие нежелательные явления. Использование загрязненной воды в качестве питьевой привело в разных регионах бывшего Союза к увеличению численности больных кишечными заболеваниями; вообще, здесь число больных различными заболеваниями возросло в 4 раза, а в некоторых регионах в 10 раз и выше. Значительно возросла смертность, и такая хваленая, «интернациональная страна», где 2/3 внутренних вод не отвечают санитарным и экологическим нормам, занимала 48-е место в мире по продолжительности жизни, и 44-е место — по числу детской смертности (одно лишь гальваническое производство выбрасывает во внутренние воды ежегодно 50 тыс. тонн тяжелых металлов; специалисты-эксперты высокого ранга пришли к выводу, что эти вещества через тридцать лет значительно изменят генетический аппарат населения, проживающего в европейской части, и поставят его перед угрозой деградации). Частые т. н. «кислотные дожди» в некоторых регионах наносят значительный ущерб как обществу, так и природе.

В экологическом отношении незавидное положение сложилось на сегодня и в Грузии, где во многих городах (Тбилиси, Рустави, Кутаиси, Зестафони и др.) загрязненность воздуха превышает допустимую норму, так же обстоят дела и с реками: Кура, Иори, Алазани, Галидзга, Ингури, Риони, в особенности притоки — Квирила, Ткибула, Джеджора. Довольно тяжелая ситуация сложилась и на нашем Черном море. По мнению болгарских специалистов, которое разделяют их коллеги из других стран, море ожидает биологическая смерть, т. к. катастрофически понижается содержание в нем свободного водорода; количество же нефтепродуктов — выше допустимого в два раза, только Дунай выбрасывает в море ежегодно 120 тыс. тонн азота; если прежде, 40—45 лет назад, здесь водилось примерно 2,5 миллиона дельфинов, то в настоящее время их число не превышает 100 тысяч, и это несмотря на то, что с 1970 года ловля их категорически запрещена. Катастрофически уменьшились популяции ценных промысловых рыб. Нельзя не сказать и о том, что в последнее время среди отдыхающих на Черноморском побережье значительно возросли случаи заболеваний кишечника и аллергий, что вызвано загрязнением Черного моря, перегруженностью пляжей и частыми авариями канализационных сетей. В южной части Чер-

номорского побережья Грузии начало выбросу в атмосферу вредных веществ, распространению огромных пятен мазута, расползшегося от Зеленого Мыса до Кобулету, дал Батумский нефтеперерабатывающий завод, который фактически не имеет санитарно-охранной зоны.

По официальным данным Организации Объединенных Наций, на протяжении последних 20 лет в результате природных и технологических катастроф в мире погибло 30 миллионов человек, около одного миллиарда пострадали, поэтому неудивительно, что 1990—2000 гг. объявлены международным десятилетием борьбы со стихийными бедствиями.

В последнее время стало совершенно очевидно, что уничтожаемая нами природа, которую мы неустанно перекраивали и безбожно эксплуатировали, — подала «голос» и поставила нас перед решениями таких головоломок, что справиться с ними в одиночку просто невозможно. В конце концов всем пора уяснить, что не человек властелин природы, как трубили об этом долгие годы коммунисты, которые «с большими успехами» осуществляли перестройку природы еще по т. н. сталинской программе, а наоборот, природа — властелин человека, о чем еще в начале этого столетия громко заявлял в своих стихах наш гениальный поэт Важа Пшавела.

2. Увеличим мощность собственной энергетической базы

Улучшение экономического положения в Грузии немыслимо без собственной мощной энергетической базы.

В настоящее время во всех развитых капиталистических странах на каждого жителя тратится намного больше киловатт электроэнергии, чем в Грузии (2800 киловатт). К примеру, в Норвегии это составляет — 25 тысяч киловатт, в Швеции — 16 тысяч, в США — 13 тысяч, во Франции — 6 тысяч и т. д. В капиталистических странах, несмотря на все их богатство, потребности в электроэнергии ежегодно увеличиваются, их пытаются удовлетворить с помощью атомных станций. (В США 18 процентов выработанной электроэнергии дают атомные станции, во Франции — 70, Швеции — 50, Норвегии — 60, в Финляндии — 37, Японии — 29, в Южной Корее — 53, в Венгрии — 39 и т. д.), поскольку не располагают другими энергетическими источниками или же их использование с экономической или технической точки зрения пока невозможно. По милости Божьей, у нас имеется немало экологически чистого энергетического «питания», и необходимо приложить

максимум усилий для использования поверхностных и термических вод, энергии ветра и солнца, чтобы довести приходящиеся сегодня на душу населения 2,8 тысяч киловатт до 4,5 тысяч киловатт, что, естественно, потребует от нас немалых усилий. Строительство же теплоэлектростанций, что вполне осуществимо благодаря использованию имеющегося у нас каменного угля, допустимо лишь в том случае, если будут строго соблюдаться правила охраны окружающей среды от вредных дымовых выбросов. Из практики использования водной энергии (в чем мы видим основную возможность выхода Грузии из энергетического кризиса) мы должны исключить строительство высоких плотин и атомных электростанций и делать акцент только на строительстве средних и малых гидроэлектростанций. Кроме того, нужно решительно приступить к использованию в некоторых районах Грузии ветровой энергии (в особенности в горных районах, где много неплодородных земель и довольно часто бушует ветер) и энергии термических вод (особенно на юге Грузии).

Рост энергетической базы даст нам возможность сократить или по крайней мере не увеличивать поступление в республику газа. Население Грузии потребляет 1 миллиард 273 миллиона кубометров газа, и за каждые 1000 кубометров до повышения цен мы платили 51 рубль, в будущем нам предстоит расплачиваться за газ валютой. Поэтому необходимо повысить электрификацию наших предприятий, транспорта и жилых домов, что будет способствовать сокращению загрязнения атмосферы. Вследствие слабой энергетической базы осложнены не только ритмичная работа предприятий и социально-бытовые условия жизни населения, но значительно ухудшается экологическое положение в республике — для отопительных целей вырубаются леса: так, например, в Местийском, Лентехском, Онском, Амбролаурском, Кедском и Хулойском районах, по неточным данным, вырубается ежегодно почти 350 кв. м. леса.

3. Повысим урожай зерновых

Сегодня многих пугает то, что Грузия занимает небольшую территорию и что она не сможет самостоятельно себя прокормить. Действительно, с точки зрения объема производства сельскохозяйственной продукции мы занимали в бывшем Советском Союзе последнее место. Обвинять же во всех наших неудачах в деле обеспечения населения Грузии сельско-

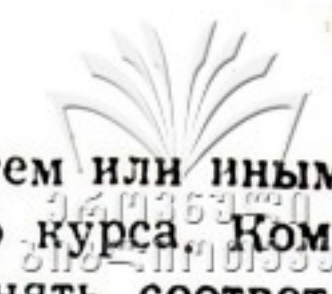
хозяйственными продуктами только наше безземелье в корне неверно. Коммунистический режим все сделал для того, чтобы подавить в людях любовь к земле и труду, чтобы к каждому делу приставить по «семь няnek», что позволяло командно-административному аппарату безбедно существовать. Наша страна по своей территории не уступает многим европейским, а также азиатским государствам, где жизненный уровень достаточно высок. Так, например, территория Грузии больше территории Дании в 1,6 раз, Нидерландов и Швейцарии в 1,7 раз, Бельгии — в 2,3 раза, Албании — почти в 2,5 раза. И, что самое главное, во многих этих странах плотность населения намного выше, чем в Грузии. Плотность населения в Бельгии и Нидерландах выше, чем в Грузии примерно в 5(!) раз. Там за последние 20 лет фермеры сумели увеличить урожай сельхозпродукции в два и более раз; например, во Франции, начиная с 1970 года, урожай зерна с одного гектара возрос с 23-х до 56,7 центнеров, т. е. в 2,46 раза, в Албании — с 12,8 до 27,5, т. е. в 2,15 раза, Нидерландах — с 32,6 до 69,8, т. е. в 2,14 раза и т. д. Что же мы, неужели не сумеем, заинтересовав крестьян, в исторически земледельческой стране прокормить себя? Необходимо приложить всяческие усилия для значительного повышения урожая производимых Грузией зерновых со 110—120 килограммов на душу населения до 300—400 килограммов, хотя для нормальной жизнедеятельности необходимо 800—1000 килограммов, тем более, что мы, грузины, являемся в потреблении хлеба своего рода «чемпионами» (европеец потребляет в год 50—60, а грузин 195—200 килограммов хлеба). Вместе с тем не стоит забывать и об исконной деятельности грузин — животноводстве, виноградарстве, плодоводстве и др. Но это не должно происходить подобно тому, как имело и имеет место в России. К примеру, стоит ли увеличивать вдвое урожай путем ежегодного использования для этих целей все новых и новых земельных участков, теряя столько же вследствие эрозии почвы и нанося вред окружающей среде? Или же, разве допустимо травить население, используя в сельском хозяйстве в неограниченном количестве ядохимикаты? Или безмерное увеличение числа комбайнов и автомашин? В России на сегодняшний день сложилась именно такая картина, где в сравнении с 1928 годом урожай зерновых возрос в два раза, а количество комбайнов и машин в 350 тысяч раз. Вследствие эрозии из строя вышли несколько миллионов гектаров пахотных земель (в данный момент на территории бывшего Союза 152 миллиона гектаров полезных

площадей заражено эрозией, из-за чего ежегодно пропадает 100 миллионов тонн гумуса). Здесь нельзя не отметить одно важное обстоятельство, в частности, причина того, что в мире ежегодно вследствие эрозии выходит из строя 6 миллионов гектаров плодородной земли, заключается в равнодушии и безхозяйственности. И на сегодняшний день свыше 30 процентов поверхности земли занимают пустыни и полупустыни. Необходимо помнить о том, что человечество теряет намного больше полезной площади (примерно 2 миллиарда гектаров), чем использует в настоящее время (около 1,5 миллиарда гектаров). Поэтому для Грузии, занимающей столь небольшую территорию, необходима в первую очередь, в целях защиты пахотных полей и природы в целом, борьба против эрозии почвы, являющейся причиной не только невысоких урожаев, но и образования размывших почв, снижения дебита грунтовых вод, заполнения ирригационных систем и водохранилищ, появления селевых очагов, повреждения транспортных дорог, образования камневых потоков и других явлений.

Без любви к земле, без бережного к ней отношения и без высокой культуры труда в сельском хозяйстве невозможно достичь ощутимых успехов. Прекрасным доказательством тому служит пример США, где в сельском хозяйстве занято 3 миллиона 100 тысяч человек, в бывшем Советском Союзе — 32 миллиона 350 тысяч (в 7,5 раз больше); если исходить из данных цифр, то бывший СССР должен производить сельхозпродукции в 7 раз больше, в действительности же производит их меньше в 1,5 раза. «Продуктивность» одного американца в сельском хозяйстве равна 35,5 тыс. долларов, а бывшего советского труженика 3,2 тыс. долларов. Этот показатель так же высок и в других развитых капиталистических странах (в схожей с Россией по климатическим условиям Канаде он составляет 31 тыс. долларов).

Сегодня для грузин настало время серьезно заняться трудом и бережно использовать данное нам природой богатство. Необходимо как можно скорее передать землю в вечное пользование настоящему хозяину — крестьянину. Процесс этот необходимо ускорить, чтобы не растерять немногочисленных тружеников села, число которых, к сожалению, с каждым днем сокращается. Новоиспеченным фермерам предстоит столкнуться с большими трудностями, им потребуется компьютеризация производства, как это имеет место в развитых капиталистических странах, где создан ряд экспертных систем, комплексных программ, с помощью которых выбирается не толь-

ко время сева, вспашки и установления диагноза тем или иным большим насаждениям, но и назначение лечебного курса. Компьютеры также дают возможность фермерам принять соответствующую информацию и обсудить прогноз погоды, положение пастбищ, лесов, почвы и т. д. и целенаправленно бороться со всяческими негативными явлениями. Одним словом, с помощью компьютеров решается множество сложных проблем.

4. Необходимо разработать и внедрить щадящую технологию использования стройматериалов

Интенсивное развитие производства привело нас к варварскому использованию природных недр и расположенного на поверхности земли сырья. Начнем с лесов, которые в не столь уж далеком прошлом занимали значительную часть земной поверхности, теперь же они занимают лишь чуть больше 40 процентов (4,3 миллиарда гектаров). Каждому человеку в течение его жизни требуется примерно 300 деревьев (журналы и газеты, спички, картон, древесный спирт, искусственный шелк, лак, краски), из-за чего в мире каждую секунду вырубается один гектар леса. В тропических лесах, известных как «легкие нашей планеты» (в этих лесах представлено 80 процентов животных и 90 процентов приматов) и занимающих примерно 70 процентов суши, ежегодно вырубается 11—15 миллионов гектаров леса, в результате чего за тот же период пустыня стала занимать площадь 6 миллионов гектаров. В бывшем Советском Союзе ежегодно «терялось» 2 миллиона гектаров леса. Во Франции в недалеком прошлом леса занимали 80 процентов территории, в конце XVIII века эта цифра упала до 14 процентов. В Индии ежегодно вырубается 1,3 миллиона гектаров леса, в Центральной Америке площадь занимаемой лесом территории в 1961—1978 гг. сократилась на 39 процентов. В Грузии только в 1911—1917 гг. было уничтожено до 344 лесов. Разумеется, наряду с вырубкой лесов ведутся и восстановительные работы, но они не компенсируют наши потери. Мы беспечно обращаемся с лесом, тогда как каждому известно, что один гектар леса обеспечивает кислородом в течение целого года как минимум 8—10 человек и что лес защищает и регулирует климат, источники, почву.

Заслуживают внимания данные, опубликованные Управлением горно-геологического ведомства Америки. По этим данным, каждый американец может пользоваться 20 тоннами недр в год, если не принимать во внимание использованные вто-

ричные материалы. Если сегодняшний уровень потребления сохранится и в дальнейшем, тогда можно сказать, что каждый новорожденный американец в течение своей жизни использует: 350 килограммов олова (машины, аккумуляторы, электроустройства и др.), 300 килограммов цинка (для получения бензина, для покрытия металлических конструкций, в химической технологии — для получения резины, красок и т. д.), свыше 700 килограммов меди (электротехника, генераторы), 15000 килограммов чугуна (пароходы, дома, автомобили, кухни), до 15000 килограммов алюминия (начиная от самолета и кончая складной мебелью и консервными банками), свыше 12000 килограммов глины (кирпич, бумага, стекло, керамика, краски), 13000 килограммов соли (для получения пластмассы), больше 500000 килограммов камня, песка, щебня, цемента и т. д. (для строительства домов, дорог). Если присмотреться к вышеприведенным цифрам и принять во внимание огромное количество населяющих землю людей, учитывая, что уровень потребления в других странах по сравнению с Америкой намного ниже, то и тогда мы будем иметь дело с значительными, тревожными цифрами, которые приводят к мысли, что в недалеком будущем наши потомки останутся без всяких недр.

Цивилизация, естественно, резко увеличивает потребность в широком использовании природных богатств, но сегодня большую тревогу вызывает использование дорогого сырья при изготовлении некачественной продукции. Как, например, можно относиться к тому, что кирпич, на изготовление которого тратится столько сырья, труда и энергии, рассыпается при перевозке или разгрузке, или взять шифер, который чуть ли не через год начинает, как сито, пропускать воду, или железные трубы, выходящие из строя от быстрой коррозии. Этот список можно продолжать до бесконечности. Значительный перерасход сырья вызван, в особенности в горах, некачественным строительством отдельных объектов, а также неверным выбором их расположения. Никто не знает, сколько леса расходуется на замену некачественного паркета, дверей, окон, что вынуждены делать многие жильцы-новоселы. Для Грузии недопустимо выбрасывать на свалку макулатуру, старые предметы из цветного и черного металла, использование неэкономичных осветительных приборов, некачественное асфальтирование дорог и т. д.

В заключение хочется отметить, что решение рассмотренных выше четырех проблем намного облегчится, если весь

грузинский народ общими усилиями, шаг за шагом, обдуманно и на высоком профессиональном уровне будет стремиться к сохранению «жизненного ритма» природы, если мы осуществим производство сельхозпродукции, строго соблюдая аграрные правила, бережно отнесемся ко всякого рода сырью. Не сумеем? — Тогда ничто не спасет нас от катастрофы! Сможем? — Тогда будущее за нами.

Гия НАХУЦРИШВИЛИ

БОЛЬШАЯ РЕДКОСТЬ

По мнению специалистов отраслей естествознания, настало именно то кризисное время, когда окружающая нас природная среда требует особого внимания и заботы. Стоит немного запоздать и можно оказаться лицом к лицу с катастрофой.

Сегодня уже смело можно сказать, что лишь в пределах некоторых поясов Земли, да и то с трудом, отыщется территория, которая занимает равную Грузии площадь и отличается подобным многообразием и богатством растительного мира. Грузия как своим географическим положением на границе Европы и Азии, так и с научной и рекреационной точки зрения представляет уникальное биоэкологическое явление. В ней находится множество старейших и редчайших эндемов и ландшафтов. Вместе с тем она является страной своеобразных и древнейших поселений и хозяйственной деятельности человека.

Вот что заявил принц Нидерландов Бернгард: «Вообще редко встречается страна, где с наделенным неповторимой красотой природным ландшафтом так поразительно соседствовал бы древнейший культурный ландшафт, где человек все еще сохранил гармоничные взаимоотношения с окружающей средой. Это богатство, такая прочная связь между природой и культурой стали большой редкостью для Европы — и не го-

вора о другом, хотя бы поэтому — мы должны их сохранить в Грузии, так как она органическая часть европейского наследия».

Ныне из-за множества причин растительному покрову Грузии угрожает уничтожение, что со своей стороны создает угрозу существованию нации. Для ее спасения необходимо сохранить естественное окружение, в котором сформировалась и развилась эта нация и которое является источником ее физического существования, одним из определяющих факторов ее материальных и гуманитарных особенностей, то есть самой сущности. Ведь растительность такой же неотделимый компонент нашего ландшафта, как, скажем, исторический памятник, без чего невозможно представить Грузию. В конце концов она еще и часть нашего древнейшего культурного наследия, которая должна стать главным предметом наших забот и действий.

В сохранении и защите естественной среды, в частности растительной сокровищницы, одно из определяющих значений имеют заповедники и национальные парки. Сегодня в Грузии, к сожалению, функционирует лишь Тбилисский национальный парк.

Судя по формальным показателям, весьма обширна сеть природных заповедников Грузии. Однако если эти заповедники в какой-то мере и служили общенародному делу, то только благодаря усилиям отдельных энтузиастов. В целом же из-за порочности советской командно-административной системы из рук вон плохо происходили защита и воспроизводство нашего растительного богатства. С самого начала в достаточной степени не были учтены некоторые важные критерии, которым должна соответствовать отводимая под заповедник территория. Таковы, например, природные условия, обеспечивающие одновременное сохранение генофондов флоры и фауны, единую охрану возможно более многообразных природных экосистем и их гармоничное взаимодействие.

Несмотря на названные и другие существенные недостатки в настоящее время все равно недопустима коренная перестройка действующей сети заповедников, ибо для каждого резервата постоянство заповедного режима — одно из основных требований его охраны. Поэтому с одной стороны необходимо принять меры для превращения отдельных фиктивных заповедников в фактические, а в пределах таких заповедников, как Рица — Авадхара, Боржоми, Аджамети, Казбеги, Тушети и некоторых других, должны быть созданы участки полного запре-

та, где естественным экосистемам будет обеспечена неприкосновенность.

Кстати, название «заповедник» в ряде случаев сыграло, можно сказать, положительную политическую роль. На некоторых территориях из-за этого не были развернуты запланированные и навязанные империей большие стройки.

В первую очередь должен быть ужесточен заповедный режим во всех существующих и особенно в столь уникальных заповедниках, какими являются, к примеру, в Восточной Грузии Лагодехский, где сосредоточена растительность почти всех поясов Кавказа, и Вашлованский, в котором сохранилась редчайшая растительность саванноидного типа, а на Западе — Колхидский, Мюсерский и Кинтришский с древнейшими образцами колхидской и средиземноморской флоры. Вряд ли можно во всем мире отыскать подобные естественные «коллекции». Прежде всего именно эти заповедники надо расширить.

В соответствии с природными условиями Грузии целесообразно создать с разной степени строгостью охраняемые территории:

комплексные абсолютные заповедники,
малые заповедные участки с эталонными экосистемами,
заповедники с режимом разного назначения,
национальные парки.

В зонах первой и второй категорий должен действовать строгий, полностью запретительный режим. В заповедниках других категорий допустимо регламентированное вмешательство, не нарушающее более или менее нормальное развитие естественного ландшафта, например, разрешение ограниченного во времени, пространстве и кратности туризма, определенной рекреационной деятельности, строго регламентированных сенокоса, выпаса животных и т. д. Но в абсолютных заповедниках туризм и рекреация недопустимы. Для них должны быть созданы условия только лишь за пределами заповедника.

Для Грузии имеет большое значение и вполне возможно превращение национальных парков в полностью или относительно неприкасаемую территорию, однако при сегодняшних условиях объявлять их абсолютными заповедниками, как это делается в некоторых странах, нельзя. Более чем желательно, чтобы такие парки отличались привлекательными ландшафтами, типичными для Грузии экосистемами, чтобы там были расположены интересные памятники истории и культуры. Национальными парками должны быть объявлены территории альпийской растительности, ледников, исторических памятников.

Всячески следует способствовать развитию конного спорта, горного туризма, горнолыжного спорта, альпинизма, созданию соответствующих инфраструктур. Это привлечет многочисленных гостей и обеспечит стране большие доходы.

Ныне тягостное впечатление оставляют те горные регионы, которые посещаются многими спортсменами и туристами, — в частности, Сванети, Хеви. В Казбегском районе, например, непосредственно на Девдоракском и Гергетском ледниках, на расположенных рядом растительных покрытиях устраиваются палаточные лагеря, вытаптывается все и вся. В результате такой «эксплуатации» уже нарушено действие самих ледников, уничтожаются редчайшие типичные для этого региона горные экосистемы и на их месте постепенно распространяются «вторгшиеся» сорняки. Процесс диффузии последних все усиливается, и, если не вмешаться, вместо богатой и редкой местной флоры здесь господствующее положение займут растения из соседних регионов.

Уже хотя бы поэтому некоторые территории высокогорья срочно должны быть объявлены национальными парками, в которых будут предусмотрены и заповедные участки. Только так можно избежать уничтожения-нивелировки горных многообразных, но в некоторых регионах обедневших экосистем.

Пользование же благами национального парка нигде не бесплатно. И когда посетители за осмотр ледника или восхождение на вершину заплатят соответствующую сумму, то они более бережно будут относиться к природе.

Особое внимание следует уделить установлению и превращению в заповедники таких ландшафтов, которые выполняют исключительно важные и специфические функции. Защита и сохранение их необходимы для пресечения дальнейшего нарушения водного режима рек, роста таких стихийных бедствий, как оползни, обвалы, как процессы эрозии горных склонов.

Грузинские ботаники считают целесообразным выделить такие заповедники и национальные парки, которые отражают многообразие природы почти всех уголков Грузии. Например, в неординарных мерах защиты нуждается колхидский реликтовый растительный мир, в прошлом широко представленный в западной части Евразии. Заповедник Ачарских гор (Хино, Кинтриши, Мтирала) будет живым музеем этих древнейших «ископаемых» растений.

Одну из значительных природных сокровищниц мирового биологического многообразия представляют собой известко-

вые экосистемы Самегрело, также являющиеся остатками природы прошлого. Создание Магани-Хобского и горы Квира заповедника сохранит для будущих поколений эти уникальные ландшафты.

С южной и северной сторон Сванетского хребта на высоте 1800—2000 метров над уровнем моря необходимо создать Национальный парк высокогорья Сванети, куда войдут замечательные как с научной, так и с эстетической точки зрения ландшафты.

Ныне фиктивный заповедник Рица должен стать частью Национального парка Бзыби, который защитит и в то же время представит многообразные ландшафты и флору северо-западной части Колхиды. Особое внимание следует уделить лесному комплексу на Колхидской низменности (включая болотную растительность), где сохранились отдельные реликты европейской флоры.

По нашему мнению, следует создать Национальный парк высокогорья Центрального Кавказони (в истоках рек Цхенисцкали и Риони), в который войдут многие интересные ландшафты Рачи и Нижней Сванети.

Горные сосновые леса Тушети в будущем должны быть объединены в национальном парке и стать заповедной территорией; статус национального парка следует дать Хеви и соседствующим с ним истокам реки Лиахви, охватывающим гору Кели, прекрасные альпийские ландшафты Трусо, Джута, Казбеги, в том числе такие ледники, как Орцвери, Абано, Девдо-раки.

В ближайшее время надо поставить вопрос Цивгомборского национального парка и Абастуманского заповедника. Разумеется, предстоящая работа потребует больших средств и не может быть проделана в краткие сроки, тем более, что ныне затруднено не то что создание новых, но и содержание и защита существующих заповедников.

Не так давно в Грузии гостил представитель Всемирного фонда защиты природы господин Удо Гирш. По поручению фонда он примет участие в организации национальных парков Грузии. Здесь же надо отметить, что фонд откликнулся на инициативу профессора Гурама Рамишвили. Уже выработана концепция создания в Грузии семи национальных парков. В ее составлении приняли участие как грузинские, так и немецкие специалисты. Всемирный фонд предусмотрел оказание финансовой помощи в столь важном для нашей страны деле.

На заседании президиума Академии наук Грузии была за-

слушана информация господина Удо Гирша о создании национальных парков в республике. Интересные и деловые предложения были высказаны грузинскими учеными.

Господин Гирш, в частности, сказал: «Если мы хотим сохранить культурные богатства Грузии, достоинство и культурное самосознание ее населения, лучший путь для этого — создание защищенных зон вместе с экологически безопасными хозяйственными зонами... Национальные парки должны сохранить в первоизданном виде важнейшие ландшафты и придать им первостепенную роль в деле улучшения благосостояния населения. Национальные парки будут способствовать совершенствованию традиционных форм хозяйствования, утверждению новых форм и развитию местных видов ремесел... Национальные парки в условиях происходящей ныне приватизации дают возможность обеспечить компактное хозяйственное развитие жизненных пространств на больших территориях и сохранение их культурных ценностей».

Если учесть, что главная задача заповедников и национальных парков — охрана естественной окружающей среды нации, то есть сохранение ее существования, ее сути и самобытности, то, по нашему мнению, следует создать независимый от других ведомств подчиненный непосредственно премьер-министру республики департамент заповедников и национальных парков.

Арсен ЕРЕМЯН

Мученик с Вознесенской улицы

Двухместный «Альбатрос», безнаказанный, уходил на запад, беглый ружейный огонь с земли вреда ему нанести не мог. Но что это?.. Прямо по курсу выскочил ему навстречу юркий «Моран», используя преимущество в скорости, врезался мотором в плоскость «Альбатроса». Через мгновение оба летательных аппарата начали стремительно падать: тяжелый австриец, за ним атаковавший его русский самолет. Наблюдавшие за драмой в воздухе, едва выйдя из шока, устремились к месту катастрофы. Там, западнее города Жолкева, в поле среди обломков самолета лежал навзничь в траве Петр Нестеров. Он первый увидел в лице зачастившего к ним разведчика реальную опасность — провал операции 3-й армии, гибель десятков тысяч солдат, — и ценой жизни своей прервал разведывательный полет австрийского лейтенанта барона Фридриха Розенталя.

Был полдень 26 августа 1914 года. Год и один день разделяли два события в жизни штабс-капитана Петра Нестерова, день его триумфа и день героической гибели. Первая в мире «мертвая петля» и первый в истории авиации таран. Два подвига на пределе сил и возможностей человека, взявшегося доказать, что в воздухе авиатору везде опора. Воздух предал его, бросил с размаха вниз, с перебитым позвоночником, бездыханного.

Оглушенные горем, обнажив головы, стояли над командиром офицеры и нижние чины.

Стиснул в руках кожаную авиаторскую каску подпоручик князь Абашидзе. О чем думал он, стоя на залитой солнцем лужайке? Может, о бренности жизни бросивших вызов небу, которое безучастно смотрело на небывалое скопление людей... А может, свидетель бесчисленных смертей на бессмысленной кровавой бойне, но так и не примирившийся с потерями, он вспомнил день на Сырецком аэродроме в Киеве...

Тогда в Петербург, в редакцию газеты «Вечернее время», ушла телеграмма следующего содержания: «Киев, 27 августа 1913 г. Сегодня в шесть часов вечера военный летчик 3-й авиационной роты поручик Нестеров, в присутствии офицеров-летчиков, врача и посторонней публики, сделал на Ньюпоре на высоте 600 метров «мертвую петлю», т. е. описал полный круг в вертикальной плоскости, после чего спланировал к ангарам. Военные летчики: Есипов, Абашидзе, Макаров, Орлов, Яблонский, Какаев, Мальчевский, врач Морозов, офицеры Родин и Радкевич».

Так триумфом завершилось заочное соперничество лучшего авиатора России с французом Пегу, также мечтавшем о лаврах первого исполнителя «мертвой петли». Соперничество, в котором успех обеспечили выдающееся летное умение, математический расчет, безудержная смелость победителя этого воздушного соревнования наперегонки со смертью. Поистине верно сказано: «Смертью смерть поправ» — «петля» указала авиаторам всего мира выход из тупика катастроф, уносивших человеческие жертвы.

Среди подписавших киевскую телеграмму — начальник 12-го корпусного авиаотряда штабс-капитан Макаров, спортивный комиссар Императорского Всероссийского аэроклуба штабс-капитан Орлов, поручики Есипов и Мальчевский (последний из 9-го корпусного)...

Меня, признаться, в этом списке больше привлекала фамилия Абашидзе. Кто он, военный летчик из далекого прошлого, именуемого героическим периодом авиации? Поиск осложнялся тем, что были неизвестны инициалы первого грузинского военного летчика. С признательностью вспоминаю помогавших мне советами и просто человеческим сопереживанием: одного из старейших летчиков страны обаятельнейшего Михаила Сергеевича Мачавариани (мне бесконечно дорога его книга воспоминаний «Глаза на юг» с теплой дарственной надписью автора), двух симпатичных пожилых дам в старинном особняке выше Кирочной улицы¹, под самой горкой, за которой громыхала железная дорога; их брат погиб незадолго до начала первой мировой войны — не смог вывести из штопора опрокинутый ветром аэроплан («мертвая петля» была тогда неизвестна), и многих других, убедивших меня, что в журналистике ценятся не только высокие гонорары.

Как мало знал я, пускаясь без нити Ариадны в лабирин-

¹ Ныне ул. Марджанишвили.

ты миллионного города. Впрочем, миллионными он стал позже, десять лет спустя, а тогда я знал одно: у летчика Абашидзе была красавица-жена. С этим зыбким ориентиром (сколько красивых женщин в Тбилиси!) включаюсь в поиск. Постепенно круг сузился, и о чудо... Захожу в очередной двор, расспрашиваю жильцов, не очень-то рассчитывая на удачу, и вдруг вышедшая на балкон незнакомая женщина говорит: «Я знаю ту, кого вы ищете!» и называет адрес.

Екатерина Николаевна открывает дверь, усаживает меня за стол под уютным абажуром и, выслушав, говорит: «Да, это мой муж. Он окончил Севастопольскую авиационную школу, в один год с Петром Николаевичем Нестеровым». Хозяйка отходит в глубь комнаты и возвращается с коробкой, со дна которой достает фотографии первого грузинского военного летчика. Еще на одной — сама Екатерина Николаевна в молодые годы, — истинная петербуржка, с толстой золотой косой на высокой груди.

— А это сестра Михаила Дмитриевича, — говорит хозяйка, протягивая портрет девушки, очень молодой и красивой. В тот вечер, перебирая старые фотографии, сличая даты на них, узнал я из рассказа Екатерины Николаевны подробности, которые тщетно искал в архивах.

Михаил Абашидзе родился в 1889 году, в семье командира Северского драгунского полка. Окончил кадетский корпус в Тифлисе и Николаевское кавалерийское училище — в те годы звание военного летчика могли получить только лица с высшим военным образованием. Осенью 1912 года Абашидзе окончил курс Севастопольской авиашколы. Одновременно на севере, в Гатчине, окончил Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу Нестеров. Случайно ли это совпадение? Думаю, нет. Оба принадлежали к числу прогрессивно мыслящих людей своего времени, горячо любили авиацию, стремились максимально приблизить ее к насущным делам. Очень скоро их дороги сошлись: весной 1913 года их зачислили в 3-ю авиационную роту, расквартированную под Киевом, неподалеку от полустанка Святошин, где размещался основной аэродром отрядов. Затем оба принимали участие в стрельбах на Дерницком артиллерийском полигоне, к которым впервые привлекались авиаторы для корректировки огня.

И еще факт, подтверждающий дружбу двух летчиков, общность их интересов. О дальних перелетах Нестерова Киев — Севастополь и Киев — Петербург в марте и мае 1914 года написано немало. Его глубокие теоретические расчеты, знание

материальной части аэроплана позволили установить ^{новые} всероссийские рекорды скорости и дальности. Долгое время было неизвестно, что Абашидзе вынашивал мечту о фантастическом перелете, на который в те годы мог решиться только авиатор богатырского размаха. Помню, как рассказал мне Михаил Мачавариани, Абашидзе в конце 1913 года задумал перелет через Главный Кавказский хребет и перегнал самолет из Киева во Владикавказ. Отсюда он собирался совершить воздушный прыжок в Тифлис, но полет был прерван из-за состояния мотора.

Начавшиеся войсковые маневры вынудили Абашидзе покинуть Владикавказ, для мирных полетов времени не оставалось (любопытно, что его идея транскавказского перелета была реализована лишь 2 октября 1917 года выпускником Кавказской авиашколы военным летчиком Е. Виташевским и в 1918 году летчиком А. Русановым и наблюдателем Н. Провириным).

С объявлением всеобщей мобилизации 3-я авиарота 23 июля выступила на театр военных действий в составе действующей армии юго-западного фронта в Галиции. В роту входили четыре авиаотряда, в т. ч. 11-й корпусный, командиром которого был Нестеров, и 12-й корпусный, где служил Абашидзе. В день объявления мобилизации он только возвратился из Сумского уезда Харьковской губернии, куда был командирован для закупки 200 лошадей.

Статья моя об Абашидзе, опубликованная в начале 60-х годов в «Вечернем Тбилиси», попала на глаза дочери авиатора Нестерова Маргарите Петровне, меццо-сопрано оперного театра Нижнего Новгорода. Она просила сообщить неизвестные подробности об отце, возможно, имеющиеся в архиве его боевого друга. К сожалению, о последнем периоде жизни Михаила Абашидзе мне было неизвестно. Вдова не распространялась о нем, и я не расспрашивал, хотя и догадывался; время было такое — хрущевская эйфория по разоблачению преступлений сталинщины пошла на убыль — о трагедиях в семьях все еще предпочитали молчать.

В редакции мы «мудро» решили отписать в Нижний Новгород, что архив летчика Абашидзе не сохранился, не обесудьте, мол, за это, но чувство неудовлетворенности и вины осталось. Оно заставило отказаться от публикации об Абашидзе в одном солидном журнале, о чем долго и настойчиво просила очень уважаемая мною его собкор.

Шли годы, другие события отодвинули облик летчика

мильностью Божьей, как называли в империалистическую крылатых сынов рода человеческого, воевавших на хрупких аэропланах с одним парабеллумом в руках, но фотографии сохранились, и тема эта будоражила сознание.

«Отречемся от старого мира...» — пели на страшном шабаше окаянных дней, унесших светлые души тех, кто, как выясняется, был солью земли. Как цветы запоздалые, приходят к нам память, покаяние, слезы и, увы, слишком поздно... Уже осудили кровавые репрессии, вернули доброе имя тысячам невинно загубленных, другие люди берутся за дело, чтобы насилие и произвол никогда не подняли голову.

Наконец я решился — позвонил знакомому генералу. Он внимательно выслушал и отреагировал как следовало: «Да, конечно. Передай о моем согласии».

Через считанные минуты передо мной лежало дело № 4749 из следственного фонда Государственного политического управления Закавказья по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и должностными преступлениями — горькая правда о последнем пути подследственного.

Абашидзе Михаил Дмитриевич, 39 лет, имеретин, уроженец Кутаисской губернии, беспартийный, бывший князь, бывший дворянин, бывший офицер царской и белой армии. Последний чин — полковник. Служил до октября 1915 года в авиационных и авточастях, с 1915 года до марта 1917 года в штабе 5-й армии адъютант начальника, профессия в авиации — летчик, в автороте — командир взвода, а позже — старший офицер. До февраля 1918 года в 5-й армии редактор газеты, позже командир автороты. В феврале попал в плен. С апреля по декабрь содержал ресторан «Прага» в Киеве. С апреля 1919 года по 1920 год — в Одессе, в Добровольческой армии штабной офицер для поручений при Главном начальнике военных сообщений вооруженных сил юга России, с ноября того же года по 1927 год заведовал отделом по делам беженцев персидского генерального консульства в Тифлисе. С 1927 года — в комитете восстановления в Ленинанкане, с декабря того же года — техник при управлении эксплуатации ЗАГЭСа.

...Взяли Михаила Абашидзе 14 апреля 1928 года в 11 часов вечера возле его квартиры на Вознесенской улице¹. В дом, где его ждали мать и жена Китти, он не вернулся.

8 мая Абашидзе было предъявлено обвинение. Тогда же,

¹ Ныне ул. Давиташвили.

с трехнедельным опозданием, был выписан ордер на арест. При обыске обнаружены и приобщены к делу золотые женские часики и серебряное кольцо с простым камнем. И еще запомнилось: обвиняемый с июля находился в центральной больнице исправдома и вещественных доказательств по делу не имелось. Оба обстоятельства, похоже, не смущали творивших суд скорый и неправый.

Абашидзе обвинили в связи в 1922 году с «военным центром» при паритетном комитете антисоветской партии Грузии в лице бывшего полковника, расстрелянного в 1923 году, а также в военном шпионаже в пользу Персии, сборе сведений о Красной Армии, использовании служебного положения во вред советской республике и отправке диппочтой за границу контрреволюционных данных. Сам он, тревожась за судьбу оставшихся дома, видно, не пытался опровергнуть эти чудовищные обвинения, да и факт пребывания в тюремной больнице достаточно красноречив, вряд ли причиной послужили кишечные заболевания, как записано в деле.

Александр Солженицын, говоря в «Архипелаге ГУЛАГ» о карающей тяжелой длани 58 статьи, писал, что шестой пункт — шпионаж «был прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок».

Как жил на широкую ногу, на деньги иностранных разведок скромный техник ЗАГЭСа Абашидзе, свидетельствует реквизированное у него при обыске серебряное колечко с простым камнем, но ненасытные жернова ГПУ уже готовились смолоть очередную жертву...

Протокол судебного заседания коллегии ЗакГПУ от 22 октября 1928 года по обвинению Абашидзе завершался коротким, как выстрел, словом «расстрелять». В левом верхнем углу обвинительного заключения злоеца подпись председателя ГрузГПУ Берия. На последнем куцем листочке дела краткая запись: «Приговор приведен в исполнение».

Я закрыл папку, потрясенный обыденной простотой этого страшного конца. Мир праху твоему, летчик Божьей милостью!

Несколько дней спустя, неожиданно для себя, оказался у знакомого дома. Стукнула парадная дверь. «Вам кого нужно?» Смотрю на спрашивающую. Хорошее лицо, участливые глаза, помнит ли она... Оказалось, помнит. «Ту статью написали

вы?». И женщина тут же, на улице, рассказала, что Екатерины Николаевны два года как нет в живых, после нее ~~ее~~ ~~никого~~ и ничего не осталось, где-то в Москве живет племянница Михаила Дмитриевича, приезжала на похороны... На этом заканчивается история семьи Абашидзе. Так считал я, но ошибся.

Этот материал был уже написан, когда, беседуя с соседкой и другом нашей семьи Анной Сергеевной, я назвал фамилию Абашидзе, и Анна Сергеевна вспомнила, как летом 1927 года отец пригласил отобедать у них дома, кого вы думаете? Абашидзе! Оба тогда работали на строительстве по ликвидации последствий землетрясения в Ленинакане. Самое удивительное то, что Абашидзе, как сказала Анна Сергеевна, бывший князь и летчик, жил на Вознесенской улице!

И если прав поэт, сказавший, что свет погасшей звезды доходит к нам через тысячу лет, то, наверное, рано ставить точку в этой удивительной и трагической истории.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

12 января в Париж отправилась делегация Грузии во главе с министром иностранных дел Александром Чикваидзе для участия в подписании Всемирной конвенции по нераспространению химического оружия.

15 января в Тбилиси прибыла правительственная делегация России во главе с заместителем министра иностранных дел России Борисом Пастуховым. Делегация была принята Эдуардом Шеварднадзе. На встрече рассматривались вопросы, связанные с подготовкой политического договора между Грузией и Россией, сроки пребывания и статус российских войск, дислоцированных в республике, а также вопросы торгово-экономического и научно-культурного сотрудничества между странами. Обсуждались также принципиальные аспекты взаимодействия России и Грузии в урегулировании абхазского конфликта.

19 января в Тегеран отправилась правительственная делегация Грузии во главе с Эдуардом Шеварднадзе для подписания договора о дружбе и сотрудничестве между Грузией и Ираном.

25 января в Москве в посольстве Республики Грузия состоялось подписание совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между правительствами Республики Грузия и Республики Индонезия.

ВСЕ, КРОМЕ ЛЖИ

С ПИСАТЕЛЕМ И ИСТОРИКОМ ТАМАЗОМ НАТРОШВИЛИ
БЕСЕДУЕТ КРИТИК РОСТОМ ЧХЕИДЗЕ

Ростом Чхендзе: Батоно Тамаз, нельзя сказать, что оригинальный жанр художественно-исторического очерка или исторического эссе, утверждение которого в нашей литературе связывают с вашим именем, не имел определенной традиции, но она явно нуждалась в усилении, углублении, совершенствовании. Если прежде работающие в этом жанре опирались лишь на «Житие Грузии», то в ваших произведениях появились исторические сведения из восточных и западных источников, в результате чего определенные отрезки нашей истории (средние века и эпоха возрождения) предстали более отчетливо... В ваших произведениях талант беллетриста и чутье исследователя прекрасно дополняют друг друга. Многие, возможно, и не помнят вашего дебюта в качестве беллетриста (хочу отметить два рассказа «Завтра в ущелье будут скачки» и «Пробуждение»), но вот где проявилась, и как успешно, ваша склонность к писательству. Похоже, не обошлось без внутреннего голоса, это он обратил вас к вашему жанру, и все же небезынтересно, что послужило толчком, какой была та первая осознанная мысль, которая помогла вам найти свой жанр.

Тамаз Натрошвили: Ваша последняя фраза, батоно Ростом, вызвала в памяти один эпизод из романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» Я не перечитывал роман лет тридцать и решил проверить себя. Взял книгу и сразу открыл ее на той странице, где описывается этот эпизод. Этот незначительный факт я воспринял чуть ли не как чудо и лишний раз убедился, что роль «толчка» в моей работе сыграл случай.

Вы помните этот эпизод из «Прощай, оружие!», когда главный герой Фредерик Генри после ранения попадает в госпиталь. Ему сообщают, что он представлен к награде. Если он докажет, что совершил подвиг, непременно получит серебряную медаль, в противном случае ему достанется бронзовая.

«Расскажите мне подробно, как было дело, — говорит ему врач Ринальди. — Совершили подвиг?» Генри отвечает: «Нет, когда разорвалась мина, я ел сыр». И он отнюдь не шутит. В предыдущей главе он говорит: «Я надкусил свой ломоть сыру и глотнул вина». Он был ранен, когда ел сыр, подвиг здесь ни при чем. Его ранили случайно, как случаен был толчок, побудивший меня к написанию моей книги.

Как-то мне попала в руки статья о наркомании и наркоманах, напечатанная в одном из русских журналов. К статье была приложена историческая справка о древнейших наркоманах — ассасинах. В наркомании я мало что смыслю и, естественно, оценить достоинства и недостатки этой статьи не мог, но информация об ассасинах показалась мне довольно беспомощной и местами неточной. Тут мне можно поверить, у меня был собран огромный материал об ассасинах, который без толку хранился и в записях и в голове.

Об ассасинах существует богатейшая литература. О них писали английские, французские, немецкие, итальянские, американские исследователи (особенно в нашем веке), а первый научный труд о них, кстати, появился в начале XVII века.

Так называемая «буржуазная наука» расценивает борьбу ассасинов против турок-сельджуков в основном как национальное движение. Так называемая «советская наука» как всегда склонна считать эту борьбу социальным движением. В Грузии было выдвинуто своего рода примиряющее положение: да, это было социальным движением, но в нем довольно четко звучали и национальные мотивы. И вот вашему покорному слуге было поручено рассмотреть эти две точки зрения, в какой-то степени противоречащие друг другу, и выступить в качестве арбитра — определить, какая из них более справедливая: бескомпромиссная точка зрения советских ученых или предположение, высказанное на грузинском языке и потому неизвестное русскоязычному читателю (легко догадаться, вердикт был предрешен заранее).

Надеюсь, вы согласитесь, миссия была не из завидных. Здесь нечего было исследовать, не над чем было ломать голову, о значительных и интересных находках и говорить не приходилось. Надо было пережевать тысячу раз написанное, общепринятое и «выпечь» обязательную, как служба в Красной Армии, диссертацию. «Белых пятен» в истории ассасинов я не нашел. Европейские и американские исследователи основательно подняли ассасинскую «целину», мне тут нечего было делать, и я предпочел дезертировать (как Фредерик Генри!).

Р. Ч.: В таких случаях можно было бы обратиться к научно-популярному жанру и написать интересное произведение, тем более, что политический террор, в котором преуспели ассасины, и вообще бурная их история имеет не только историческое и познавательное значение, но и читалась бы как «крутой» детектив.

Т. Н.: Вы, безусловно, правы, но я колебался, так как все это не имело никакого отношения к Грузии. Правда, потом все же обнаружилась зацепка: в одном из персидских источников я наткнулся на сведение, что ассасины жили в Тбилиси при Давиде Строителе и в последующую эпоху. Таким образом, их можно считать органической частью нашего прошлого. Впрочем, тут нет ничего удивительного. В XI—XII веках в Тбилиси жило немало мусульман, а вокруг них, подобно пиявкам, вилась и мятежная ассасины.

Но вышеупомянутая статья о наркоманах подвигнула меня на написание небольшого очерка об ассасинах и, чтобы заинтересовать читателя, в конце его я отметил, что, по мысли Корнелия Кекелидзе, ассасины или мулиды выведены в «Витязе в тигровой шкуре» под видом каджей.

Р. Ч.: Да, действительно, Корнелий Кекелидзе досконально исследовал эту проблему, но интересно, что вы не забыли упомянуть и Мосэ Джанашвили, который первым высказался за идентичность каджей и ассасинов. Мы ведь не очень любим воздавать должное первооткрывателям.

Я, правда, сослался на Кекелидзе, но до конца ему не верил по той причине, что поначалу, к сожалению, мне попала в руки полемического характера статья Константина Чичинадзе, в которой вышеупомянутое соображение Корнелия Кекелидзе разбито, как говорится, в пух и в прах. Честно говоря, я подпал под его влияние и настроился весьма скептически по отношению к соображению К. Кекелидзе. Вы же знаете, как пишутся полемические статьи — внимание акцентируется на недостатках и ошибках, а о положительном — ни звука. Из-за своей проклятой небрежности я удовлетворился статьей Чичинадзе и не прочитал труда К. Кекелидзе, не перечитал «Витязя...»

В процессе работы над очерком я все же решил уделить внимание спорному вопросу, но самому держать нейтралитет, то есть сказать, что существует и такое соображение, а верю я в него или нет, не имеет никакого значения.

Я ознакомился с трудом К. Кекелидзе, опубликованным в двух номерах «Мнатоби» за 1931 год, когда очерк был готов

к печати. Представьте себе, полемический запал статьи Чичинадзе показался мне сомнительным. Тогда я обратился к «Витязю...» (с которого, по правде говоря, надо было начинать). Я внимательно перечитал беседу Автандила и Фатьмы о каджах и не поверил своим глазам. Все сходилось. Каджи из «Витязя...» поразительно походили на мулидов или ассасинов, о которых мне было известно досконально все.

Первый толчок, случайный и смешной, совпал с пробуждением «внутреннего голоса», который до поры хранил молчание где-то в тайниках души, ожидая своего часа. И когда этот час настал, он задействовал, более того, отодвинул на задний план уже созревший и наполовину воплощенный замысел — исторический роман о Георгии XI, написание которого все затягивалось, потому что я увлекся сбором материала и собрал гораздо больше, чем требовалось для романа. Таким образом, исследователь победил потенциального романиста, что, впрочем, никаких комплексов во мне не породило. Я еще не теряю надежды вернуться к своему замыслу, конечно, «коль смерти не время за мною».

Так что главным и решающим является «внутренний голос». Толчка и случая можно ждать бесконечно, если человек не хочет перейти с одного берега реки на другой, сколько его не толкай, он не ступит в воду.

Таким образом, я видоизменил несколько последний абзац упомянутого выше очерка так, чтобы чувствовалось мое отношение к соображению К. Кекелидзе. Но когда очерк пошел в печать, по техническим причинам его пришлось сократить, и я пожертвовал именно этим последним абзацем, отложив на будущее исчерпывающее освещение этого вопроса и по возможности более доказательное подтверждение соображения выдающегося грузинского ученого на основе новых материалов. Мне кажется, вполне естественное желание. Если не продолжить мысль своего предшественника, не шагнуть хотя бы чуть-чуть вперед, не оставить собственный след, истинно исследовательский труд теряет всяческий смысл.

Тем временем редакция журнала «Дроша» решила открыть на страницах журнала историческую рубрику, которую назвали «Одна строка летописи». Вести ее поручили мне. Это означало, что я должен был раскрыть ту или иную лаконичную фразу из «Жития Картли», дополнить ее новыми материалами из зарубежных источников. Первый очерк был создан по этому принципу, и я решил не менять установившейся традиции. Так постепенно создавалась книга, которая получила на-

звание «От Машрика до Магриба». Было бы неблагодарностью не вспомнить тогдашнего директора издательства «Ганат-леба» Хуту Берилава, усилиями которого книга увидела свет (с тех пор прошло почти двадцать лет, а вы помните, наверное, что в то время историческую литературу не особенно жаловали).

Р. Ч.: Ваша вторая книга «Год один и тысяча» такого же типа и строения, она является как бы продолжением первой. Разница лишь в том, что в книге «От Машрика до Магриба» сам процесс исследования скрыт от глаз читателя. Ваши поиски в большинстве случаев остаются вне очерка, композиционное построение опирается на окончательные выводы и находки. Во второй же книге на первом плане — процесс исследования, органически слившийся с композиционным строением. Все это подается увлекательно и экспрессивно, оставляет сильное впечатление, и можно сказать, является одной из характерных особенностей вашего стиля.

Т. Н.: Разговор об ассасинах или мулидах напомнил мне один вопрос, в частности, вопрос о рамках научной этики. Надо отметить, что наши представления о нравах и обычаях других народов, об их культурных ценностях в большинстве своем дилетантские. Подлинными знаниями обладает лишь специалист своего дела. Хорошо бы не расставаться с энциклопедическим словарем и знать все обо всем, но разум обыкновенного человека не может объять необъятное. Поэтому очень часто положительные или отрицательные черты нашего национального характера мы принимаем за свои собственные и очень гордимся своей избранностью или наоборот страдаем из-за собственного несовершенства.

Мы вот считаем, что охаивание коллеги это только наш грех. А зря. Возможно, у нас оно приняло гипертрофированные формы, но от этого, мне кажется, суть его не меняется.

Вспомним, к примеру, известного американского писателя Джона Стейнбека, который, рассуждая о рыбной ловле в своем «Американском дневнике», довольно прозрачно намекал: у меня никогда не возникало желания изловить какое-нибудь чудище — символ рока и доказать свою мужскую доблесть в титанической схватке с огромной рыбиной (безусловно, здесь имеется в виду «Старик и море» Хемингуэя).

Тот же Стейнбек говорил: в молодости я, мол, хорошо знал Сан-Франциско. Начинаящий писатель, я ютился на чердаках, в то время, как другие подвизались в Париже в качестве «потерянного» поколения. Тут, на мой взгляд, содержится на-

мек на Фицджеральда и Хемингуэя. А если вспомнить их не совсем мирные взаимоотношения, картина окончательно прояснится.

Можно привести массу подобных примеров и из других областей человеческой деятельности.

Так что то, о чем пойдет речь ниже, лишь условно можно назвать «нашей традицией».

Критические замечания Виктора Нозадзе и Константина Чичинадзе в адрес упомянутого положения Корнелия Кекелидзе характеризуются острым полемическим задором (в чем ничего предосудительного нет), но вместе с тем грешат явной односторонностью. Критический акцент перенесен на интерпретацию одного из стихов Руставели. Кекелидзе считал, что в нем допущена ошибка, и относил ее за счет переписчика позднего периода, который не мог ничего знать о мулидах. Но даже невнимательному глазу видно, что этот вопрос для Кекелидзе не основной. Гораздо подробнее он касается общих признаков, характеризующих каджей из «Вепхисткаосани» и аламутских мулидов. Но критики, почему-то проигнорировав аргументы ученого, все внимание перенесли на сравнительно сомнительный пункт его положения.

В одной из своих книг Виктор Нозадзе выносит такой приговор положению Корнелия Кекелидзе: «Это недобрая игра, а не научный поиск. Это безответственность, достойная порицания, поскольку она несет только вред».

Такое безоговорочное отрицание положения Кекелидзе со стороны именно Виктора Нозадзе более чем удивительно. Ведь в труде «Богословие в «Витязе в тигровой шкуре», изданном десять лет спустя, он утверждает следующее: «Царство каджей в «Вепхисткаосани» несомненно историческая страна, и именно в этом направлении должен вести поиски тот, «кому под силу сделать это».

Приняв положение Кекелидзе, можно смело утверждать, что к каджам и стране каджей из «Витязя...» гораздо ближе стоят мулиды и Аламут, нежели те племена и страны, перечень которых, как возможный вариант, предлагает Виктор Нозадзе.

Я уже говорил и сейчас повторяю, что каджи и Каджети — это не видоизменение утвердившихся этнико-географических названий, а прозвище какого-то народа и его страны. «Не каджи, а люди», — говорит Руставели, и самое лучшее довериться автору поэмы.

Как видите, и выдающиеся ученые не застрахованы от субъективности.

Р. Ч.: Мы несколько отклонились от темы, но я намеренно не прерывал вас. Во-первых, разговор о научной этике сам по себе интересен, а во-вторых, подобные отступления характерны для вашего стиля, и в беседе они, естественно, дали о себе знать. В конце концов ассоциативные переходы лишь внешне выглядят отклонениями от основного вопроса, на самом же деле никакие это не отклонения.

Т. Н.: Что касается вашей оценки моей деятельности, которую вы дали в начале беседы, мне кажется, она преувеличена, и тем не менее благодарю. Я вообще вам верю как критику (при этом я — не исключение), хотя нам приходилось горячо спорить по разным поводам, и каждый оставался при собственном мнении. Но это нормально. Здоровая дисгармония порой предпочтительнее искусственно утвержденной гармонии. На сей раз спорить не буду...

Сейчас я скажу азбучную истину, но только потому, что она прозвучит здесь очень к месту. Чего скрывать, любой добросовестный автор ждет беспристрастной оценки своего труда. Ждет критических замечаний, дабы предусмотреть их в будущем.

Р. Ч.: Можно не согласиться с критическим замечанием, но в дальнейшей работе волей-неволей будешь думать о нем. И оно обязательно пригодится.

Т. Н.: Безусловно, а когда беспристрастная оценка, чтобы не сказать больше, оказывается позитивной, автор испытывает естественное чувство радости, что дает стимул к дальнейшей работе. Упаси нас, Боже, от демагогических выпадов, но объективного мнения и критических замечаний профессионалов мы обычно жаждем как манны небесной.

И если на твоё произведение никто не откликнулся, никто не высказал своего мнения, тебе остается утешиться строкой Галактиона: «Кто услышит твой зов? Кто поверит ему?»

Похоже, все это напоминает сетования, бессмысленные и безадресные. А ведь «сетование» такое слово, что неудобно его разменивать на мелочи. Когда говоришь о сетовании, в первую очередь вспоминаешь «Сетование меча» Важа Пшавела.

Между сетованием и жалобой огромная дистанция. За жалобой видишь и придавленное, забитое благородство, и творца перекошенной истины. Совсем другое — сетование. Оно напоминает траву, обреченную на покос, или овцу, брошенную на съедение волку. Сетование не кричит, оно застенчиво и роб-

ко. Каждое слово имеет отведенное ему место, как все живое и неживое в природе. Прекрасно сказал Отар Чиладзе в одном из своих стихотворений: «Дорогая! У слова есть своя ценность, мера и вес, запах и цвет, и оно, подобно всем нам, смеется, плачет, мечтает, поет!».

Слово «сетование» заряжено таким чарующим семантико-фонетическим соответствием, что о лучшем и мечтать не надо. Недаром Тамаз Бибилури назвал свой прекрасный рассказ этим благословенным словом. В рассказе говорится о трагедии грузинской матери, потерявшей своего единственного сына в пожаре второй мировой войны. Кончилась война, прошли годы, а мать все ищет сына. Не знаю, как другие, но на меня рассказ Тамаза Бибилури производит столь же сильное впечатление, что и Баллада о юноше и тигре.

Р. Ч.: На меня тоже. В этом и заключается талант писателя — заставить читателя почувствовать ужасы войны, описывая не массовые боины и концентрационные лагеря, а рассказывая о гибели одного парня, но доводя этот рассказ до такого обобщения, что читатель всем своим существом осознает страшную природу войны.

Т. Н.: Будь я автором этого рассказа, непременно взял бы в качестве эпиграфа строку из Баллады о юноше и тигре: «И ходила мать, обливаясь слезами». (Может быть, это показалось ординарным писателю).

Вот мы говорим то об истории, то о литературе, наверное, потому, что они родственны друг другу.

Я слышал, Гамлет Гонашвили, выдающийся исполнитель народных песен, считал себя обделенным судьбой, потому что не мог петь на оперной сцене.

Р. Ч.: Психологически Гамлета Гонашвили можно понять. Не то что он, сам Уильям Фолкнер (не только же вам поминать американских писателей!) считал себя посредственным поэтом и мечтал о поэтическом даре, тогда ему не пришлось бы писать такие длинные романы. И Гамлет Гонашвили, несравненный певец, достиг вершин в своей области... Между прочим, в ваших словах о том, что «исследователь победил писателя» мне послышалось определенное сожаление. Не случайно и то, что вы упомянули о своем замысле — историческом романе о Георгии XI, который так и остался неосуществленным. Может быть, скажем так: вам трудно вернуться к беллетристике, нелегко преодолеть столь длительную паузу. В таком случае лучше всего, наверное, обратиться к биографической (документальной) прозе. Здесь уже нет оснований опа-

саться, что исследователь победит беллетриста. Трудно сказать с уверенностью, успешно ли пойдет работа над историческим романом, если вы решитесь осуществить свой замысел, но вот то, что вы до сих пор не взялись за написание биографического романа, меня удивляет. Потому что я уверен, это, как и художественно-исторический очерк, также ваш жанр.

Т. Н.: Кто-то уже сказал, что все жанры хороши, кроме скучного!

Чем же исследовательский хуже писательского?

Р. Ч.: Именно этот вопрос я собирался задать вам.

Т. Н.: Ромен Роллан писал: что было более великой победой — Аустерлиц Наполеона или Девятая симфония Бетховена? Парадоксальное сравнение! Но зерно истины в нем есть. Действительно, что для человеческого слуха, сердца и разума: Аустерлиц, когда есть Девятая симфония! В этом незакономерном противопоставлении Ромен Роллан отдает предпочтение, конечно, Девятой симфонии. Разумеется, это весьма далекая аналогия, и масштабы, естественно, не те, я только хотел отметить ценность нового подхода, новой точки зрения и в этом случае считаю, что писатель и исследователь равны.

Из множества примеров приведу только один, небольшой фрагмент из блестящего рассказа Томаса Вульфа «Потерянный мальчик». Герой рассказа Юджин приезжает в родной город, где родился и вырос и где похоронен его старший брат.

Р. Ч.: Он приходит в дом, где они жили лет двадцать назад, и вместе с новой хозяйкой обходит его, воскрешая как бы навсегда утраченное прошлое. В одной из комнат он останавливается несколько дольше и говорит хозяйке дома: здесь умер мой старший брат... Простите, что я прервал вас. Не знаю, зачем вам понадобилось вспоминать «Потерянного мальчика», но я так люблю этот рассказ, что не смог удержаться.

Т. Н.: Все именно так. Хозяйка сперва ничего не говорит, а потом спрашивает: в этой комнате? Юджин утвердительно кивает головой. Так я и знала, — говорит женщина и снова спрашивает: — От чего? — От тифа. — коротко отвечает Юджин. Женщина вздрагивает, на лице ее отражается тревога, и у нее невольно вырывается: два моих брата спят в этой комнате! Юджин успокаивает ее, говорит, что с тех пор прошло много времени и вряд ли спать в этой комнате опасно.

Не знаю, придуман Вульфом этот диалог или взят из жизни, в обоих случаях это счастливая находка писателя — психологическая точность, выверенная до грамма.

Провидение порой дарит минуты счастья и исследователю, увлеченному своим делом.

Работая над статьей о Пастернаке, я воспользовался одним фактом, который приводит в своей книге Гия Маргвелашвили: в 1922 году Павле Ингороква привез из Москвы только что вышедшую книгу Пастернака и с восторгом рассказал о ней своим друзьям. Случилось так, что в 60-е годы Гия Маргвелашвили именно с Павле Ингороква посетил могилу Пастернака в Переделкине, и вот маститый грузинский ученый прочел на память стихи поэта из книги, которую приобрел сорок лет назад, поразив тем самым своего попутчика. Наверняка Павле Ингороква подарил эту книгу какому-нибудь поэту, своему другу, и больше никогда не возвращался к ней (было ли у него время для этого?). Только ли редкой памяти и любви к поэзии он обязан был тем, что сумел прочесть на могиле поэта стихи сорокалетней давности?

Вы наверняка обратили внимание, в строках Паоло Яшвили, обращенных к Ингороква, содержится некая тайна: «Брат, Ингороква! Прежде поэт, а потом сострадатель великого прошлого!» В них есть тайный смысл. Чутье исследователя подсказало вам, что в юности Павле Ингороква писал стихи. Для предположения и этого достаточно, отмечаете вы в своей статье, не удовлетворившись, однако, предположением, ибо предположение — только лишь наша собственность. Поэтому вы попытались полностью раскрыть тайну, и вот превосходный результат — сам Павле Ингороква признается: конечно же, я писал стихи, но для себя, никогда не думая об их публикации. Оказывается, стихи Ингороква читал Паоло Яшвили, и они ему очень нравились, он даже поощрял его к их публикации. Потом Ингороква бросил писать стихи, чувствовал что поэт из него посредственный. Даже не сохранил их в архиве. Вот это — находка исследователя, собирание отдельных точек в одну общую картину и превращение предположения в бесспорную истину.

Р. Ч.: Чего-то вроде этого — восстановление картины путем собирания отдельных, часто весьма отдаленных друг от друга точек — в ваших обеих книгах предостаточно, но мне бы хотелось вспомнить, как вы доказали истинность предположения о том, что царь Луарсаб II стал жертвой интриги Георгия Саакадзе (это пытались сделать многие исследователи, не тцетно!). По наущению Георгия Саакадзе Шах-Аббас казнил Луарсаба, а ведь приглашая того в Исфаган, он не думал губить его. Вокруг этого эпизода в грузинских и зарубежных

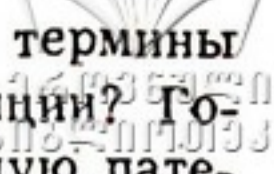

источниках — расхождения. Одни связывают гибель Луарсаба с именем Георгия Саакадзе, другие смерть царя объясняют совершенно иными причинами. Время, отделяющее нас от тех событий, поглотило бы истину, если бы не ваш, я бы сказал, талант детектива, способность выявлять скрытые нюансы. Проведенное вами следствие по раскрытию убийства имеет не только научное, но и общественное значение, и умалчивать о нем было бы неправильно... Или же возьмем тот факт, что благодаря вашим разысканиям перестали быть тайной тщательно скрываемый в свое время приезд в Грузию Болдуина II, правителя основанного крестоносцами в Палестине Иерусалимского царства, и его private переговоры с Давидом Строителем. Основной темой переговоров были затруднения, которые испытывали крестоносцы, и просьба к грузинскому царю о помощи и союзнчестве. Глубоко изучив тогдашнюю общественно-политическую обстановку, познав внутреннюю логику явлений, вы не только подтвердили истинность свидетельства Иоанэ Батонишвили, относящегося к более позднему времени и вызывавшего определенное сомнение, но, обобщив его, определили соответствующее ему место в нашей истории.

Вообще история Грузии в ваших художественных очерках воспринимается не патетически, не даже романтически (впрочем, внутреннее романтическое видение характерно для ваших поисков и придает им своеобразный оттенок), что заметно отличается от общего стиля нашей беллетристики, ставшей уже классической, и близко к восприятию нашей истории, утвердившемуся после 50-х годов, — не замалчивание отрицательных черт национального характера и бытия, беспристрастное выявление ошибок, острый критический пафос и пр... Одним словом, романтическое представление сменилось реалистическим. Творец уже испытывает влияние настроений эпохи, точнее стремление к многообразию. Обязательная стилистическая черта: есть одна точка зрения, интересно, какова будет иная... Иная, но ничем не лучшая. Убежден, если бы история Грузии не была осмыслена романтически, некоторые реалистические писатели, и вы в том числе, представили бы картины прошлого именно в романтическом плане, именно в такой манере.

Т. Н.: Похоже, романтику и патетику вы не особенно жалеете. Оставим мои очерки: я писал, как писалось, с полным безразличием к старым или новым традициям.

Меня более интересует самобытность понятий и их влия-

ние на нашу психику. Может быть, мы понимаем эти термины не однородно и надо бы заранее выяснить наши позиции? Говоря о «патетике», вы, возможно, имеете в виду ложную патетику, а то патетика как таковая вполне приемлема на своем месте и в свое время. Материал сам диктует стиль — будь то романтический или реалистический. И романтика, и патетика хороши, но только в меру. Так, кажется, и называлась одна из статей Томаса Манна — «Достоевский, но только в меру».

Человек может соскучиться и по сентиментализму, если он подается в умеренных дозах. Лет двадцать назад всю Америку взбудоражил кинофильм «История любви». Как видно, авангардизм всех мастей опостылел людям, они истосковались по мелодраме: богатый американский юноша влюбляется в дочь бедного пекаря, итальянца по происхождению; ничто не мешает их любви — ни социальное неравенство, ни различие национальностей, но, как назло, девушка заболевает неизлечимой формой лейкемии, и фильм (к нашему изумлению!) изменяет традиционному американскому «хеппи энду». Потом весь мир увлекся мелодией из этого фильма, она дошла даже до нас, и долго еще была в моде эта «лав стори».

Описывая Дидгорскую битву, трудно удержаться от патетики. Выходит, подражание летописцу? Возможен и такой упрек. Действительно, грузинский летописец и довольно известный в Грузии француз Готье описывали эту битву патетически. Как-то неловко говорить на эту тему сухо и отстраненно, тем более в очерке, предназначенном для широкого круга читателей. Заглянем в словарь и посмотрим, как толкуется слово «патетика»: «патетический — исполненный пафоса, страстно-взволнованный». Можно ли не быть страстно-взволнованным, когда рассказываешь о мученичестве царицы Кетэван?

Или что мы хотим от романтики? Господь Бог, может быть, создал нас романтиками чистой воды, но тут вылез черт и испортил все дело — попрали и опустошили наши души. Ничто человеческое, сказал он, не должно быть вам чуждо! Но божественное начертание не так-то легко стереть — может быть, мы обретем когда-нибудь нашу архаическую, важа-пшавеловскую душу.

Романтика ведь заставляет биться наши сердца быстрее и взволнованнее, хотя и кажется бессмысленностью в наш рациональный век. Ну разве это не бессмысленность, конницей идти против танков? А ведь в сентябре 1939 года польские уланы атаковали нацистскую танковую дивизию. Этот факт отразил в своем фильме выдающийся режиссер Анджей Вайда,

чем навлек на себя массу нареканий — зачем надо было выставлять Польшу на посмешище всему миру, как будто это было выдумкой Вайды, а не историческим фактом.

И разве не романтический порыв заставил взобраться на купол Алавердского храма героя рассказа Гурама Рчеулишвили, чтобы с высоты обозреть участников народного праздника, закопошившихся муравьями при виде необычного зрелища. Как будто не знает он, что его романтический дух — давно уже принадлежность прошлого и цена ему грош. Впрочем, конечно же знает, поэтому собственный его порыв вызывает в нем горькую усмешку, и чарующий восторг, охвативший его и на короткий миг разбудивший пьяное и самодовольно дремлющее общество, сменяется полным равнодушием.

Или вспомним финал знаменитого романа Уильяма Фолкнера «Особняк»: пришибленный и беспомощный перед законами джунглей, Минк Сноупс сорок лет ждет той желанной минуты, когда выйдет из тюрьмы и отомстит своему жестокосердному богатому родичу. Это чувство помогает ему выжить, и когда он успешно выполняет свое намерение, жизненные силы вдруг покидают его, и он умирает, прикинувшись к холодной земле. Тюрьма ничего не смогла с ним сделать, а желанная свобода убила его. Тут неожиданно в сердце сурового романиста разыгрывает поэт, и его перо становится одновременно щемящим и возвышенным: «...А люди пусть лежат себе спокойно, все вместе, скопом, тихо и мирно, и не разберешь, где кто, да и разбирать не стоит, и он тоже среди них, всем им ровня — самый добрый, самый храбрый, неотделимый от них, безымянный, как они: как те, прекрасные, блистательные, гордые и смелые, те, что там, на самой вершине, среди сияющих видений и снов, стали вехами в долгой летописи человечества — Елена и епископы, короли и ангелы-изгнанники, надменные и непокорные серафимы».

Каким-то неземным вдохновением дышит этот абзац! Минк, которого на этой грешной земле не считали человеком, неожиданно оказывается на том свете в обществе рыцарей и красавиц, как будто Бог воздал ему за то, что в своей безрадостной жизни он возлагал надежды только на него и оказался обездоленным лишь потому, что Флем Сноупс не заступился за него, своего родственника — жертву несправедливости. Но он отомстил Флему, и Господь простил ему этот тяжелейший грех.

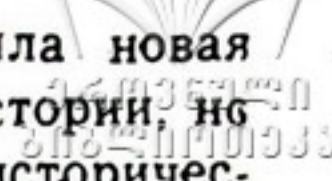
Р. Ч.: Почему вы решили, что я не жалую патетику или романтику? С какой стати мне не жаловать ту или другую, не

ложную, но истинную в свое время и на своем месте... Или вы полагаете, что Михаила Джавахишвили я люблю больше, чем Александра Казбеги или Василия Барнова? Просто, если задуматься, до конца 50-х годов господствовала романтическая манера и романтическое видение нашей истории — лучшие образцы беллетристики тому подтверждение. Но так не могло и не должно было продолжаться, и на смену романтическому осмыслению пришло реалистическое восприятие. Я именно это имел в виду, а то, что «Померкший ореол», «Десница великого мастера» или «Удел героев» (я уже не говорю о рассказах) создавались во имя нашего духовного обновления, не вызывает сомнения. Отдельно стоят исторические повести Нико Лордкипанидзе, написанные в романтической манере, но отличающиеся реалистическим видением. Жажда обновления... Сегодня эта жажда обновления может привести нас вновь к романтической манере, разумеется, не сразу и не сейчас же — внутренняя логика развития литературы сама подскажет, когда и как... Вы сказали, писал как писалось, без оглядки на какие бы то ни было традиции — новые или старые. Согласен, писатель или исследователь, приступая к работе, не думает, что будет создавать ее в каком-то определенном стиле, под определенным углом зрения, это происходит само собой, естественным путем, но вряд ли его стиль не испытывает определенного влияния писательской среды, господствующих или вновь возникших тенденций, если хотите, пристрастий.

Вот вы вспомнили финал фолкнеровского романа, отметили, как в суровое реалистическое повествование врывается романтический пафос (изящно заметив при этом: «каким-то неземным вдохновением дышит этот абзац!»), и это наглядное свидетельство того, что романтический настрой всегда может заявить о себе, никакая мрачная действительность не в состоянии сдержать его, но такие проявления, такая манера — это уже нечто другое. Вообще-то бесспорно, как литература или, скажем, само мышление нуждаются в обновлении, преобразении, так и в каждом строго реалистическом произведении должны быть романтические пассажи, а в романтическом сочинении — реалистические картины. И в лучших сочинениях это именно так.

Говоря о двух различных манерах художественного восприятия истории Грузии, нельзя не отметить особо роман Григсала Абашидзе «Лашарела» — грузинскую хронику XIII века. Появление его в свое время вызвало неоднозначные отклики, и они были естественны. Читателя, привыкшего к романтико-

возвышенному восприятию нашей истории, покорила новая манера, в романе не только реалистическое видение истории, но и реалистический стиль, в результате чего и наше историческое бытие, и царь Лаша-Георгий как бы умалены, как будто с них сдернули покров идеализации. Это было началом резкого изменения в подходе к истории, болезненный процесс смены одной манеры восприятия на другую, связанный с весьма деликатным чувством национального самолюбия. В то время, как видно, определенные круги читателей не смогли с этим смириться: попросту в реалистическом направлении они усмотрели оскорбление прошлого, что не имело ничего общего с действительностью... Сегодня мы можем дать беспристрастную оценку художественному и общественному значению «Лашарелы» как определенной вехе на пути развития грузинского исторического романа.

Т. Н.: Между прочим, я присутствовал на разборе романа «Лашарела» (если не ошибаюсь, это было в году 1958 — он тогда только вышел в свет), которое состоялось в зале заседаний бывшего ИМЭЛа. Роман ругали почему зря. Меня так и подмывало заступиться за писателя, но я был тогда студентом и не мог еще на равных участвовать в разгоревшемся споре, будь я даже лучше подготовлен, все равно не осмелился бы высказать перед огромной аудиторией свои искренние, но незрелые соображения. По правде говоря, я ничего такого не запомнил ввиду однообразия выступлений, за исключением одного, пожалуй, курьезного эпизода: Демна Шенгелая, выражая свой взгляд на роман, постоянно ошибался, называя Григола Абашидзе Григолом Робакидзе. Каждый раз в зале возникал неясный шум. После паузы Демна Шенгелая, поняв причину шума, немедленно исправлял свою ошибку. Из выступления Константино Гамсахурдиа мне запомнилось следующее: когда я отправляюсь на охоту, сказал он, меня сопровождает человек сто, как же могло случиться, что правителя трапезундского царства оставили на охоте совсем одного и он стал жертвой нападения кабана?

Внимательно прислушивался я и к разговорам в кулуарах. Пожилой человек, окруженный группой любопытствующих, с жаром продолжал ругать роман — его, мол, надо сжечь. Кулуары придали мне смелости и, не удержавшись, я предложил стороннику аутодафе: заодно уж сожгите «Приживалы Джакко». Он, естественно, не растерялся и парировал мгновенно: именно с этого романа надо было начинать.

Р. Ч.: Разве не к этому времени относится реабилитация

Михаила Джавахишвили? Недостаточно его травили и преследовали? Впрочем, нелюбовь к нему по сей день не угасла.

Т. Н.: С их точки зрения к «Приживалам Джако» можно присовокупить немало других произведений, написанных до и после них. Поверьте, такой костер разгорится, что по зрелищности сегодняшней проспект Руставели не пойдет с ним ни в какое сравнение.

Когда исторический источник дает скудные сведения, хочешь или нет, надо призывать на помощь собственную фантазию. Но когда летописец дает почти готовый скелет романа, очень трудно избежать соблазна (да и зачем избегать его?!) и, закрыв глаза, сделать вид, будто ты не читал этого. Но ведь найдутся те, кто не закроет глаза и спросит писателя, почему он не прочел летопись. Словом, писатель, исследующий историю Грузии, как бы находится между Сциллой и Жарибдой.

Так, Григола Абашидзе упрекали в верности грузинскому историческому источнику, тому источнику, который в целом высоко оценивал Иванэ Джавахишвили. Фактически критике подвергся летописец, а не Григол Абашидзе. Может быть, я ошибаюсь, но у меня создалось такое впечатление, что, кстати, подтвердила опубликованная спустя определенное время рецензия Акакия Бакрадзе на этот роман, которая в моем восприятии как бы подвела итог разгоревшимся в бывшем ИМЭЛе критическим страстям.

Впоследствии рецензенту основательно ответил сам автор «Лашарелы».

Не все могут согласиться с мнением автора «Лашарелы», что именно Лаша-Георгий был первопричиной (разумеется, не только) бед и страданий Грузии, которые она испытывала на протяжении столетий — с XIII века по нынешнее время. Финал романа, где проводится эта идея, поэтичен и экспрессивен, и с художественной точки зрения не оставляет читателя равнодушным, но, повторяю, идею могут разделить далеко не все.

История не любит сослагательного наклонения, но я все же скажу, что сам Александр Македонский не смог бы противостоять монголам, не говоря уже о Лаше-Георгии. Их с трудом удалось одолеть в Легнице и только потому, что они далеко ушли от своих основных владений и остались без резервов.

Но главное в том, что был написан исторический роман новаторского характера, выходящий из традиционных рамок.

Р. Ч.: Не надо забывать и то, что под давлением обще-

ственной мысли писатель был вынужден внести в роман изменения — они коснулись в основном образа царицы Русудан. Хотя исторические источники свидетельствуют о том, что писатель не погрешил против истины.

Т. Н.: Правда о царице Русудан почему-то оскорбила наших дам, я думаю, под их давлением ее сюжетная линия была вынута из романа. А вот выдающийся арабский историк Ибн Ал-Асир (весьма надежный автор!) довольно подробно повествует о страстях царицы. Да и зачем скрывать это?! Не она первая и не она последняя. Или мы самые безупречные и невинные в мире?! В своем роде уникальные? Однажды и у Давида Гурамишвили вырвался стон, когда друзья-цензоры своими горе-патриотическими нравоучениями порядком поднадоели ему...

Я не претендую на звание критика, и последние мои работы, опубликованные на страницах «Литэратурули Сакартвело», в основном, касаются отношения писателя к историческому материалу, и я и на этот раз воздержусь от оценки художественных достоинств романа Григола Абашидзе; что же касается исторического Лаши-Георгия, даже если мы посмотрим на него глазами летописца, сегодня он выглядит невинным агнцем в стае волков. Кроме шуток, но в настоящий момент Лаши-Георгий уже не кажется мне лишь трагической фигурой, какой он предстает в романе Григола Абашидзе. Но это уже предмет для специального исследования, и в двух словах не скажешь того, над чем думаешь второй десяток лет, и постепенно приближаешься к заветному.

Однако вернемся к осужденному «Лашареле». Общество не смогло принять критический пафос романа. Вообразите себе, сколько гнева вызвал бы такого же критического характера роман, но на современную тему — его, наверное, стерли бы с лица земли.

Нет двух мнений — сладкую ложь мы предпочитаем горькой правде. Сладкая ложь бальзамом ложится на наши сердца и души.

Разве мало мы слышали медовых спичей на юбилейных торжествах, которые были только во вред юбилярам и роняли наш национальный престиж. Безмерное раздувание несомненных ценностей для ясного ума — лишь повод для сомнения и скептицизма. Для нас же оно звучит сладким пением, и мы впитываем эту ложь, дурманящую как опиум, и губительную, как если бы это была «живая вода».

Порой становится грустно, когда осознаешь, что некото-

рые патриотического звучания слова порядком истерлись, как неоднократно использованный и ненужный товар. Но что поделаешь, не вычеркивать же из лексикона драгоценные слова только из-за того, что те или другие обесценили их и лишили достоинства. Запретить произносить слова «родина» или «Грузия»? В такие минуты невольно разделяешь вопль души Теймураза Хевистави*.

Р. Ч.: Исторические сведения, содержащиеся в западных или восточных источниках, к которым все чаще прибегают исследователи в своих поисках, значительно пополнили наше представление о том или ином явлении. В этом смысле вы внесли свой значительный вклад в нашу историографию. Но мне бы хотелось вспомнить об одном конкретном примере. Я имею в виду известный эпизод с Улу-Давидом и его девиз: «Не в обычаях грузин, ежели завидят они врага, идущего на них, показывать ему спину, даже если это грозит смертью». Вы не усматриваете в этой фразе определенного смятения, она нравится вам. Вы даже вспоминаете малоизвестный факт, что в той битве неожиданно совпали интересы монголов и грузин, надеявшихся с помощью первых вернуть грузинские монастыри в Палестине, которые прибрал к рукам египетский султан. И потому находите оправдание поведению и девизу Улу-Давида. Интересное наблюдение, но оно ведь не меняет сути этого эпизода.

Т. Н.: Прекрасный девиз, чем он вам не нравится? Может быть, произнесен не к месту? Однако не мешает ввести в курс дела и читателя. Далеко не все помнят этот эпизод.

Р. Ч.: Вы правы. Итак, к концу 60-х годов XIII столетия грузины приняли участие во внутренних распрях монголов — вместе с войском иранского ильхана Абага-хана, в составе которого находился Улу-Давид со своим отрядом, они выступили в Хорасане против монголов, противников Абага-хана. Монголы с грузинами отправляются в разведку, находят войско противника (многочисленность которого подняла пыль столбом) и собираются уж возвратиться назад, как вдруг Улу-Давид гордо заявляет монгольскому нойону: пусть мы все поляжем, но спины врагу не покажем. Монголы изумились и разгневались. Они напомнили грузинам, какое задание дал им хан (только разведать), затем обвинили их в незнании военного дела. Они и просили, и угрожали, но Улу-Давид стоял на своем. Тогда

* Герой романа Михаила Джавахишвили «Приживалы Джако».

послали курьера к Абага-хану. Хан вынужден был прибыть самолично. Он похвалил грузин за храбрость, но призвал их к соблюдению воинской дисциплины. По словам летописца, Улу-Давид спешился, поклонился хану и сказал: «Великий хан, не в обычаях грузин, ежели завидят они врага, показывать ему спину. Пусть счастливые глаза хана увидят, как мы сложим свои головы».

Т. Н.: Вырывать из контекста истории тот или иной эпизод — произвол, к которому прибегают порой из конъюнктурных соображений. Как говорил Илья Чавчавадзе, надо почувствовать себя в скорлупе того времени, и только тогда наш суд будет правомочен. Надо стать рядом с осуждаемым, лучше узнать его. Как известно, поначалу монголы проявляли расположение к христианам, основным их противником был мусульманский мир. Оказавшиеся в затруднительном положении крестоносцы именно от монголов ожидали помощи в Сирии и Палестине.

На чьей стороне должна была выступить Грузия?

Еще вопрос, кто принес больше бед нашей стране — дикие монголы на протяжении почти целого столетия или кровавый тиран Джалал-ад-дин в течение каких-то пяти лет? Еще до первого появления монголов соседями Грузии стали хорезмийцы, которые, естественно, не потерпели, чтобы мелкие мусульманские владения подпали под влияние Грузии. Джалал-ад-дин ведь считал себя защитником и знаменосцем ислама.

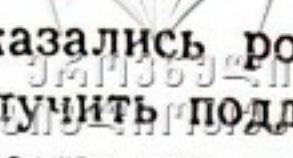
Не уничтожь монголы Хорезмской империи, не покори они процветавший Румский султанат, неизвестно, выдержала бы Грузия нашествия этих двух опасных соседей. (Увы, я опять использовал сослагательное наклонение!).

Не надо сбрасывать со счетов и то, что Улу-Давид должен был испытывать безмерную благодарность к монголам, выпустившим его из темницы, куда он был заточен несколькими годами раньше румским султаном, благодаря проискам своей «драгоценной» тетушки царицы Русудан, и вернувшем ему принадлежавший по праву престол.

Но покорность Улу-Давида оказалась не бесконечной.

В начале 1260 года против мусульманского Египта выступили объединенные силы Хулагу-хана, царя киликийских армян Хетума и его зятя, Боэмунда, главы антиохийских крестоносцев. Улу-Давида, участника взятия Багдада (1258), нет в рядах монголов.

На взгляд известного русского исследователя Льва Гумилева, бунт Улу-Давида в 1260 году дорого обошелся Грузии, а

для общехристианского дела последствия его оказались роковыми, поскольку монголы вместо того, чтобы получить поддержку от грузин, бросили свои резервы на подавление их мятежа в то время, как в Палестине каждый воин был на вес золота. Именно с этого момента начинается отступление монголов в борьбе против ислама.

Известный девиз Улу-Давида, на мой взгляд, не требует ни порицания, ни оправдания. Если уж порицать, то надо порицать тех грузинских вельмож, которым великодушный Улу-Давид дал право на свободный выбор: хотите — восстаньте вместе со мной против монголов, не хотите — не восставайте; я им все равно не покорюсь. И вот, что случилось: получив свободу выбора, грузинские вельможи предложили монголам свои услуги для подавления восставшего Улу-Давида. Мы, мол, лучше знаем наши военные порядки и правила, мы легко одолеем их — что с успехом и было осуществлено.

Кто более достоин порицания — Улу-Давид, самоотверженно боровшийся с противостоящими Абага-хану монголами, или вышеупомянутые грузинские вельможи, столь же самоотверженно выступавшие против собственного царя для услады Хулагу-хана?

Как бы ни был беспощаден наш приговор, положи руку на сердце скажите, неужели этот девиз не чарует вас, хотя он и не соответствует тогдашней обстановке? Неужели вас не покоряет столь парадоксальное выражение грузинского рыцарского духа?

В девизе Улу-Давида нашли выражение немаловажные черты национального характера — преданность делу, осознание ценности собственного слова, неудержимая жажда самоутверждения — все вместе равноценные высокому профессионализму, которого столь явно не хватает нашей эпохе.

Девиз Улу-Давида дошел до наших дней, но в беге времен как-то позабылось его авторство. В грозные годы второй мировой войны он зазвучал с новой силой на этот раз в блестящем стихотворении Георгия Леонидзе.

Зураб Авалишвили писал, что война для грузин стала родной стихией, и, поскольку их оружие уже не могло служить благоденствию родины, они самоотверженно сражались за пределами страны, тем более, что рядом с ними находились их цари и князья, и на этом поприще они завоевали себе славу, богатство, переживали волнующие моменты.

Смертельные враги Иран и Турция всегда старались привлечь грузин на свою сторону, ибо и в пору невзгод и упадка

Грузия представляла силу, с которой, с военной точки зрения, нельзя было не считаться.

Военная жизнь легко сочеталась с кондотьерскими инстинктами грузинских царей и царевичей, и соглашения с порабощателями уже не казались недопустимыми (по мысли Нико Марра, основы своеобразного «кондотьерства» грузин были заложены именно в эпоху монгольского ига).

Естественно, девизу Улу-Давида самоотверженно следовали и в войнах за освобождение родины. Но Бог знает, каких было больше.

В боевой биографии грузинского народа, наряду с Дидгори и Басиани, Шамхори и Гарниси, Марткопи и Марабдой, Аспиндзой и Крцаниси присутствуют, к несчастью, и чужеродные названия — Багдад и Аламут, Капдагар и Гулнабад, Хормуз и Кюстрин, Бородино и Керчь, — свидетели участия грузин в чужих войнах.

Это было нашей трагедией, но тем не менее на мятежной сцене истории мы выступали отнюдь не в роли холуев, провидение вдохнуло в нас рыцарский дух, и Улу-Давид с его девизом вдали от Грузии, на Амосском поле выглядит несравненным символом благородства. В один прекрасный день грузины могли восстать против монгольских порабощателей, на другой же — сложить головы в бою под монгольскими знаменами. Такова наша история, и ни к чему приукрашивать «красивые раны» или, напротив, конъюнктурно выступать в роли судии «в белых перчатках».

Р. Ч.: Полностью с вами согласен, наша история не нуждается ни в приукрашивании, ни в конъюнктурном порицании... Вообще ваши исследования и рассуждения тем и ценны для читателя, что вы изучаете явление со всех сторон, не удовлетворяясь одним углом зрения, проникая в глубинные его пласты.

Т. Н.: Поиски наименьшего зла были основной заботой грузинской дипломатии и в последующие века — неустанное и мастерское лавирование между Ираном и Турцией, тщетные мольбы о помощи, адресованные Западу («Попросим Францию о помощи — смешно!»), и скрепленная религиозными оковами надежда на единоверную покровительницу и союзницу, которая наступала с севера с целью осуществления своих замыслов.

Вы сейчас скажете, что выбор оказался неверным. Сего-

дня это легко утверждать. Может быть, посоветуем прошло-
му лучший выбор? Или отыщем себе тихое и благодатное ме-
стечко в соседней галактике?

Одним словом, изучение истории должно быть поиском
самого себя, когда гордишься тем, чем следует гордиться, и
обличаешь свои ошибки и недостатки. Не надо закрывать глаза
на собственные грехи, нелюбезные слова в наш адрес, ес-
ли они содержат зерна истины, не следует пропускать
мимо ушей. Мужественно, бесстрашно посмотрим в глаза
правде и скажем все — кроме лжи.

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА,
ВОСПОМИНАНИЯ

Письма Вильгельма фон Гумбольдта Вольфгангу Гёте

Французский национальный характер доставляет мне много хлопот, и каким бы легким и понятным он ни казался на первый взгляд, при ближайшем рассмотрении он обнаруживает немало трудностей. Невозможно, как известно, изучение отдельных, оторванных друг от друга объектов природы. Тот, кто хотя бы в малой степени обладает способностью наблюдать, почувствует, что одно связано с другим, что в каждом частном явлении отражается вся природа. Никто лучше Вас этого не знает. Именно в этом я усматриваю единственную причину, объясняющую, почему Вы в Ваших естественнонаучных изысканиях все еще так мало довольны собой, и, как кажется, столь незначительно подвинулись вперед. Но в вопросах морали куда более трудно отличить истинную сущность от ее случайных проявлений во времени, а ее действительное своеобразие — от возможных изменений, определить ту грань, от которой они не могут отклониться, и все-таки не ограничивать их рамками, из коих они не могли бы выйти, и неизвестных человечеству уже лишь потому, что оно их знать не должно.

Для того, чтобы определение национального характера удовлетворило меня, я должен таким образом найти нечто, что согласовывалось бы как с обычной жизнью науки, так и с видами ее вырождения, равно как и с наиболее удачными видами энергии, нечто общее, что адекватно отражалось бы во всех отдельных частях человеческой природы и деятельности; нечто, наконец, что было бы взаимосвязано с любым типом

индивидуального характера, модифицируя однако каждый из них таким образом, чтобы все обрели благодаря этому сходство друг с другом.

В любом серьезном исследовании нельзя обойтись без определенных воззрений, не установить с первых же шагов некоторые закономерности. Вот почему и у меня сложились кое-какие соображения относительно французского характера. Достойным внимания мне представляется то обстоятельство, что в нем доминирует скорее рассудок (Verstand), нежели дух (Geist), скорее вовне, на жизнь направленная, нежели вовнутрь обращенная и на искусство настроенная сила воображения, скорее порывистость и страсть, нежели чувство. Кроме того, очень важным свойством его мне кажется то, что он абсолютно лишен патетичности, и что этот недостаток вызван противоположной склонностью, каковой является постоянная живость, подвижность и легкость темперамента. Поскольку он таким образом есть истинный характер темперамента, он отличается от немецкого, так как немец обладает настолько общим характером или, если хотите, вообще никаким, что немецкое или не немецкое может служить для общей классификации национальных характеров. В качестве совершенно непатетичного он противостоит английскому, так как англичанин и в самом деле все, даже сущий пустяк, совершает с пафосом...

Париж, весной 1798 г.

Ф. Г. ЯКОБИ*

... Мои размышления и моя деятельность и здесь были посвящены все тем же предметам, занимавшим меня и в Германии; я много и серьезно думал о Франции и ее нынешнем положении, но это никоим образом не вывело меня из собственного мне состояния; именно во Франции я стал еще более закоренелым немцем, нежели был им прежде...

Если изучать Францию с философской точки зрения, то можно прийти к заключению, что эта нация несомненно находится в особом и даже затруднительном положении. Я не имею в виду сегодняшние обстоятельства, бросающийся в глаза диссонанс между конституцией, как многие ее себе представ-

* Якоби, Фридрих Генрих (1743—1819) — немецкий писатель и философ-иррационалист, противник Спинозы, Канта и Фихте, друг Гёте, В. фон Гумбольдта, мадам де Сталь.

ляют или мечтают о ней, с одной стороны, и духом, характером нации, каким он является пока на самом деле, с другой стороны. Я не говорю также о мнимой испорченности нравов, о которой так много и громко кричат. Многие из этого далеко не так худо, как это с таким удовольствием хотят представить, во всяком случае не хуже, чем в некоторых других местах. Это, как мне представляется, суть не более, чем побочные явления совершенно другого и гораздо большего и более древнего зла, которое революция, правда, не излечила, но и не породила: благодаря ей, однако, это зло теперь резче бросается в глаза.

Каждой нации, как и любому человеку вообще, нужна ведь внутренняя пружина, живая, постоянно действующая, активная движущая сила, из которой может развиться его высшая деятельность, его самобытное существование. Такого внутреннего принципа жизни я не вижу у этой нации; и так как этот истинный священный огонь, который лишь один и облагораживает, и питает человечество, я нахожу в немецкой нации в большей степени, нежели в какой-либо другой, то не скрою, что мое глубокое уважение и привязанность к ней возрастают с каждым днем.

Здесь же на каждом шагу встречаешь вялость и слабость человеческого духа...

Это настроение является, конечно, в основном следствием событий последних лет и теперешнего положения. Революция оказала на нацию слишком сильное и, я бы сказал, лишь физическое воздействие. Время ужасов железной рукой ввергло Францию в состояние оцепенения, последствия которого все еще сильно ощущаются: продолжительная война также сделала свое; и даже надежда на мир, то тут, то там все еще тлеющая, но так и не возгорающаяся, усугубляет и без того тяжелое положение. Люди почему-то предпочитают сидеть сложа руки, когда видят приближение эпохи, благоприятствующей всем видам деятельности. Поэтому явление это носит, по преимуществу, случайный, преходящий характер. Но частично, я полагаю, оно глубоко заложено в характере нации, и философ обязан узреть это, если он желает заглянуть в будущее...

Немец легко может быть пристыжен, француз же — лишь в крайне редких случаях, и я говорю это отнюдь не иронически. Мы, немцы, четко разграничиваем два как бы совершенно разных мира: невидимый и видимый, внутреннее и внешнее бытие и забываем весьма часто, что мы, когда говорим, пишем и действуем, исходим из первого. Благодаря этому мы сумрачны, зачастую (так как мы проявляем себя лишь как

природа) грубы и почти никогда не обладаем формой. У французов дело обстоит как раз наоборот: у них все рассчитано на эффект, и именно это дает им как в малом, так и в большом политические и социальные преимущества перед своими соседями...

Я не могу отрицать, что страстно желаю ближе познакомиться с развитием французского духа. Но прежде чем можно будет увидеть какие-то результаты, сначала должен наступить мир и всеобщее благоденствие (для этого, несмотря на теперешнее бедственное положение, уже многое предпринимается), душе надлежит сначала обрести покой, а дух должен получить размах. А до того могут быть приняты лишь первые, предварительные меры. Сколько-нибудь значительное продвижение вперед следует ожидать лишь в некоторых областях науки, не упомянутых здесь мною, т. е. в математике и естествознании. Ибо нельзя забывать и того, что критик, подобный мне, всегда в какой-то степени несправедлив по отношению к французам, так как он живет и трудится в области, совершенно отличной от той, в коей они по преимуществу находятся...

Париж, 28 октября 1798 г.

ШИЛЛЕРУ

... **В** последние недели я был занят почти лишь приготовлениями к моей предстоящей поездке. Я надеюсь увидеть Пиренеи, всю Южную Испанию, а из Северной — Мадрид и Бискайю, затем Лиссабон, а на обратном пути — Южную Францию. На всем этом пути много достопримечательных мест, и я хочу воспользоваться этой возможностью прежде всего для изучения языка и литературы этих стран. Так как я уже довольно прилично владею испанским, изучаю также португальский, не перестаю заниматься старопровансальским, который, собственно, является праязыком (Muttersprache) новоитальянского, французского и испанского, то таким образом мне удастся обозреть всю эту семью языков Юго-Западной Европы и на их основе провести сравнение между литературой и национальным характером каждого из этих народов. Италию я, правда, не увижу, и мне будет недоставать того наглядного материала, без которого подобного рода знание людей и наций не может быть полным. Так как, однако, для меня важнее всего изучение отличительных черт и контрастов между французской, немецкой и английской культурами, то я надеюсь еще основательнее изучить французскую путем сопоставления ее с культурой

Южной Франции и Испании, чтобы лучше понять, от чего, собственно, проистекает ее своеобразие...

Что меня еще радует в моем предстоящем путешествии, так это то, что, как только я ступлю на землю Испании, я окажусь как бы в XVI веке. Испания не только сохранила много старины в своих обычаях и нравах, преимущественно в южных провинциях, но она живет (что дает представление об особенностях испанского характера и испанском достоинстве) лишь своим былым величием. Как и Италия, она лишь в то время имела оригинальных писателей и губит теперь себя и свой язык тем, что неудачно подражает французам. Но та эпоха — я охотно признаюсь в этом — имеет для меня особое очарование. Она — колыбель нашей культуры, переход от античной цивилизации к новой, и, если можно рассматривать развитие человечества в целом как последовательный ряд если не продвижений вперед, то по меньшей мере изменений, то для правильного и полного понимания нашей сегодняшней цивилизации мы должны искать ее истоки там.

Бискайя — это небольшое, но весьма примечательное место. Это во всяком случае единственная европейская страна, сохранившая свой первоначальный язык (Ursprache), наиболее древний среди всех прочих новых языков и не обнаруживающий даже отдаленного сходства ни с одним из них. В высшей степени примечательна грамматика этого языка, наводящая на интересные размышления о происхождении языков вообще. Как только мои раздумья об этом языке приведут меня к каким-нибудь определенным результатам, я при случае покажу их Вам. Надеюсь, они доставят Вам удовольствие.

Но ведь все это, скажете Вы, можно было исследовать и обдумать дома, и я мог бы уже сейчас спокойно вернуться восвояси. Иногда мне и самому так кажется. Ведь Вы верите не только тому, что созерцаете. При моем взгляде на вещи, я вряд ли стану утверждать, что, путешествуя, я увижу и узнаю больше, чем мне могли бы дать одни книги; но свет, источаемый на предмет самой действительностью, настроение, которое она передает наблюдателю, — это ни с чем не сравнимо. Когда имеешь дело лишь с мертвыми буквами, теряются не только отдельные нюансы, но прежде всего взаимосвязь между отдельными моментами, единство целого. Для того, чтобы правильно понять нацию по произведениям ее писателей, обычаям и нравам, нужно, я полагаю, некоторое время общаться с ней, а правильное понимание — это ведь необходимейшее и главное условие при ее изучении,

Между тем выбор Испании совершенно случаен и наполовину мне навязан. Италия закрыта для меня, а в Англию у меня нет желания ехать. Из Берлина я всегда могу туда попасть. Испания же, если я не воспользуюсь предоставленной мне возможностью, несомненно будет отодвинута на задний план. Кроме того, меня привлекает в этой стране ее экзотичность, своеобразие ее обычаев и нравов, неизвестность литературы и теперешнего состояния культуры, а также, не в последнюю очередь, ее теплый климат, принимая во внимание нынешнюю ужасную весну. Мы предполагаем провести зиму в Валенсии. Там мы будем почти еще на одну широту южнее Неаполя, и в нашей северной жизни будет хоть одной зимой меньше...

Париж, 26 апреля 1788 г.

ДАВИДУ ФРИДЛЕНДЕРУ

Я нахожусь в Испании уже два с половиной месяца, милый друг, и начинаю мало-помалу привыкать к этим чужеродным нравам и обычаям, отличающимся почти во всех отношениях от французских. Я очень много работаю, так как намереваюсь остаться здесь всего лишь на несколько месяцев, в течение которых предполагаю объездить большую часть этой страны. Лишь это обстоятельство удерживало меня написать Вам раньше.

Несмотря на мое кратковременное пребывание в Испании, я полюбил испанцев. Их можно, пожалуй, назвать немцами юга. Во всяком случае, смесь южного живого темперамента с северной медлительностью, искренность и даже основательность в учебе и работе показались мне самыми примечательными чертами в их характере. Правда, я видел до сих пор лишь кастильцев, и к ним эта характеристика, конечно, подходит больше, нежели к вспыльчивым андалусцам и лукавым валенсийцам. Ибо и это является характерной особенностью Испании, которую я не встречал в Германии по меньшей мере в такой же степени, и совсем не видел во Франции, а именно то, что национальный характер отдельных провинций удивительно разнообразен и что провинции эти, если и не ненавидят, то по крайней мере презирают друг друга. В каждой провинции иностранцу более или менее ясно дают понять, что он вряд ли встретит в соседней провинции таких людей, как здесь. В одном городе в Бискайе ко мне на улице обратился совершенно незнакомый человек с настоятельной просьбой ответить

ему, как мне нравятся бискайцы; и когда я их похвалил, он заметил: «В Кастилии Вы этого не увидите». А в мадридском театре, когда публика во время представления одной весьма чувствительной пьесы часто раздражалась смехом, один андалусец, сидевший рядом со мной, сказал мне: «Ох, эти варвары! Если бы Вы видели публику в моем городе, в Кадисе!» И так, наверно, будет везде. Валенсийцы, кажется, повсеместно пользуются репутацией хитрых, своекорыстных и даже скупых людей. Причину этого найти нетрудно. В Валенсии более, чем в какой-либо другой испанской провинции, развита промышленность, и ее жители самые активные и находчивые в выборе средств для достижения цели. Кастилец же, напротив, в общем инертен, но зато ему присуща более благородная гордость. Этот контраст, по-видимому, послужил причиной существующей оценки характера валенсийцев и частично оправдывает ее. Кроме того, валенсийцы принадлежат к роду, совершенно отличному от остальных испанцев. Они говорят на своем собственном наречии, весьма схожем с толосанским, и в Валенсии больше, чем в других местах, обосновалось французских семей, построивших здесь свои мануфактуры.

Говоря о сходстве между немцами и испанцами, я имею в виду не северную, уже более культивированную Германию, а скорее среднюю, в частности, франков и швабов. Старина во внешнем облике городов, в одежде, обычаях и нравах, которую можно увидеть там лишь в некоторых имперских городах, в Испании — совершенно обычное явление...

Вообще-то поездка по Испании, на мой взгляд, наилучшая подготовка к изучению средневековья. И в самом деле, ступив в Кастилию, кажется, что ты оказался в эпохе двухсотлетней давности. Я говорю это не в упрек Испании, не утверждаю, что здесь царят невежество и дикие нравы, а имею в виду при этом другие, скорее похвальные стороны тех далеких веков, ту известную наивность и добродушие, ту простоту и скромность характера, которые у нас уже не встречаются, или же бывают не лучше. Трудно подкрепить сказанное отдельными примерами, но мне бы хотелось, чтобы Вы были хоть три дня со мной, и тысячи больших и малых оригинальных черт в обычаях и поведении этих людей подтвердили бы это. Лучшим доказательством сказанного мною может служить манера общения между различными сословиями. Это различие само по себе столь велико, как только возможно. Убеленные сединой гранды преклоняют колена каждый раз, когда подносят королю кубок с питьем; сами же они ведут себя в своих владениях,

как маленькие короли и т. д. Однако в общении это различие совершенно исчезает. Королеву так же, как и нищенку, называют сеньорой, короля тоже сеньором, и повсюду царят равенство и свобода, которые в нашем представлении легко могут сойти за грубость, что до некоторой степени соответствует истине. У немцев, французов и англичан язык изысканного общества отличается от языка низших слоев или узкого круга, поэтому очень легко узнать иностранца, не всегда знающего этих тонкостей. В Испании землепашец говорит так же, как и гранд, и, за исключением грубых ругательств, в их речи разницы никакой нет. Совершенно в порядке вещей, когда в благородном обществе мужчина говорит мужчине, выражая, например, изумление, или в других случаях: «Да что ты говоришь, человек! Возможно ли это?» И точно так же женщину часто называют просто женщиной, а девушку — девушкой. Еще стариннее все то, что видишь в самых аристократических семьях, как например, экипажи, меблировку и прочее. Везде царит роскошь: массивные серебряные жаровни, так как камин здесь редкость, всюду множество плохо оплачиваемых слуг, и почти нигде не встретишь изысканного комфорта. Мне не раз приходилось видеть на совершенно белой стене прекрасную картину Тициана, Гвидо или Джордано, каждая из которых, правда, стоила дороже, чем вся обстановка какого-нибудь французского или английского дома. Приходится сожалеть лишь о том, что по крайней мере в Мадриде уже нет тех прекрасных, простых нравов и меньше всего осталось от добродетельности дам, бытовавшей еще во времена рыцарства. Нравы здесь крайне выродились, а грубость в обращении между людьми обоего пола в высших слоях (скорее всего и, возможно, лишь там) просто неслыханна.

Я избегал по возможности как раз этих сословий. Так называемые тонко образованные испанцы, побывавшие за границей, интересовали меня меньше всего. Среди них можно встретить иногда и весьма достойных людей, но в общем и целом по этому классу (то же самое мы ежедневно видим во Франции и у нас) трудно или совершенно невозможно судить об испанской индивидуальности. Ибо большинство этих людей весьма плохо знает свою страну и еще меньше почитает ее. Охотнее всего я общался с представителями среднего класса (к которому относятся ведь и ученые) и с теми архииспанцами, которые с трудом говорят на каком-нибудь другом языке, кроме испанского. Именно в этом классе немало по-настоящему просвещенных и оригинально мыслящих людей. Однако никогда не сле-

дует упускать из виду трудностей, кои приходится преодолевать этим людям. Следует также различать степени просвещения, ибо нельзя ведь требовать от людей все сразу. Французские путешественники, например, только потому обычно и судят об испанцах совершенно иначе, что сбрасывают со счетов эти факторы. Источником всех, или по крайней мере большинства предрассудков является здесь религия, и тут просвещению предстоит пройти много ступеней развития. Одни с истинным просветительским пылом оспаривают возможность чудес и достоверность легенд о святых не для того, чтобы вообще выступать против таковых, а с единственным намерением спасти те, которые они считают истинными; другие же, что почти невозможно себе представить во Франции или в Германии, все еще законченные яansenисты; многие набожны, но не фанатичны и т. д. Однако два, как мне кажется, совершенно очевидных симптома начинающегося просвещения я обнаружил повсеместно. Это ненависть к гнету инквизиции и самостоятельные раздумья о религиозной традиции. Насколько эти раздумья близки к истине, зависит, конечно, от индивидуальных различий.

Инквизиция уже не сжигает еретиков, но она зато совершает теперь не меньшее зло, чем прежде. Она препятствует циркуляции хороших иностранных произведений и еще более — развитию собственной свободной литературы и совершенствованию учебных заведений. Правда, несмотря на ее запреты существует немало путей, среди них и легких, приобретения иностранных, т. е. французских, книг, но так как это официально запрещено и прежде всего потому, что никто не может использовать свой труд открыто, это вызывает всеобщее уныние и возмущение. А посему большинство ученых или ничего не создает, или же трудится в тех областях, которые ничем не обогащают философскую культуру.

Учебные заведения находятся в жалком состоянии. Можете ли Вы себе представить, что на десяток с небольшим существующих в Испании университетов здесь всего лишь один-единственный профессор истории, что история, география, статистика и другие предметы вообще никогда и нигде не преподавались как отдельные дисциплины? В начальных классах, кроме религии, чтения, начал арифметики и письма (последнему, правда, очень хорошо), ничему более не обучают; в следующих, соответствующих нашим гимназиям, учат плохо латинскому, а в университетах ведут схоластическую метафизику, теологию (собственно, лишь догматику, о толковании Библии и истории церкви нечего и думать) и юриспруденцию. Все ос-

тальное, за исключением медицины, для которой имеются специальные заведения, каждый должен изучать сам. Невзирая на это, каждому приходится — и изменить это никто не в состоянии — напрасно терять 6—8 лет учебы в университетах и лишь по исполнении 20 лет можно научиться тому, что знают у нас уже дети. И все-таки я встретил здесь несколько действительно образованных людей, хотя этим они обязаны лишь своему упорному, самостоятельному труду. То, что в подобном положении вещей заброшено более всего, это, как Вы и сами досгадываетесь, философия и знание древних языков. Изучение химии и минералогии в течение последних лет несколько продвинулось вперед, ботаникой здесь занимаются усердно и, пожалуй, лучше всех прочих наук, а остальные отрасли естественной истории оставлены безо всякого внимания. По статистике и финансовому праву со времен Кабаруса и Кампоманеса¹ несколько деятелей добились кое-каких успехов; а между тем статистика так отстала, что о населении Испании можно судить лишь по приблизительным данным, начиная с 1787 года. Больше всего здесь делается, пожалуй, все-таки для истории, но и это далеко не лучшим образом. Роются в архивах, переписывают дипломы, собирают материал, но так, что скорее затрудняют, нежели облегчают работу тем, кому предстоит в будущем обработать его. Если судить о научных достижениях испанцев по ежегодно выпускаемым книгам, то выводы будут весьма нелестными. Но нет сомнения в том, что нужно лишь предоставить людям свободу, и ощутимые результаты не заставят себя долго ждать...

Художественная литература может, пожалуй, представить больше всего произведений, способных тягаться с продукцией других стран. Я познакомился с двумя поэтами, общением и дружбой с которыми дорожил бы в любой другой стране. Это люди благородного и эмоционального склада души, свободные от каких бы то ни было предрассудков и претензий, работающие бескорыстно, с истинным рвением на благо искусства. Один из них подарил мне очень хорошую композицию — оду морю, которую я покажу Вам в скором времени. Примечательно для испанской поэзии то, что в ней нет сентиментальности. За редким исключением, старые испанские поэты горят

¹ Кабарус, Франсуа — граф (1732—1810) — испанский полномочный посол и министр. Кампоманес, Педро Родригес (1723—1802) — граф, испанский государственный деятель, один из проводников просвещенного абсолютизма в Испании.

ярким огнем фантазии, но сердца их остаются холодными. Даже французские поэты XVI века, бесспорно уступающие испанским, обнаруживают больше эмоций. Испанские поэты нового времени восприимчивее, но не намного.

Испанская нация, несомненно, исключительно одарена. Она обладает очень откровенным и здравым умом. Вы не представляете себе, как определенно и ясно выражается даже самый простой испанец, и как хорошо он знает свой язык и как чисто говорит на нем! Если не считать Галисии, в Испании нет говоров. Кроме того, естественная склонность к юмору изумляет здесь любого иностранца, так как мы обычно представляем себе испанцев напыщенными и серьезными.

Однако то, что может сильно повредить Испании даже в случае предоставления ей полной свободы, так это ее географическое положение, благодаря которому она отделена от остальной части Европы и связана лишь с Францией. Ущерб, наносимый этой стране односторонним влиянием французской литературы, слишком очевиден. Между французами и испанцами не может быть общности, основанной на чистосердечном чувстве равенства. Французы, по-видимому, по праву презирают испанцев, которые не офранцузились...

Прогресс в Испании должен произойти путем более основательного развития наук, путем свободных, но глубоких размышлений, и лишь таким образом следует устранить предрассудки, один за другим, но не все сразу, приказом сверху, запрещающим иметь таковые, что, собственно, является ключом ко всей французской культуре. В этом испанцам могли бы помочь лишь английская и немецкая литературы; но первую здесь мало кто знает, а последняя известна лишь через французские переводы...

Мадрид, 16 декабря 1799 г.

Ф. А. ВОЛЬФУ

...Я пишу Вам, милый друг, как Вы видите, из сердца Испании. Через несколько дней мы покидаем этот город, чтобы отправиться еще дальше на юг — в Кадис. Это мое решение посетить чуть ли не край Западной Европы (к сожалению, я не могу поехать в Лиссабон) Вас, наверное, удивит. Но так как у меня не было надежды, что я когда-нибудь окажусь так близко к Испании, как от Парижа, если учесть, что путь в Италию был закрыт для нас и что для меня было весьма важно увидеть хоть одну южную нацию, будет понят-

но, почему мы предприняли это путешествие. По правде говоря, я не сожалею о принятом мною решении...

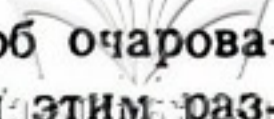

Больше всего меня интересует испанская литература и язык, и я намереваюсь написать что-нибудь об этом предмете по возвращении на родину. Так как я предполагаю исследовать на практических примерах теорию эстетики, то поэзия еще не известной мне нации сама по себе представляет для меня интерес, и я вижу уже теперь, что сравнение последней с французской и итальянской дает основание для интересных наблюдений. Еще до моего приезда сюда я начал изучать старофранцузскую литературу, и, если я решусь написать что-нибудь об Испании, то глубоко изучу сначала историю ее литературы XV и XVI веков, ибо мы знаем как следует лишь итальянскую. Еще более меня интересует язык, заслуги которого в самом деле велики. Я чувствую, что впредь посвящу себя еще более сосредоточенному изучению языков и что сравнение ряда языков на глубокой философской основе станет именно тем делом, которое после нескольких лет серьезных исследований, может быть, будет мне по плечу...

Мадрид, 20 декабря 1799 г.

К. Г. БРИНКМАНУ

... Через несколько дней исполнится год моего пребывания здесь. За это время я, откровенно говоря, не сделал ничего, что можно было бы представить на суд читателей, но невзирая на это, я считаю этот год весьма благотворным в моей жизни. Я прибыл сюда в состоянии некоторой апатии. Будь то мое пребывание в Париже или в Берлине, или же ни то, ни другое, а просто внутренняя потребность получить новые импульсы, во всяком случае я чувствовал в себе определенную неспособность посвятить себя делу, во всех отношениях интересному; но я могу признаться себе самому в том, что этот год дал мне очень многое. Рим — глухое место, милый Бринкман, но и самое прекрасное, величественное и пленительное, какое я когда-либо видел. Рим создан лишь для немногих и лишь для лучших, но тот, кому он придется по душе, найдет здесь целый мир. Я говорю это без преувеличения, ибо избранник этот окажется наедине с необычайной природой; то, что он видит здесь, манит его совершить увлекательное путешествие в отдаленные уголки и эпохи, а ландшафт здесь как раз такого свойства, что создает в душе настроение, побуждающее предаться этой игре воображения. Вы,

как и я, в свое время, вероятно, не раз слышали об очаровании итальянских ландшафтов. Я никогда не придавал этим разговорам особого значения, считая, что многое из этого просто фантазия. Но тут, на месте, я убедился в этом воочию. Ключ к тайне, по-видимому, в том, что или обстоятельства способствуют этому, или само место так воодушевляет, что великому нет надобности быть великим, чтобы казаться им. О том, что здесь видишь, можно сказать, что оно отмечено печатью искусства и фантазии. На все это можно смотреть с бесконечным наслаждением, все это изучаешь в частностях и не находишь ничего, собственно, отдельного, что бросалось бы в глаза: ни высоких скальных массивов, ни старых дубов наших лесов, ни больших романтических озер Швейцарии; но стоит бросить взгляд на целое, и ты видишь живописную картину, которая не рассеивает фантазию и не уносит ее куда-то вдаль, а возвращает ее к первоначальной точке именно в тот момент, когда она готова расплыться в бесконечном, умиротворяет душу, вызывает грусть и тем не менее проясняет дух и не лишает тебя радости...

...То, что я когда-то знал или полагал, что знаю о национальном характере, во многих отношениях подтвердилось во время моего пребывания здесь. Я уже серьезно подумываю о том, чтобы написать что-нибудь на эту тему. Но у меня появилось отвращение к большим книгам, и я думаю о такой форме, которая, если только мне удастся это осуществить, лишь суммировала бы суть вопроса. Изучение языков я продолжаю упорнее, чем когда бы то ни было, и оно превосходно согласуется со всеми вышеизложенными идеями. Меня бесконечно привлекает внутренняя, таинственная взаимосвязь всех языков и прежде всего то высокое наслаждение, которое получаешь, проникая с каждым новым языком в новую систему мышления и восприятия. Ничем так плохо не занимались до сих пор, как языками. Я могу сказать, что нашел ключ, который представляет каждый язык в новом свете и облегчает понимание всех языков. Многие из этого Вы сможете увидеть уже в моем сочинении о басках, но, конечно, далеко не все. Мне предстоит еще немало изучить, и я не знаю, когда смогу начать писать. Одно всегда вредит другому, и я неизменно предпочитаю первое, так как это мне легче дается и больше удовлетворяет меня...

Рим, 22 октября 1803 г.

Рэмон ДЮГЕ

Москва и страсотерпство Грузии

Глава VIII

КРАСНАЯ ЭРА

Верховное командование Грузии потеряло всякую надежду сохранить независимость страны. Вероятно, возникнет вопрос: почему командование, не раздумывая, вступило в борьбу с новым врагом — турецкой армией, и именно тогда, когда в Батуми должны были войти большевики? Может показаться, что это было бессмысленным кровопролитием.

Я надеюсь, что Грузия в ближайшем будущем восстановит свою независимость, и вот тогда выявится вся мудрость грузинского верховного командования. Было бы наилучшим выходом, если всю территорию Грузии заняли большевики, тогда туркам не досталось бы ни пяди грузинской земли. Если бы туркам удалось завладеть всем Батумским регионом, потребовались бы огромные усилия для возврата этих территорий. И даже обращение к истории не помогло бы делу.

Грузины, сражаясь с турками за Батуми и вытесняя их с укрепленных позиций, боролись тем самым за целостность и независимость Грузии. Когда по воле Господа Грузия вновь обретет независимость, и эта маленькая и мужественная страна сможет восстановиться в границах 1921 года (за исключением Артвинского, Ардаганского и Артануджского районов, кото-

Продолжение. Начало см. в №№ 7, 9-10, 11-12 1992 г.

рые остались у Турции), это произойдет благодаря усилиям грузинской армии.

Герои, защищавшие Батуми 18—19 марта 1921 года обильно оросившие своей кровью родную землю, не напрасно сложили головы.

* * *

Турки оставили Батуми. В город вошли большевики. Теперь под их сапогом оказалась вся Грузия.

Война завершилась.

Красные провозглашают большевистский режим. В Тифлисе располагается назначенное ими правительство, состоящее из грузинских большевиков, предателей нации. Они жили в России и вернулись в Грузию вместе с Красной Армией.

Большевистское правительство издает срочный приказ о демобилизации грузинской армии, офицерам позволено (как мы убедились, ненадолго) отправляться куда угодно. Декретом распущено бывшее Учредительное собрание; объявлена амнистия для бойцов, сражавшихся против Красной Армии. Но вскоре выяснится, что эта амнистия всего лишь обман и ловушка.

Совет Комиссаров (как пышно именовало себя это правительство) этим не удовлетворяется. Он уничтожает выборные органы — Учредительное собрание, муниципальные и местные советы, упраздняет тифлисский профсоюз рабочих.

Все эти органы заменяются коммунистическими структурами. Создаются ЧК и его отделения. На руководящие должности в ЧК назначаются люди, известные в России своим изуверством.

Задушена всяческая свобода, грузинское население лишено права открыто выражать свое мнение. Все решения исходят от тифлисских красных, выполняющих волю Москвы.

Реквизировано все — фабрики, заводы, дома, квартиры и даже мебель. В городах и селах расквартированы отряды Красной Армии.

И наконец, вездесущий ЧК укомплектован иноземцами, в основном, русскими и армянами.

Большевики — признанные мастера лжи и фарисейства. Поэтому необходимо ссылаться на самые достоверные источники, тем более, когда задаешься целью изучить и описать их злодеяния и преступления.

То, о чем я расскажу, не должно вызывать у вас сомнений, я ничего не выдумываю и не приукрашиваю. Я руковод-

ствуюсь только фактами, фактами, услышанными мною от очевидцев, и подлинными документами...

Я скрупулезно ознакомился с одним важным документом — «Грузия под ярмом большевистской армии» (издание президента Учредительного собрания Республики Грузия. Октябрь 1921 г.) Я воспользовался также детальными воспоминаниями и заявлениями известного грузинского патриота князя Шалвы Амирэджиби.

Шалва Амирэджиби был членом Учредительного собрания. После роспуска собрания правительством красных князь до конца 1924 года оставался в Грузии. Будучи членом национал-демократической партии, он немедленно приступил к подпольной борьбе против московской деспотии. Возглавлял эту борьбу князь Абхазии, когда же большевики уничтожили Котэ Абхазу, нескольких генералов и большую часть грузинского дворянства, лидером грузинской национал-демократической партии стал князь Амирэджиби.

* * *

Хотя большевики объявили амнистию, ЧК все же не прекращал своей деятельности. Подвергались арестам оставшиеся в Грузии бывшие члены правительства, все известные люди, генералы, офицеры (двое из них — полковник Леквенидзе и капитан Павленишвили — были расстреляны).

Около 40 офицеров были сосланы в Сибирь. Везли их, как скотину, в товарняках. Несчастные шесть месяцев пребывали в невыносимых условиях, некоторые из них, не выдержав, погибли (напр. генерал Ахметэли).

Красным требовались люди способные на все. И поэтому на административные должности бессовестным образом назначались ничтожества, люди с темным прошлым.

Арчил Бериашвили (конокрад) — начальник телавского районного отделения милиции.

Арабули (бандит, впоследствии расстрелянный самими же большевиками) — начальник тианетского районного отделения милиции. На этом посту его сменил другой бандит — Егоров.

Леван Кавтарадзе (бандит) — начальник душетского районного отделения милиции.

Дарчо Чогошвили (бандит, рецидивист) — председатель ананурского Ревкома.

Кутателадзе и Гутаишвили¹ (бандиты) — начальники озургетского ЧК.

Кобиашвили (бандит и убийца) — сотрудник тифлисского ЧК.

Пайчадзе (бандит, убийца английского врача) — начальник чохатаурской администрации.

Татарашвили (бандит) — сотрудник железнодорожной милиции.

Гуларишвили и Косашвили (убийцы студента Батиашвили) — сотрудники тифлисской милиции.

Двух примеров будет достаточно для выявления большевистских методов.

В Ахмета (Тианетский район) возмущенные крестьяне схватили красных начальников, совершивших немало преступлений. Их отвезли в Тианети. Крестьяне хотели, чтобы дело разобрал городской суд.

В поселке Абастумани было получено распоряжение из Тифлиса — составить списки бандитов, воров и других сомнительных лиц. В Тифлисе получили буквально следующий ответ: «Самыми опасными бандитами и ворами являются... (перечислены фамилии членов коммунистического ревкома)».

* * *

Запрещена всяческая свобода — прессы, собраний, ассоциаций, профсоюзов. Военизирована большая часть рабочих, в частности, железнодорожников. В случае нарушения трудовой дисциплины они предавались военному суду.

Упразднена часть предприятий, думается, необходимо привести отрывок из уже упоминаемого мною документа «Грузия под ярмом большевистской армии».

«Большевики не позволяют безработным покидать город и отправляться в деревню на поиски продовольствия. Их объединяют в группы и отправляют на принудительные работы, порой вдали от дома. Подобным образом переселили 1000 грузинских железнодорожников».

...Ревком издал Декрет, который «запрещает безработным отказываться от работы». Этот Декрет узаконивает кабалу рабочих, так как грозит принудительными работами в концентрационных лагерях всем, кто откажется от работ, порученных

¹ Дюге не всегда дает грузинские фамилии в правильной транскрипции, поэтому некоторые фамилии, возможно, мы передаем в искаженном виде. (Переводчики).

коммунистическим руководством. II параграф Декрета уточняет: самых квалифицированных рабочих и служащих можно использовать в качестве чернорабочих, если этого потребует начальство. IV параграф подтверждает: безработные, невзирая на профессию, не имеют права отказываться от дорожных работ или лесоповала. V-й параграф поясняет: кормилец семьи, независимо от своей занятости, не имеет права отказываться от загородных работ (даже в случае, если работы будут выполняться вдали от города).

Но дадим грузинским рабочим возможность описать свое бедственное положение. 6 августа 1921 года 3.449 тифлисских рабочих обратились с призывом к трудящимся Запада, в котором говорится: «Нам грозит физическое истребление! Нам уже не дают и тех жалких крох хлеба (четверть половины килограмма), которые мы до сих пор получали. Что же касается других продуктов, то о них не может быть и речи. Зарплата у нас прежняя. Жизнь же вздорожала в 49—50 раз. Порой нам месяцами не выдают и эту жалкую зарплату. Под страхом смерти нам запрещено выходить на полевые работы. В рабочих кварталах вспыхнули холера, различные заболевания, царит голод. Вымирают целые семьи рабочих. Повсюду господствует террор. Мы лишены всяческой возможности говорить о наших бедах и мучениях...»

Все грузинские передовые рабочие, независимо от партийности, находятся в застенках. Они гибнут там от голода и болезней. Не уделяется никакого внимания человеку, проблемам его личной жизни. Расстреливают ни в чем не повинных людей. Часто и тех, которые никогда в жизни не имели ничего общего с политикой. Эти люди уничтожаются только потому, что они служили демократическому правительству и защищали свою отчизну от чужеземных захватчиков.

Богатство Грузии либо уничтожено, либо экспортировано в Россию. Разгромлены магазины, лавки, частные дома. Проводится тотальная реквизиция, конфискация, национализация. Большая часть грузов железной дорогой отправляется в Россию. Повсюду введена военная дисциплина. Экономическая жизнь страны дезорганизована. Следуя российскому опыту, большевики ввели систему продовольственных карточек. Количество продуктов питания минимально. Никакого пополнения запасов не предвидится, а то, что есть, продается по бешеным ценам. Должностные лица же и коммунистическое руководство пользуются спецснабжением.

* * *

Нужно сказать, что благодаря непроходимым горам небольшая часть грузинской территории долгое время оставалась незанятой частями Красной Армии. Это Сванэти. В Сванэти проживает консервативное население и до 1924 года, т. е. еще на протяжении трех лет, этот уголок мог сопротивляться красным!

Дух этого сопротивления почти всюду поддерживал грузин. С 1922 года большевистское правительство приступает к массовым расстрелам и арестам. Кого не вместила тюрьма, ссылают в Сибирь.

С особенным ожесточением преследовались бывшие военные. Некоторые предпочли скрыться в горах и вести борьбу с красными, нежели попасть в их руки. Возглавил такой отряд полковник Чолокашвили. Горы надежно укрыли повстанцев, дав им возможность вести партизанскую борьбу. В Хевсурети, как и повсюду, население помогает отряду Чолокашвили. Число повстанцев растет день ото дня.

В Хевсурети отправляется шеститысячный отряд красных, не терпит поражение. Наряду с мужчинами сражаются и женщины. В отместку красные разоряют пять деревень. Хотя, как и в Сванэти, они ни на шаг не продвинутся вперед. Чолокашвили был родом из Кахети. Обозленные неудачей в Хевсурети, большевики обрушиваются на Кахети. Они разоряют этот край с чудовищной жестокостью.

Героическому примеру князя Чолокашвили последовали и другие. Постепенно почти все регионы Грузии охватила партизанская война. Население оказывает партизанам всяческую помощь.

Князь весьма опытен в партизанской борьбе. Он с отрядом покидает кахетинские горы и проводит рейды против большевистских комиссаров и их сторонников, после чего уходит в горы Пшав-Хевсурети.

* * *

Тифлисскому красному правительству стало известно о тесной связи полковника Чолокашвили с Комитетом освобождения Грузии. Этот Комитет — вдохновитель борьбы против большевиков. Имена членов Комитета законспирированы. Для их выявления красные прибегают к чудовищным преступлениям.

Арестовывают всех подозреваемых и всех тех, кто располагает какой-либо информацией. Не брезгают пытками. Пытают

всех без разбора — князей, дворян, буржуа, студентов, рабочих, крестьян — словом, всех, кто попадет под руку.

Арестанту, который отказывается от дачи показаний, либо все отрицает, надевают на голову стальное кольцо и медленно стягивают его. Подобным образом пытаются сотни и тысячи грузин, что повлекло за собой смерть и помешательство многих людей.

В Телави прибегали к иному методу пыток. В стене местной тюрьмы была оставлена ниша величиной в шкаф. В эту нишу помещали арестованного, который так стоял, практически без движения, на протяжении многих дней. К тому же заключенного систематически допрашивали, надеясь выбить признание.

Но самая чудовищная, бесчеловечная пытка ожидает осужденных на смертную казнь.

Заключенные до последней минуты не знают, какая участь их постигнет: освободят ли их, оставят ли в тюрьме или всех расстреляют. ЧК считает нецелесообразным проводить процессы для политзаключенных. И поэтому дела политических рассматриваются непосредственно в стенах ЧК. Следовательно ЧК выносит приговор согласно указанию начальника. Либо смерть, либо иное наказание. Обвиняемого никогда не вызывают на суд. Ему не предоставляется адвокат, который бы выступил в его защиту на чекистском чрезвычайном судилище. Приговор выносит председатель ЧК с несколькими чекистами. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Арестанты заключены в одну тюремную камеру, чаще всего это сырой, затопленный водой подвал. По ночам, в два или три часа, арестантов бесцеремонно будят чекисты. Их начальник, в большинстве случаев пьяный, расхаживает среди заключенных и наносит им всяческие оскорбления. У начальника список из 12—15 человек, приговоренных к смерти. Заключенные с ужасом ожидают оглашения этого списка, после чего их по одному выводят из камеры. Их уже поджидают палачи, которые сильным ударом по голове оглушают заключенных, помещают в специальные мешки и отвозят к месту расстрела, причем в дороге на мешках с людьми сидят чекисты и солдаты.

Рвы для расстреливаемых уже готовы. В дороге некоторые заключенные приходят в себя. Людей извлекают из мешков, строят перед рвом и целятся им в затылок из револьверов. Людей, расстрелянных подобным образом, невозможно опознать.

Иногда заключенные отказываются покидать камеру, и тогда завязывается борьба между вооруженными чекистами и

безоружными арестантами. Камера превращается в кровавую бойню, среди убитых бывают и чекисты.

Почти каждую ночь то там, то здесь происходят жуткие убийства. Имена мучеников окутаны тайной. Разумеется, неизвестно и место их захоронения.

Когда родные и близкие приносят заключенному передачу и слышат в ответ: «Не приносите, нет больше надобности», — им становится ясно, что заключенный расстрелян.

Число жертв ЧК стремительно возрастает. Медлить больше нельзя, Патриарх Всея Грузии Амбросий отправил на Генуэзскую конференцию письмо-обращение, в котором говорилось о чудовищных репрессиях, проводимых в Грузии. К сожалению, обращение осталось без ответа.

Взбешенные большевики начали всячески притеснять патриарха, а затем арестовали его и других представителей грузинского духовенства. В марте, то ли в апреле 1924 года патриарха Амбросия предали суду. Он был приговорен к смертной казни, но большевики сменили гнев на милость, и смертный приговор заменили 9 годами лишения свободы. В 1925 году он был освобожден.

К сожалению, невозможно установить число жертв, загубленных в большевистских застенках. Все — аресты, пытки, расстрелы — содержится в строгой тайне. Известно лишь то, что в 1923 году загублено больше жизней, чем в 1922.

Примечательно, что и в городах, и в селах ЧК действовал одинаково коварно. Чтобы предотвратить бунты и волнения, население запугивалось массовыми арестами. Каждый должен был осознать, что посмей он что-либо задумать, ему не будет пощады, кроме того, пострадают родители, родственники, друзья и даже знакомые.

Покушение на Ленина повлекло за собой гибель тысяч политзаключенных в России.

Глава IX

ФРАНЦУЗСКИЙ ГРАЖДАНИН В ЗАСТЕНКАХ ЧК

Недавно я имел честь познакомиться с нашим соотечественником, испытавшим на себе все ужасы красных застенков. Он поведал мне свою жуткую одиссею о том, как его ограбили, как он провел в тюрьмах те проклятые часы и дни, как пошатнулось его здоровье. И, наверно, сгинул бы он без следа,

не вмешайся посол Франции. Посол вынудил палачей освободить невинного французского гражданина.

Ныне жертва ЧК готовит интересный очерк о советской России¹. Он ознакомил меня с копией своей докладной записки, в которой описаны все его мытарства. Эту докладную он представил в Министерство иностранных дел Франции. В общем, в докладной изложены точно те ужасные события, которые пришлось пережить нашему несчастному соотечественнику.

«Ввиду моего слабого здоровья, в армию меня не призвали. Перед войной я работал в России, и с началом войны сразу же возвратился во Францию. Мне удалось попасть в артиллерийский пехотный полк. Поскольку я знал русский, по моей просьбе меня зачислили в русский отряд. Позднее, опять же по моему желанию, меня с этим отрядом направили на восток.

В 1919 году я был участником военной миссии генерала Деникина в Новороссийске. Мне пришлось оставить эту миссию, так как мне была поручена эвакуация французов и швейцарцев, спасающихся от коммунистических орд. Также я должен был поставлять русскому командованию выделенное нашим правительством вооружение и обмундирование для армии.

Спустя некоторое время я отправился в Тифлис. Меня назначили военным атташе французской миссии на Кавказе. В октябре 1920 года я был демобилизован. В Тифлисе я начал работу в одном из французских обществ. Это была сугубо гражданская работа. Добавлю, что, помимо этого, я выполнил несколько коммерческих операций, в частности, с тифлисской милицией и грузинским национальным банком (после прихода красных). В политику я никогда не вмешивался, равно как никогда не занимался шпионажем.

Следует отметить: красные задолжали мне порядочную сумму: коммерческие акции, долю от конфискованного имущества, чемодан (в котором находилось золото, серебро, платина и который отнял у меня в поезде какой-то чекист). Я потребовал от них эту сумму, одновременно попросив содействия у персидского консула в Баку и Ростове (главным образом из-за чемодана).

Большевики не испытывали ни малейшего желания возвращать мне деньги и ценности.

Видимо, красным легче было отделаться от меня и моей

¹ «Красная Россия, или Авгиевы конюшни».

жены, нежели расстаться с моим добром. И вот 15 января 1924 года нас арестовали.

В августовском распоряжении под № 64 от 1921 года, подписанном комиссарами Грузинской Советской Социалистической Республики, говорится: «Запрещается проведение обыска в квартире иностранца, если при обыске не присутствует представитель консульства означенной страны». «Квартира иностранного подданного неприкосновенна и реквизиции не подлежит».

Двое погромщиков вовсе не вспомнили об этих столь незначительных для них деталях. Ведь они представляли так называемую власть рабочих и крестьян, и на них возлагалось претворение в жизнь законов, изданных предводителем их банды. Они обыскали меня, изъяли документы. Один из них (ставший впоследствии моим следователем) расковыряет по карманам несколько тысяч франков, являющихся моей собственностью. После «блестяще» проведенной операции меня с женой куда-то ведут, не обращая внимания на то, что моя жена больна и два дня не поднималась с постели.

Напрасны были мои мольбы разрешить провести ночь дома хотя бы моей жене. Ведь мой арест был достаточной гарантией того, что моя жена последует за мной в тюрьму. Но эти варвары не стали даже слушать.

* * *

Начались мои мучения.

Мою жену поместили в камеру, в которой среди воровок и проституток находились женщины из известных семей. Меня втолкнули в помещение размером около 30 м², на полу вповалку лежали 32 человека — офицеры, солдаты, функционеры, воры, насильники и т. д. Я с трудом отыскал себе место. Спустя два часа на мне кишели вши.

И на второй день мне не удалось узнать причину нашего ареста, и третий день прошел в неведении. Мне не давали покоя мысли о судьбе моей жены, мучал вопрос, в чем же мы провинились. Нам выделили 400 г черного хлеба и соленую воду, которую называют здесь супом.

Я принял решение отправить письмо начальнику ЧК.

«Три дня как я нахожусь под арестом. Прошу Вас допросить меня, чтобы наконец-то выяснить мое дело. Я ни в чем не виновен. Пищу с воли мне не передают, а «суп», который здесь выдают, хватает лишь немногим».

В последующие дни начались странные и смехотворные

допросы. Допросы велись, человеком, обыскавшим и обворовавшим меня.

На первом допросе у меня потребовали письменного описания моей деятельности, о моих перемещениях с тех пор, как я находился на советской территории.

На следующем допросе я вежливо поинтересовался у следователя о судьбе моих денег, изъятых при обыске. Попросил разрешения, при посредстве надзирателя, официально покупать пищу для себя и жены. На что он ответил, что мои деньги, вещи и драгоценности находятся в надежном месте, и как только меня освободят, я все получу обратно в целости и сохранности. Я потребовал письменного подтверждения, но он отказался, сославшись на занятость.

И «следователь» приступил к допросам.

Раз пятнадцать меня допрашивали в Тифлисском ЧК и два раза в Закавказском. Все допросы походили друг на друга нагромождением бессмысленных, абсурдных обвинений. Мне вменяли в вину шпионаж в пользу Министерства обороны Франции, в неоднократной передаче информации этому министерству, в передаче денег директору Тифлисского лицея. Директор якобы занимался то ли шпионажем, то ли контршпионажем (чекист произносил то одно слово, то другое, видимо, не различая смысла этих слов). Обвинение моей жены заключалось в следующем: оказывается, по заданию французской контрразведки она привезла мне из Константинополя 60 000 франков.

Напрасно я пытался доказать беспочвенность и несправедливость этих обвинений. Для того, чтобы хоть как-то меня «расколоть», мой мучитель применял все средства, практикуемые в ЧК: то ласково, подкупающе улыбался, то принимал трагическое выражение, то угрожал мне смертью, то приставлял револьвер к моему виску и т. д.

* * *

Я знал, что моя жена находилась в более невыносимых условиях. У нее не было надлежащей пищи, она была лишена элементарной медицинской помощи. Я старался по мере возможности хоть как-то поддержать ее. Поддерживал в ней надежду на скорое освобождение. Поскольку я был лишен возможности свиданий с ней, то я посылал ей записки. Два раза мне это удалось, но на третий раз записку перехватили. Я был наказан. 30 января 1924 года меня бросили в темный, глубокий подвал. Пола там не имелось, а кирпичные стены были мокры от сырости. Для того, чтобы еще больше охладить

темницу, чекисты специально окатывали водой земляной пол. Прежде чем втолкнуть меня в подвал, чекист Яша Заргинава содрал с меня пальто и шарф.

Не прошло и десяти минут, как Яша Заргинава втолкнул в подвал мужчину старше меня лет на 16—17. Он назвался Тохадзе. Объяснил, почему сидел в тюрьме. Оказывается, он помог бывшему министру демократического правительства Грузии Ноэ Хомерики¹ достать фальшивые документы.

Через некоторое время ввели какого-то парня, которого я принял за провокатора.

Я немного побеседовал со своими компаньонами, и когда убедился в верности своего подозрения (это было настолько очевидно, что сомневаюсь, чтобы он мог сослужить какую-либо службу своему начальству), я забился в угол и попытался заснуть. Но не смог, так как темница была сырой и холодной.

Было уже около 12 ночи. Мои компаньоны, пытаясь согреться, подожгли клочья каких-то бумаг и полусухой травы. Темницу заполнил едкий, удушающий дым.

Видимо, от усталости я все же вздремнул, но вскоре проснулся. Кто-то стучал в нашу дверь ногами, при этом громко ругаясь. Это был Заргинава.

Заргинава что-то сказал заключенным на грузинском, затем наградил меня оплеухой и замолотил по мне кулаками, пуская в ход и ноги. Потом вытащил револьвер, нанес мне рукояткой несколько сильных ударов и нацелился мне прямо в лицо. И зачем только Господь спас меня от этого трусливого убийцы? Возможно, когда-нибудь я получу ответ на это. Случилось так, что какая-то неведомая сила парализовала руку этого бандита.

На следующий день меня переправили в Метехскую тюрьму. А через некоторое время опять вернули в ЧК. На сей раз меня заключили в камеру длиной в три и шириной в полтора метра.

И моей жене устроили прогулку в Метехи. Ее прокатили в экипаже, поскольку она была не в силах передвигаться. Ее тоже заключили в такую же, как меня, камеру. Жена тщетно требовала медицинской помощи. Она, как и я, совершенно ослабла от голода. Она харкала кровью, у нее страшно отекали ноги. В конце концов чекистские фельдшера отправили ее в тюремную (именуемую «губернской тюрьмой») больницу. Так

¹ Н. Хомерики был расстрелян после августовского восстания 1924 года.

или иначе, тюремные врачи не дали ей умереть. Они напичкали ее лекарствами, имеющимися у них под рукой, и продержали в отдельной палате до 14 января 1924 года.

Хотя моя несчастная жена и находилась в больнице, но вследствие нечеловеческого обращения была в тяжелейшем состоянии. Изводимая вшами и паразитами, она даже не имела права выйти во двор. Ее лишили права хотя бы на глоток чистого воздуха. И только за несколько дней до нашего отправления в московские лагеря она добилась этого, объявив голодовку.

* * *

Первого марта меня из грузинского ЧК отправили в Закавказский ЧК («ЗакЧК»). Там я провел полтора месяца, а оттуда меня перевели в Метехскую тюрьму.

Лишения и голод, которые пришлось мне пережить со дня ареста, окончательно подорвали мое здоровье. У меня стала прогрессировать легочная болезнь. Тюремный врач, обнаружив мое состояние, направил меня в больницу. Там, из-за зарешеченных окон я имел возможность видеть «живой труп» — мою несчастную жену.

24 июня 1924 года меня с женой вывезли на тифлисский вокзал и отправили в Москву.

От Тифлиса до Баку чекисты приставили к нам какого-то типа, сильно смахивавшего на сутенера, который выдавал себя за полковника белой гвардии. Он пытался изобразить на своей физиономии поддельный страх перед красным террором, чем еще явственнее выдавал себя. Очевидно, «товарищу» Табанову поручалось «прощупать» меня в пути.

Моей жене спутников в Тифлисе не смогли подыскать, а может не додумались. И до Баку она проехала в одиночестве. В Баку чекисты опомнились, и до Петровска ее сопровождал настоящий скелет, девица с мертвенно бледным лицом. Она пыталась выдать себя за аристократку, жертву чекистского беззакония и представилась как румынка Мария Маринеску, хотя внешне она сильно смахивала на русскую.

Словом, мою жену сопровождала девица сомнительного поведения, а меня — сутенер, два достойных представителя красного режима. Нас везли в зарешеченном вагоне. Стояла невыносимая жара. Временами температура достигала +45°.

В пути мы находились полтора месяца. Нам выдавали в день 400 граммов черного хлеба, изредка подкидывали кусок

заплесневелой селедки. В тюрьмах, на пересадках нас помещали среди воров и проституток. В основном, это была молодежь. Они говорили, что у них нет иных средств к существованию в этой стране, где варвары разрушили все.

* * *

В Москву мы прибыли 25 июля 1924 года. Спустя неделю, соответственно с правилами коммунистических палачей (кое-что все же позволялось), я обратился к госпоже Пешковой. Она была представителем Организации помощи политзаключенным. Я просил у нее помощи прежде всего для своей жены. Через неделю я отправил второе письмо, в конце августа — третье. Но ни одно из этих обращений до нее не дошло.

На исходе сентября г-жа Пешкова и представитель Польской миссии г-н Винавер встретились с некоторыми заключенными. Я, не спросив разрешения у официальных лиц, предстал перед ними.

Спустя 8 месяцев я получил посылку от Красного Креста — 350 г сливочного масла. Как видно, эта организация была неспособна на что-либо большее. Я предпочел не лишать их этого масла и отправил посылку обратно. Моей жене не досталось и этого, несмотря на то, что и она отправила несколько писем. Нет сомнений, что и эти письма были перехвачены.

Скажу больше: по прибытии в Москву у меня было десять долларов, у жены — двадцать. Эти деньги были у нас изъяты и внесены в банк на наше имя.

Состояние здоровья моей жены было критическим. Я сообщил об этом начальникам тюрьмы, латышам Дукису и Адамсонсу. Они принадлежали к числу тех иностранцев, которые принимали активное участие в кровавых событиях 1918 года. Именно подобные, потерявшие голову, никчемные людишки способствовали восхождению на русский трон банды, сколоченной из представителей различных национальностей.

Моему обращению не уделили никакого внимания. Здоровье моей жены катастрофически ухудшалось. Оно было уже почти безнадежным. Потребовалось вмешательство врачей, но они снимали с себя всякую ответственность в случае, если больной отказали бы в молоке и белом хлебе. Наконец, моей жене было разрешено покупать себе пищу.

На московских допросах в точности повторилась тифлисская комедия. 2 сентября 1924 года я передал следователю Сожинскому письмо, в котором опровергал все предъявленные мне обвинения. Я предлагал подвергнуть меня гипнозу (сади-

сты ежедневно прибегали к этому. Мастером своего дела был профессор Краснушкин), задать мне вопросы в присутствии представителей Польского консульства, Организации помощи политзаключенным, Красного Креста. Я привел список предъявленных мне и моей жене обвинений. Там же я добавил: если, будучи под гипнозом, я дам положительный ответ хотя бы на один заданный мне вопрос, я буду готов к самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни.

Сожинский дал на мое предложение циничный ответ, что их кодекс не рассчитан на подобную форму допроса и поэтому моей просьбе нельзя дать хода.

После девяти месяцев предварительного заключения следователь без всякого суда присудил мне три года принудительных работ. Моей жене, которую уже не считали жилицей на этом свете — три года поселения.

Подобным образом расправляется без всякого суда коммунистическая диктатура с сотнями и тысячами мужчин и женщин, стариков и детей.

И вот, после подобного «решения» меня отправили на принудительные работы. А мою умирающую жену, после девятимесячных невыносимых страданий — на поселение. После тюремных мучений нас ожидали новые, теперь уже трехлетние испытания.

* * *

Оба приговора были вынесены 9 октября 1924 года. К тому времени представительство Франции, сыном которой я являлся и оказался в той стране ради защиты ее интересов, должно было официально признать новый режим в России. Этот режим ненавидят 99% крестьянства и 90% рабочих. Но они будут терпеть этот режим до тех пор, пока не наступит удобный случай для всеобщего восстания. И тогда восставшие уничтожат своих палачей.

Итак, в то время как Франция собиралась признать государство палачей, оставшегося в России француза отправили на один из островов Белого моря на принудительные работы. А его умирающую жену он и не ведал куда! И все это происходило после страшных пыток и унижений.

На место назначения я прибыл 31 октября 1924 года. И уже с 1 ноября с 6 часов утра до 6 вечера валил в тайге дождь. Голодные, промерзшие до костей, мы работали без отдыха. Ледяной проливной дождь пронизывал нас сквозь.

Нет, я не в силах описывать те адские семь месяцев, все
увиденное и испытанное.

19 мая 1925 года, когда пошли суда, меня забрали в
Москву. Я пробыл в пути 10 дней.

Я отправил из лагеря 5 или 6 писем французскому послу.
Но ни на одно из них я не получил ответа. Как выяснилось,
эти письма и не дошли до адресата.

Мне было необходимо встретиться с кем-нибудь из по-
сольства, чтобы прежде всего узнать что-либо о судьбе моей
жены, затем просить помощи и покровительства и попытаться
вернуть то, что мне принадлежало и что осталось на Кавказе
(разумеется, мне ничего не было возвращено). Наконец, в
конце июня 1925 года я решил объявить голодовку с требо-
ванием устроить мне встречу с представителем французского
посольства.

Голодовка продлилась восемь дней. Один из надзирателей
принес мне телеграмму, отправленную г-ном Эрбетсом в Соло-
вки, датированную 8 мая. Словом, телеграмму мне передали
с опозданием на два месяца.

Мне нетрудно было догадаться, что эти варвары насме-
хались над Францией, как и надо мной. Я возмутился тому,
как все ими игнорировалось, даже подпись посла Франции. И
прекратил голодовку — это не имело никакого смысла.

Из-за нечеловеческого обращения красных варваров моя
жена так и не оправилась от болезни. Мое здоровье также
сильно пошатнулось, я больше не в состоянии работать и мы
влачим жалкое существование.

Старая Ванга встретила его как близкого друга после долгой разлуки. И предрекла ему всеевропейскую известность. Впрочем, к пророчествам Тамаз Чейшвили относится скептически, и не потому, что отрицает их, а потому, что считает это неблагодарным занятием.

— В октябре прошлого года в интервью, данном телевидению, я говорил: Грузия стоит на распутье. Если мы найдем в себе силы противостоять злу и насилию, путь, которым мы пойдём, будет значительно легче и светлее, чем тот, которым нам придется идти, окажись мы слабыми, раздираемыми противоречиями, обуреваемыми ненавистью друг к другу. Похоже, нам выпало идти этим, вторым путем...

Тамаз Чейшвили известен в Грузии как экстрасенс-целитель. До тридцати одного года он жил как обыкновенный человек, не зная за собой каких-либо особых способностей. Хотя с детства ощущал свою, скажем так, непохожесть на других — был скуп на слова и движения (как будто, сам того не сознавая, накапливал внутреннюю энергию), угадывал чужие мысли, если возникали проблемы, мысленно отрывался от земли и смотрел на себя сверху...

В 1979 году Тамаз попал в автомобильную катастрофу. Друг погиб (его смерть он «увидел» накануне во сне, но не придавал сну какого-либо значения), а сам Тамаз пережил клиническую смерть.

— Впрочем, все, что происходит, вполне закономерно. Ведь мы живем на самой беспокойной планете. В Космосе нет места демократии — все в нем подчинено строгому порядку. А на Земле? На Земле испокон веку воюют, проливают кровь, травят, преследуют, гноят в застенках. Сколько зла отправлено в Космос! Ведь каждый из нас связан с Космосом. Мы все в какой-то степени астронавты, путешествующие на своей крошечной планете. У каждого — своя космическая роль. Любая наша мысль — реальная субстанция, и, если она зла, она наносит страшный вред единому космическому организму. И Космос мстит — на Землю обрушиваются эпидемии, ураганы, землетрясения, гибнут целые цивилизации — были тому примеры...

Оправившись после катастрофы, Тамаз стал ощущать ^{не-}кий внутренний жар — казалось, пламя сжигало его ^{изнут-}ри. Он потерял покой и был на грани психического ^{расстрой-}ства, когда один умный человек подсказал ему, что он обладает огромной внутренней энергией. И Тамаз начал дарить ее тем, кто в нем нуждался. Больные, страждущие, потерявшие надежду потянулись к нему, а он, еще неумело распоряжаясь своим Божественным даром (это потом пришли профессионализм и уверенность в себе), отдавал себя им без остатка. Даром получил, даром отдавал.

— Но человек по натуре оптимист! Это великий феномен. Что нам делать? Да жить! Знаете, в блокадном Ленинграде, где люди мерли от голода и холода, а иные, чтобы не околеть, занимались каннибализмом, регистрировались браки и, представьте, разводы. То есть люди жили! Они приняли как реальную данность свое положение, это включило их резервные возможности и помогло им выжить. Вот и мы должны осознать, в какое время живем, — опуститься на землю, перестать обманываться иллюзиями. И выживем. Будет трудно, да, нас ждут большие испытания. Но кровь, что льется сегодня, обогатит наш опыт. С опытом придет мудрость — сознание станет на порядок выше. Не будем сегодня задаваться вопросом — смогут ли грузины и абхазы жить на своей земле в мире и согласии как прежде. Не знаю, не уверен в этом. Грузины, пожалуй, смогут. Грузинскому характеру вообще присуще всепрощение (хотя и он начинает меняться), чего не скажешь об абхазском. Это мое личное мнение. Но я предвижу времена, когда в мире отпадет надобность в пограничниках. Грузия после 2000-го года станет для многих притягательной. Это будет цветущая страна с высоким уровнем жизни... Тамаз Чейшвили, казалось, излучает любовь и доброту. Жизнь для него дар Божий, и он не устает благодарить его за каждый подаренный ему день, час, миг. Изуродованные системой, во имя «светлого будущего» мы попирали сегодняшней день, не ценили его, а ведь именно сегодняшним днем и надо жить — «здесь и сейчас».

— Доброму человеку не нужен учитель. Он безошибочно ориентируется сам, без посторонней помощи. Как-то, выступая по телевидению, я сказал, что у меня нет помещения, где я мог бы принимать больных. На другой же день мне позвонила Манана Думбадзе, дочь Но-

дара Думбадзе, и предложила свою пустующую квартиру. А ведь мы даже не были знакомы. Люби ближнего, как самого себя, учит Библия. В этих словах — глубокий смысл, ибо, когда ты любишь ближнего, как самого себя, это тебе же во благо — нет отрицательных эмоций, разрушающих твой организм, доброта — залог здоровья.

Мало кто знает, что Тамаз Чейшвили историк по образованию, журналист по профессии, целитель по призванию, пишет художественную прозу. Впрочем, для тех, кому попались в руки сборник «Уличные ребята» и фантастические рассказы «Сириус — таинственный гость», это не секрет. «Уличные ребята» особенно дороги автору. Это ностальгия по детству, по старому Тбилиси, неповторимому аромату и климату его улиц. Фантастика — статья особая. Кажется, кто-то посылает ему особые сигналы, которые в его мозгу превращаются в зрительные образы, возникающие перед мысленным взором. Остается только описать их. Он садится и пишет, иногда по двенадцать часов кряду. Домашние знают, в это время его беспокоить нельзя.

Напоследок я задаю Тамазу Чейшвили два вопроса.

— Тамаз, в Америке и Израиле экстрасенсы являются национальным достоянием. Их оберегают, о них заботятся, создают все условия для максимального использования их дара. Можете ли вы то же сказать о себе?

— Пока что я «достояние» лишь своей жены, — шутит Тамаз, — что же касается максимального использования моих возможностей, то я предложил Министерству здравоохранения республики свое сотрудничество в сложном процессе реабилитации раненых и пострадавших в навязанной нам войне. Ответом мне было молчание.

— Что вы могли бы пожелать читателям нашего журнала в новом 1993 году?

— Все, что обычно желают в это время. Здоровья, счастья, успехов. Пусть каждый помнит, что жизнь — это Божий дар, и относиться к ней надо соответственно — к своей и чужой. И еще: я посоветовал бы им беречь этот номер журнала. При головной, зубной, любой боли пусть откроют страничку с этим интервью, положат на нее ладонь, и боль исчезнет.

— ?!

— Можете считать это новогодней шуткой, разыграем, чем хотите, но боль тем не менее пройдет.

Беседу вела Лиана ТАТИШВИЛИ

КОНТРОЛЬ

2000

სამშობლო
საბჭოთაო

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**Чабуа АМИРЭДЖИБИ, ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, Темгиз
БУАЧИДЗЕ, Нана КАНДЕЛАКИ, Камилла КОРЯНТЭЛИ
(зам. главного редактора), Лия СТУРУА, Георгий
ЧАРКВИАНИ.**

Технический редактор К. Котомина

Корректор И. Ахсахалия

Сдано в набор 5.04.93 г. Подписано к печати 8.04.93 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Ти-
раж 400. Заказ 503. Цена 40 р.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Сакпрессу».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, зам. главного редактора
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

გპ 144/1

ქართული
საქმიანობა

40 რუბ.

ИНДЕКС 76117

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური უკრანალი
„ლიტერატურა და ხელოვნება“
(რუსულ ენაზე).

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოცემის 1957 წლის ივნისიდან